

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, дорогой читатель! 3

Национальная литературная премия «СЛОВО» –
ПОЗДРАВЛЯЕМ лауреата! 4

Один в поле-
воин

Юнна МОРИЦ. Жар-птица Вечного огня –
у Неизвестного Солдата 5

80 лет
освобождения
Молдавии

Борис ШАПОВАЛОВ. 1944 год. Хроника освобождения..... 13

Куликово поле

Алла КОРКИНА. Прощанье славянки 27
Дмитрий НИКОЛАЕВ. Последний резерв..... 35

Воскресение

Олег ПАВЛОВ. Очарованный странник - 2..... 38

Пушкинская
горка

Сергей ПАГЫН. Говори с любимыми, говори... 51

Дом
Пушкина

Виктор КУШНИРЕНКО. «Сухим путём через мултыанскую
и волоскую земли» 58

Ольга БАТАЕВА. Пушкин и Лермонтов:
«Жизнь – вечность, смерть – лишь миг» 63

Поле зрения

Александр ЛЕВИЦКИЙ. Сапожки..... 68

Graiul râinii
Голос хлеба

Диана ЖАЛБЭ. Переводы стихов
Р. Рождественского и А. Бусуйока 72

Забвению
не подлежит

Ольга НАЗАРЕНКО. Город детства 76

Чистый
ключ

Ирина РЕМИЗОВА. Дворник Иов 79

Casa mare

- Сергей БЕЛКИН.** Урсоая 83
Из жизни пернатых 89

Мост

- Марина СЫЧЁВА.** Была война 95

БАМ-
ЛЕТ

- Сергей СУЛИН.** Необыкновенное путешествие за уральские горы, «Славное море» и шесть часовых поясов 100

Поли-ART

- Сергей ПИЛИПЕЦКИЙ.** О постановке «Алеко» С. Рахманинова на сцене Кишиневской оперы 113

Поле

притяжения

- Владимир ЕДАПИН.** Миниатюры 121

Жатва

- Олеся РУДЯГИНА.** А голубка летит 125
Наталья НОВОХАТНЯЯ. Поверить в чудо 130

У лукоморья

- Сергей ЗАМОЗ.** Слезинка на прощанье 131

Арысь-поле

- Наталья РОДИНА.** Листопад 139
Тамара АРТЕМЬЕВА. Абрикосы 145
Григорий ГАЧКЕВИЧ. Загадки о временах года 149

Жизнь
прожить-
не поле
перейти

- Мария Евдокимова (Бахова).** Мой Алтай (редактор - Ольга Тиховская) 154

Благодарим Российский центр науки и культуры за поддержку.

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
Литературный редактор и корректор: *Ирина Ремизова*
Художник: *Сергей Сулин*
Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoeполе-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"
г. Кишинёв, ул. Фередееулуй, 4

Перепечатка материалов – с разрешения редакции журнала «Русское поле».

© Русское поле, 2024

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

«Русское поле» приветствует тебя – через несколько бесплодных лет разлуки. Не по нашей вине она произошла, но мы сделали всё возможное, чтобы преодолеть преграды к тебе, апатию и безнадёжность. Теперь мы знаем точно – время за нас! Если спокойно и упрямо веришь в своё дело, если не опускаешь руки, не изменяешь призванию, не торгуешь принципами, не предаёшь родину, память и дорогих сердцу людей, если – несмотря и вопреки – служишь добру, – Небеса приходят на помощь. И то, что ты сейчас держишь в руках новый номер журнала тому подтверждение!

Этот год был чрезвычайно важен для наших сердец – год 225-летия Александра Сергеевича Пушкина и 80-летия освобождения родной Молдавии от фашистских захватчиков. Светло, гордо и радостно отмечались нами с тобой эти святые даты, ничто не смогло нас деморализовать и «перекрасить», и это, право, вселяет надежду, что власть тьмы, вселенского морока непременно закончится и впереди – поле созидания, красоты, творчества и любви! Будем же рядом!

Редакция РП

* * *

Если покажется вдруг, что Совесть и Честь – ерунда,
И кроме вреда, в них нет никакого смысла,
Тогда холодной воды попейте не из крана, где льётся вода,
А наденьте два звонких ведра на дугу коромысла
И отправляйтесь туда, где в колодце – звезда
Среди ясного дня видна, в той водичке мерцает она,
Где колодец – Читатель, в котором – небес глубина.

Эту воду я вёдрами пью, доставая её из колодца,
Где небес глубина, среди ясного дня свои звёздочки выстав,
Пьётся вёдрами этой воды, чистым сердцем колодца поётся,
Чья земная, небесная сила создаётся святынями смыслов,
Духом Господа, Бога, Творца – всего и всего остального,
Духом Господа, Бога, Творца, у которого было В Начале Слово,
Слово Бог, мироздание смыслов, невыразимых в числах.

Если покажется вдруг, что смысла нет никакого –
Ни в чём, нигде, никогда, нет ни Совести, ни Стыда,
Всюду победу празднует сатанинская, дьявольская орда, –
Будьте там, где не быть нельзя, там – где В Начале Слово,
Слово Бог, без которого нет – всего и всего остального,
Нет ни Совести, ни Стыда, ни в чём, нигде, никогда, –
Будьте там, где не быть нельзя, повторяю снова и снова,
Где колодец – Читатель Бога, первожизни святая вода.

ЮМ

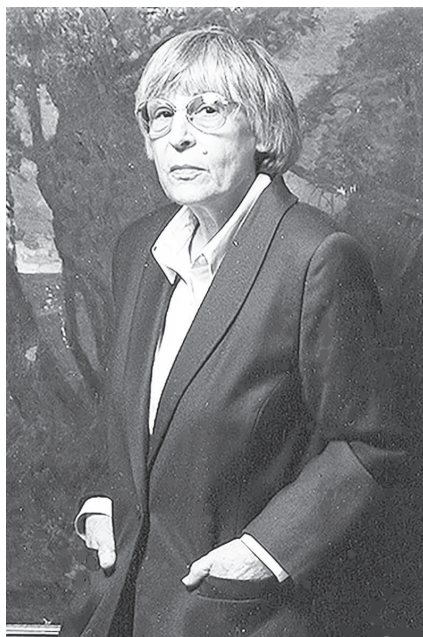

В июле 2024 года было объявлено о создании Национальной литературной премии «Слово». Учредителями самой масштабной из всех литературных премий России стали Союз писателей России и Российский книжный союз. Проект поддержал Президентский фонд культурных инициатив.

Обладателем главного приза Национальной литературной премии «Слово» стала ЮННА МОРИЦ.

Торжественная церемония награждения финалистов состоялась 15 декабря в московском театральном-концертном зале «Дворец на Яузе».

Главный приз «За вклад в литературу» был вручен Юнне Мориц советником президента РФ, председателем попечительского совета премии Еленой Ямпольской, которая назвала победительницу «*нравственным камертоном современной отечественной словесности*». Советник Президента РФ, председатель Наблюдательного совета фонда «Русский мир» отметила: «*Горжусь, что имела возможность вручить награду лично. Трудно было удержать слёзы, когда весь зал поднялся с мест в едином порыве любви и уважения*».

И мы – горячо приветствуем и аплодируем стоя любимой «поэтке», как она сама себя называет.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ВЕЛИКУЮ ЮННУ МОРИЦ, давнего друга и автора журнала «Русское поле», с ПОБЕДОЙ!

Всем сердцем желаем Вам, уважаемая Юнна Петровна, здоровья, радости, новых книг, умных благодарных читателей всех поколений, счастья близким людям, процветания Родины!

Редакция «РП»

Один в поле-воин

ЮННА МОРИЦ

* * *

Жар-птица Вечного огня – у Неизвестного Солдата.

У Неизвестного Солдата – жар-птица огненно крылата,
Она струится на ветру, Полка Бессмертного жар-птица,
Она струится по нутру, которое развоплотится,
Когда «За родину – огонь!» Такой огонь, чьё пламя – свято,
Жар-птица Вечного огня – у Неизвестного Солдата,
Его бессмертная душа – священной Родины жар-птица,
Она – «За Родину – огонь!» Священна каждая частица,
Которая искрится в нём, в огне, чья память не помята:
Жар-птица Вечного огня – у Неизвестного Солдата,
Которому благодаря, Победу Родины храня,
У Неизвестного Солдата – жар-птица Вечного огня,
Она – «За Родину – огонь!» Священна каждая частица
Огня – за Родину!.. Искрится священной Родины жар-птица,
Душа бессмертная, чьё знамя Победы – пламенем крылато.
Жар-птица Вечного огня – у Неизвестного Солдата.

* * *

Ходили песни по вагонам
В послевоенные года,
С баяном и аккордеоном
Они садились в поезда,
Где было душно, было тесно, –
Однако, в этой тесноте
Вагонным песням было место
Во всенародной песноте,
А песни те – на высоте
Полка Бессмертного, который
Давал билет на поезда
Вагонным песням!.. Контролёры
Не запрещали никогда
Ходить фольклору по вагонам

С баяном и аккордеоном
В послевоенные года,
Где пело старчество и детство,
Где бед поэтство и Побед
Имело вечности билет, –
Такое транспортное средство,
Чья тайна проливает свет,
Который льётся небосклоном
В послевоенные года,
Где ходят песни по вагонам
С баяном и аккордеоном,
И ходят песен поезда, –
Оттуда ходят к нам сюда,
Имея вечности билет, –

Такое проездное средство,
С которым старчество и детство
Поёт вагонное поэтство,
Фольклор послевоенных лет,

Где бед поэтство и Побед, –
На языках не иностранных,
Которым счастье – в наших ранах.

* * *

В полшестого утра – васильковое небо над нами.
Свет счастливых мгновений Господь погасить не даёт
Никакими ужасными, гнусными здесь временами!..
Васильковое небо над нами сияние льёт!

Васильковость небесная – тайны глубокой высокость,
Свет счастливых мгновений Господь погасить не даёт
Никакими кошмарами здешних времён, чья жестокость
Сатанических тварей – здесь реки кровавые льёт.

Васильковое небо над нами, где всех озарений
Свет счастливых мгновений Господь погасить не даёт
Никаким временам сатанизма, его озверений!
Васильковое небо над нами сияние льёт.

* * *

Из пепла сожжённых в Одессе
Феникс воскреснет, птица,
Крылья она развесит,
На крыльях воскреснут лица,
Победой они светиться
Будут, восстав из пепла,
В Одессе и в поднебесье,
Птица Феникс – великолепна!

Есть во вселенной созвездье,
Которое не закошмарили
В адском огне и дыме!..
Созвездье, чьё Феникс – имя,
В южном оно полушарии,
Созвездье победной вести!
В Одессе, на должном месте,
Феникс воскреснет, лица
Победы начнут светиться
На крыльях её, которые –
Победы размер, Истории,

Чьё зрелище – Феникс – птица,
Из пекла она, из ада,
Из пепла сильна явиться, –
Победа всегда крылата,
Размер её крыльев точен,
Бессмертием он заточен,
Вовеки веков не просрочен!

Феникс Победы – песня,
Из пепла она воскреснет,
На крыльях воскреснут лица,
Победой они светиться
Будут в воскресшем весе
Сожжённых живём в Одессе!

* * *

Всё, что казалось забытым, ничтожным, пропавшим,
Вдруг возвращается в память, искрясь новизной, –
Так возвращается рощам весенним и чащам
Праздник листвы, светоносно прозрачной, сквозной,

Праздник, земной и небесный, выпадающий в детство,
Крыльями всеми ныряющий в глубь высоты
Божьего дара, который падает в поэтство
Жизни, ныря листвою – сквозь деревья, кусты!

Всё, что казалось изношенным внутренне, внешне, –
Яблоней вдруг расцвело – как впервые, светясь
Облаком яблони, облаком вишни, черешни,
Облаком жизни, с которой заоблачна связь

Божьего дара, где всё – как впервые, не позже, –
Облако детства искрится сквозной новизной
Праздника жизни!.. Мурашки восторга – по коже
В ритме поэтства, под музыку речи родной!

Так возвращается нам Чувствознание – Знание Чувства,
Божьего дара, где всё – как впервые, искрясь,
Здесь – как впервые! – присутствует письменно, устно
Облаком жизни, с которым заоблачна связь

СВЯЩЕННЫЙ НОЧЛЕГ

В Киев с Урала вернулись мы после войны,
Жилья – никакого, но всё-таки мы спасены
Друзьями, где комната их в коммунальной квартире,
Комната метров – шесть на четыре, двадцать четыре,
Великое счастье, защита бездомных, ночлег,
Где спят на полу, на полатах, не на кроватях
Двенадцать живых, фронтовых, тыловых человек
И ночью меня в человеческих греют объятьях.

А утром из этих объятий я в среднюю школу иду,
Где в классе втором – по четыре ребёнка за партой,
И холодно, окна зимой коченеют во льду,
Но мы в тесноте согреваем друг друга – до марта,
Когда начинается таянье в школьном саду.

Питание школьное – булочка, ложечка сахара и кипяток,
А булочка – серого цвета, малютка, кругляшка,
Кончается булочка эта, как только четвёртый глоток
Горячего чая вливает в ребёнка щербатая чашка,
Из дома которая в школу приходит с тобой по утрам,
Где в небе на облаке белом – Андреевский храм.

И мне Чувствознание этого счастья навеки дано:
Оно, Чувствознание этого счастья – в моей глубине,
Которая – дно высоты, где сияет небесное дно
С Андреевским храмом на облаке, на белизне
Того Чувствознания, Знания Чувства, которое –
Земная, небесная, неистребимая, скорая,
Мгновенная помощь от Господа Бога, Творца
Любви, без которой История – это болезни история,
Болезни, чья территория с изнанки, а также с лица –

Человеческие сердца, где Божьего Духа, Отца и Сына Его
Скорая помощь веры!.. Вера, её торжество
С детства раннего, где на полу, на полатах, не на кроватях
Ночью меня в человеческих греют объятьях
Двенадцать живых, фронтовых, тыловых человек –
Божья помощь любви, незабвенный священный ночлег!

* * *

Все – против нас?.. Большое горе,
 Когда мы сами – против нас,
 В сравненье с этим - капля в море
 Все те, кто против нас сейчас.

Предать себя – большое горе,
 Великой порчи семена,
 В сравненье с этим – капля в море
 Все те, кто против здесь меня.

Мой личный опыт очень плотен
 И свеж, как щебет воробья, –
 Когда меня все были против,
 Я против не была себя!

Все против нас?.. Для них прекрасно,
 Когда мы сами – против нас!
 Но мы – сильнее в сто тысяч раз,
 Когда – себя не против!.. Ясно?

СВЯЩЕННЫЙ ДАР ЛЮБВИ

«Исполнились мои желания. Творец
 Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
 Чистейшей прелести чистейший образец» –
 «Мадонна» Пушкина, сонет, чья суть бездонна,
 Здесь – классика сонетного канона,
 Где строк – четырнадцать, ямбический резец,
 Работающий в пятистопном ритме,
 В котором дышат почва и судьба,
 Где Пушкину предсмертный пот со лба
 Сотрёт Мадонна!.. Явь – подобна бритве:
 Чистейшей прелести чистейший образец,
 Воспетый Пушкиным в божественном сонете,
 Утратит мужа, Пушкина, чьи дети
 Его Мадонной рождены на этом свете,
 Мадонной Пушкина, а Пушкин – их отец,
 Он причащён, и он – не крови лужа,
 А дух любви, он через семь годов
 Земного траура молитвенных трудов
 Избрал Мадонне доблестного мужа,
 Который был высокой чести воин, –
 Никто другой Мадонны не достоин,
 Мадонны Пушкина, отца, чьи были дети
 Его Мадонной рождены на этом свете,
 И Пушкин для детей своих избрал
 Любовь, с которой относился генерал
 К ребёнкам Пушкина, чьи лица на портрете –
 Высокой чести, благородства идеал.

* * *

Летай, снежок беленький,
 Летай, небесно целенький,
 Снежок мой родной!
 Ты – простота святая,
 Закутывай, летая,
 В размер закутай свой,
 Где в ритме снегопада
 Ты – чистая отрада,
 Закутай образ лютый
 Свирепости, закутай
 Волчатник мировой,

Его звериный вой
 Закутай и зарой
 Сугробною горой, –
 Снежок мой родной,
 Такой снежок беленький,
 Такой небесно целенький,
 Такой снежок строчек,
 Где дышит мой снежок,
 В ночи сверкая искрами,
 Такой снежок искренний.

* * *

Букварь небес, где «Мама мыла раму»,
 И где «Люблю грозу в начале мая», –
 Там в первом классе медсестричка фронтовая
 Показывает, как бинтуют рану
 Одной рукой!.. А где рука вторая?
 Там, где война Вторая Мировая.

«В реке Миасс нашла я гальку», эта строчка
 Из букваря небес, где в первом классе –
 Чистописание, которое украсит
 Письмо для фронта: из квадратного листочка
 Оно должно сложиться в треугольник, –
 Таким талантом обладает каждый школьник.

Букварь небес, где «мчится тройка удалая»,
 Где в первом классе ходят в госпиталь читать
 Стихи для раненых, романсы петь, пылая
 Любовью там, где это – Божья благодать,
 «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» –
 Букварь небес, где в данный миг была я.

Где где слов и песнопений
 Божьей коры, земной,
 Своей же нежной растеньи
 Своих меня идет со мной.

ЮМ

* * *

Во всём Россия виновата,
И это всё – в строке одной:
Россия недрами богата,
И на неё идут войной
За эти недра члены НАТО,
В которой членов многовато,
Чьи страны с гитлерём когда-то
Сплотились в армии одной!

И в раннем детстве надо мной
Летали бомбы этих стран
Со свастикой на чёрных крыльях,

Открыв войны кровавый кран,
Который мы тогда закрыли
Побед заоблачной ценой,
Побед священных, встав стеной
За нашу Родину!.. Сильна,

Богата недрами она,
И ни в какие времена,
Сплотясь, все страны – до одной,
Не смогут победить Россию,
Её Побед священных силу,
И в этом – вся её вина!

* * *

Если кажется, что хуже не бывает,
Я, как в детстве, еду в никуда
На гремучем, звончатом трамвае,
Где своя у каждого беда,
Где внутри у каждого, снаружи –
Холод, голод, ужасы войны, –
Кажется, что не бывает хуже,
Но в трамвае этом все – равны,
Испытаниям и страданиям общим
Все – равны, преодолая боль,
В тесноте трамвайной мы не ропщем,
Все – равны, и нам цена – не ноль.

На гремучем, звончатом трамвае,
Где своя у каждого беда, –
Речь о том, что хуже не бывает,
Вызовет сочувствие всегда
У того, кто изнутри, снаружи,
По своей, по собственной судьбе,
Знает, что ему намного хуже
Было и бывает, чем тебе.

В этом ритме тесного трамвая
Было и бывает дорогим
Чувство ритма, суть его живая,
Что тебе – не хуже, чем другим.

В этом ритме, и в жару, и в стужу
Едет Божьей помощи среда:
У того, кому намного хуже,
Есть к тебе сочувствие всегда.

*... у них тугой мостик плечам и подбородам –
особое приспособление для жизни злупкии вещей,
и в этой простотности скрывается районные
нежности и прочие мелочи, без которых –
с ума сойти!.. Концы сваги*

* * *

Из двух гимнастёрок, покрашенных в шоколадно-кофейный цвет,
Сшили мне первое платье школьное в шесть с половиной лет,
Платье было украшено белым, из хлопка, воротником,
Воротник, накрахмалив, гладили угольным утюгом,
Которым надо махать, чтобы он разгорался быстро,
Как чугунная печка, где уголь!.. Надо махать, чтоб искра
Вылетала сквозь зубы чугунного утюга, чья крышка зубаста.
Никаких утюгов электрических там нет, что бывает часто
В действительности, чья древность в образе, мне дорогом,
Гладит мне первое платье школьное с белым воротником
И машет, в воздухе пляшет чугунным угольным утюгом, –
Крышка его зубаста, искры летят сквозь зубы этого утюга
Действительности, чья древность – победный разгром врага
Великой Отечественной войной, великим народом страны родной,
Где из двух гимнастёрок, покрашенных в шоколадно-кофейный цвет,
Сшили мне первое платье школьное в шесть с половиной лет
В Челябинске, на Урале, – в России, в Стране Побед!

Юнна МОРИЦ родилась 2 июня 1937 г. в Киеве. В 1941–1945 гг. вместе с семьёй проживала в Челябинске, где её отец работал начальником транспортного отряда на эвакуированном Тульском патронном заводе №541. После окончания Великой Отечественной войны семья вернулась в Киев.

В 1954–1955 гг. была студенткой заочного отделения филологического факультета Киевского государственного университета. В 1955–1961 гг. училась на отделении поэзии Литературного института им. А. М. Горького (Москва). В 1962 году принята в Союз писателей СССР.

Автор поэтических сборников «Мыс Желания», «Лоза», «Суровой нитью», «При свете жизни», «Третий глаз», «Избранное», «Синий огонь», «На этом берегу высоком»,

«В логове голоса», «Лицо», «Таким образом», «По закону – привет почтальону», «Не бывает напрасным прекрасное», «Сквозеро». В 2008 году вышла книга прозы «Рассказы о чудесном». Автор нескольких сборников стихов для детей. В 1999 году под впечатлением от бомбардировок Югославии, проводившихся силами НАТО, написала поэму «Звезда Сербости».

Автор сценариев и стихов к мультфильмам «Пони бежит по кругу», «Сказка о потерянном времени», «Большой секрет для маленькой компании» и др.

Переводила стихи поэтов народов СССР (Расул Гамзатов, Саломея Нерис, Эллен Нийт, Фазу Алиева), а также Оскара Уайльда, Федерико Гарсиа Лорки, Константиноса Кавафиса, Теодора Ретке, Рэндалла Джарелла и др.

Произведения Юнны Мориц переведены на основные европейские языки, а также на турецкий, японский, китайский и др.

Награждена орденом «Знак Почета» (1987). Лауреат премий «Золотая роза» (Италия), «Триумф» (Россия), премии имени А. Д. Сахарова (Россия), премии правительства РФ в области культуры (2011). Обладательница главного приза «За вклад в литературу» национальной литературной премии «Слово» (2024).

БОРИС ШАПОВАЛОВ

1944 ГОД. ХРОНИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война советского народа против европейского фашизма. Республика Молдова (Молдавская ССР) рано утром в этот день, как и все западные республики Советского Союза, приняла удар фашистских агрессоров. В течение 53 дней на её территории шли тяжёлые оборонительные бои против немецко-румынских войск. С 13 августа 1941 года начались тяжёлые годы оккупации. Только весной 1944 года фронт опять подошёл к границам Молдавской ССР. Битва за освобождение Молдовы от фашистской оккупации в 1944 году длилась более пяти месяцев и проходила в несколько этапов.

1 этап. 17 марта – апрель 1944 года: освобождение левобережных и некоторых северных районов правобережной Молдавии от фашистских захватчиков в ходе зимне-весеннего наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов Красной Армии. Захват, расширение и удержание стратегических плацдармов на реках Днестр и Прут.

2 этап. Май 1944 года: сражение на семи днестровских плацдармах и их удержание. Перегруппировка советских войск и определение планов и сроков начала Яско-Кишинёвской операции.

3 этап. Июнь – август 1944 года: позиционные бои, укомплектование и обучение войск, определение направления главного удара, подготовка к стратегической наступательной операции.

4 этап. 20–29 августа 1944 года: Яско-Кишинёвская стратегическая наступательная операция 2-го и 3-го Украинских фронтов. Разгром немецко-румынской группы армий «Южная Украина».

Освобождение в ходе Уманско-Ботошанской наступательной операции 2-го Украинского фронта северных районов Республики Молдова в марте – апреле 1944 года. Выход на государственную границу СССР.

Уманско-Ботошанская операция проводилась силами войск 2-го Украинского фронта 5 марта – 17 апреля 1944 года. В ходе этой уникальной военной наступательной операции советские армии немногим более чем за месяц боёв продвинулись на 200–250, а местами почти на 320 километров, освободили огромную территорию Правобережной Украины и примерно треть территории Молдавской ССР.

Войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала И. С. Конева 17 марта 1944 года вышли на фронте более 100 км на реку Днестр и форсировали её на участке протяжённостью более 50 км. Правым флангом – через Могилёв-Подольск, Ямполь и Сороки, левым флангом – вдоль железной дороги Кировоград – Рыбница, откуда резко повернули на Кишинёв.

Первыми форсировали реку Днестр 2-я танковая армия генерал-лейтенанта С. И. Богданова, 52-я армия генерал-лейтенанта К. А. Коротеева, 27-я армия генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко, 4-я гвардейская армия генерал-лейтенанта И. В. Галанина и 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова.

17 марта 1944 г. советские войска в районе Сорок с ходу форсировали Днестр у сёл Косоуцы, Ярово, Кременчуг, Старая Татаровка и других населённых пунктов Сорокского района. Первым населённым пунктом Молдавии, освобождённым войсками 2-го Украинского фронта, было село Косоуцы Сорокского уезда/района. Косоуцы освободили 17 марта 1944 года воины 15-й мотострелковой бригады 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии.

Первым освобождённым молдавским городом стали Сороки. 17 марта первыми в Сороки вступили части 3-й танковой бригады 2-й танковой армии и партизанский отряд № 175 под командованием М. Н. Струкачёва.

С другой стороны в Сороки переправились через Днестр из украинской Цекиновки соединения 29-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Кириченко И. Ф. 5-й гвардейской танковой армии. В течение 17 и 18 марта советские войска заняли на правом берегу Днестра более 40 населённых пунктов. Город Сороки с 18 марта 1944 г. стал временной столицей Молдавской ССР.

С 21 по 24 марта советские войска захватили и расширили плацдармы на правом берегу Днестра, освободили райцентры Атаки, Рышканы, Тырново, Флорешты, Вертюжаны и перекрыли железную дорогу Бельцы-Черновцы. Ранним утром 26 марта 1944 г. был освобождён самый крупный город севера Молдавии и важный железнодорожный узел – Бельцы.

Освобождение северной части Молдавии во второй половине марта 1944 г. проходило в условиях весенней распутицы, когда противник при отступлении взорвал большинство переправ и, используя сильные оборонительные сооружения на правом берегу Днестра, оказывал наступающим советским войскам ожесточённое сопротивление. Несмотря на трудности, войска 2-го Украинского фронта успешно форсировали Днестр и к 26 марта 1944 г. вышли к реке Прут – государственной границе с Румынией. От немецко-румынских захватчиков были освобождены 200 населённых пунктов Молдавии, в том числе такие крупные города как Сороки, Бельцы, Атаки, Фалешты, Единцы, Окница, Рышканы, Рыбница и Оргеев.

В ночь с 25 на 26 марта 40-я, 27-я и 52-я армии II Украинского фронта передовыми отрядами вышли на государственную границу СССР по реке Прут и совместно с подразделениями 2-й и 6-й танковых армий, преследуя противника, в период с 26 по 28 марта форсировали Прут на 85-километровом фронте севернее города Унгены и перенесли боевые действия на территорию Румынии.

В этот же день, 26 марта на советско-румынскую границу на реке Прут в районе села Браниште Рышканского района вышел на охрану границы 24-й пограничный полк. Пограничники полка охраняли данный участок границы и участвовали в жестоких боях с немецко-румынскими захватчиками ещё в июне – июле 1941 года. 26 марта 1944 г. пограничники 24-го пограничного полка вернулись на свой охраняемый участок и установили на берегу реки первый пограничный столб с эмблемой СССР.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 8 апреля 1944 г. наименование «Днестровских» было присвоено: 38-й стрелковой дивизии, 159-му укреплённому району, 5-му механизированному корпусу, 2, 45 и 233-й танковым бригадам, 31-й отдельной истребительно-противотанковой бригаде, 5-й инженерно-сапёрной бригаде, 13, 69, 181 и 357-му армейским инженерным батальонам, 46 и 49-му инженерным батальонам, 38-му отдельному танковому полку, 1-му отдельному гвардейскому мотострелковому Краснознаменному полку, 39-му отдельному мотострелковому батальону, 327-му отдельному линейному батальону связи, 973-й отдельной кабельно-шестовой роте. (*Архив МО, ф. 240, оп. 14233, д. 1, л. 170*).

За мужество и храбрость, проявленные в боях на территории Молдавии между Днестром и Прутом, целые части и тысячи бойцов и командиров были удостоены правительственных наград, в том числе звания Героя Советского Союза.

В апреле войска 2-го Украинского фронта на участке протяженностью 170 километров за 20 дней боев заняли более 150 населенных пунктов Румынии. К середине апреля войска фронта достигли своим правым крылом Карпат в районе Ботошань, центром вышли на подступы к Яссам, а левым крылом – на подступы к Кишинёву. Немецко-фашистское командование, чтобы спасти от полного развала южное крыло своего фронта, перебросило на это направление 18 дивизий и 3 бригады. Войска 2-го Украинского фронта, испытывая нарастающее сопротивление противника, в середине апреля закрепились на достигнутом рубеже.

Одесская наступательная операция 3-го Украинского фронта 26 марта – 14 апреля 1944 года. Освобождение южных восточных районов Молдавии и захват семи плацдармов на правом берегу Днестра.

Параллельно с Уманско-Ботошанской операцией проводилась Одесская наступательная операция 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского (при содействии сил Черноморского флота под командованием адмирала Ф. С. Октябрьского).

Целью наступления 3-го Украинского фронта было не допустить организованного отхода немецко-румынских войск за реки Южный Буг и Днестр, захватить переправы и не дать противнику организовать оборону, овладеть городами Тирасполь и Одесса, освободить северо-западное побережье Чёрного моря и продолжать наступление с целью выхода на р. Прут и северный берег р. Дунай, на государственную границу СССР с Румынией.

Наступление войск 3-го Украинского фронта проводилось в весеннюю распутицу, да ещё и под проливными дождями. В целях повышения подвижности войск, быстрого обхода узлов сопротивления и опорных пунктов врага, выхода им в тыл и захвата важных узлов дорог, переправ и мостов на реках в дивизиях были созданы подвижные передовые отряды в составе до роты автоматчиков, взвода сапёров на автомашинах, с одним-двумя 45-мм орудиями или самоходно-артиллерийскими установками.

28 марта 1944 г. советские войска штурмом овладели Николаевом, а 31 марта освободили Очаков. 5 апреля войска 37-й армии и конно-механизированная группа под командованием генерал-лейтенанта И. А. Плиева внезапным ударом овладели железнодорожной станцией Раздельная, и продвигаясь на юг, рассекли всю Южно-Бугскую группировку вражеских сил на две части, одна из которых в составе 2-х корпусов продолжала отходить к Тирасполю, а другая в составе 4-х немецких и 1-го румынского корпусов отступила к Одессе.

Войска правого крыла 3-го Украинского фронта 6 апреля 1944 г. успешно форсировали реку Кучурган и начали освобождение Григориопольского района Молдовы, а войска левого крыла фронта в результате ожесточённых боёв утром 10 апреля овладели городом Одессой – крупным промышленным центром и портом на Чёрном море. Но большей части немецкой 6-й армии удалось пробиться на запад и переправиться через Днестр. 12 апреля войска 37-й армии с ходу освободили Тирасполь, важнейший молдавский город на Днестре, где были сконцентрированы немецкие армейские склады.

Овладение 28 марта плацдармом на реке Прут севернее Ясс 2-м Украинским фронтом, и 12 апреля Кицканским плацдармом южнее Тирасполя/Бендер 3-м

Украинским фронтом послужило в последующем исходной позицией для успешного прорыва обороны и наступления советских армий в ходе Ясско-Кишинёвской наступательной стратегической операции 20–29 августа 1944 года.

В результате Одесской операции советские войска нанесли тяжелое поражение немецкой 6-й и румынской 3-й армиям. Продвижение советских войск составило до 180 км, были освобождены Николаевская и Одесская области Украинской ССР, а также значительная часть Молдавии.

По планам Ставки ВГК 2-й и 3-й Украинские фронты в ходе мартовско-апрельского наступления должны были выйти на государственную границу по реке Прут. 2-й Украинский фронт маршала Конева на плечах отступающего противника с ходу форсировал Днестр (17–18 марта) и Прут (26–27 марта) и вошёл в Румынию севернее Ясс.

3-му Украинскому фронту генерала армии Малиновского удалось занять семь плацдармов на правом берегу Днестра. За то время, когда войска фронта штурмовали и освобождали Одессу, 6-я немецкая и 3-я румынская армии успели отвести свои соединения за Днестр и выстроить оборону. На южном участке фронта наступлению мешал Днестровский лиман и разлившийся от весеннего половодья Днестр, в районе Бендер – Тирасполя серьёзным препятствием оказалась Бендерская крепость и система ДОТов на старой румынской границе.

Тем не менее превосходство советского военного искусства над немецким, по существу, было признано и самим германским главнокомандованием. Гитлер снял с постов командующих группами армий Манштейна и Клейста. Многие фашистские генералы – командиры дивизий и коменданты городов – были арестованы и преданы суду.

В связи с вступлением Красной Армии в Румынию Советское правительство 2 апреля заявило, что «оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исклю-

чительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника». Это заявление со всей чёткостью и определенностью показывало, что СССР оставляет за освобождаемыми народами право самим решать свою судьбу. 12 апреля Румынии были предложены гуманные условия перемирия, но антинародное правительство Антонеску, связав судьбу страны с Гитлером, отказалось принять их.

Битва за плацдармы на Днестре в апреле – мае 1944 года, которая и определила время проведения Ясско-Кишинёвской операции.

11–12 апреля 1944 г. наступающие армии 3-го Украинского фронта освободили практически всё левобережье Днестра южнее Дубоссар и до Чёрного моря.

12 апреля 1944 года войсками 8-й гвардейской, 46, 37, 57-й армий 3-го Украинского фронта, с ходу форсировавших Днестр в нескольких местах, были захвачены Кицканский, Варницкий, Шерпенский плацдармы, а 13–14 апреля – Чобручский, Раскаецкий, Пуркарский и плацдарм у села Паланка. В течение 4-х месяцев на этих плацдармах шли ожесточённые бои по их расширению и удержанию.

Разграничительная линия между 2-м и 3-м Украинскими фронтами проходила посередине Шерпенского плацдарма. Севернее села Шерпены (Ташлык – Бутор на левом берегу) на Днестр вышли соединения 2-го Украинского фронта.

В ходе кровопролитных боёв в апреле – мае 1944 г. 48 солдат и офицеров Красной Армии, отличившихся при форсировании Днестра и захвате плацдармов на его правом берегу, получили высокое звание Героя Советского Союза.

Наиважнейшую роль в ходе подготовки к Ясско-Кишинёвской операции сыграли советские Кицканский и Шерпенский плацдармы на правом берегу Днестра. Именно с Кицканского плацдарма войска 3-го Украинского фронта (с 15 мая 1944 г. командующий – генерал армии Ф. И. Толбухин) 20 августа нанесли главный удар по врагу в ходе Ясско-Кишинёвской наступательной операции. Противнику так и не удалось заранее обнаружить главную группировку войск 3-го Украинского фронта на Кицканском плацдарме. Скрытно от противника на нём, кроме трёх стрелковых корпусов 37-й армии, были сосредоточены 57-я армия и корпус 46-й армии, 7-й механизированный корпус (на левом берегу Днестра), несколько отдельных тяжёлых танковых полков, 51 артиллерийский полк и до 30 специальных частей усиления. Войска 37-й армии, действуя на главном направлении удара с Кицканского плацдарма, сыграли решающую роль в успешном проведении Ясско-Кишинёвской операции.

На Шерпенском плацдарме, с которого первоначально советским командованием планировался прямой удар на Кишинёв, в апреле – мае 1944 года развернулись драматические события. Северную часть плацдарма 12–13 апреля заняла 5-я гвардейская армия 2-го Украинского фронта, тогда как в южной части 12–13 апреля десантировался 68-й стрелковый корпус 57-й армии 3-го Украинского фронта. Единого командования войсками на плацдарме не было, и это серьёзно мешало предпринять совместные усилия по его расширению и дальнейшему наступлению на Кишинёв. К маю площадь плацдарма и его стратегическое положение позволяли разместить на нём значительные силы, способные нанести мощный прямой удар по вражеским войскам как в направлении Кишинёва, так и в направ-

лении Прута. Решением Ставки Главного командования плацдарм был объединён и передан под управление 3-му Украинскому фронту.

10 мая 1944 г. 6-я немецкая армия нанесла мощный неожиданный контрудар на Шерпенском плацдарме. В результате майских боёв Шерпенский плацдарм сократился на более чем 60%, но тем не менее выстоял. Сражение на Шерпенском плацдарме длилось 134 дня (почти 4,5 месяца), с 12 апреля по 23 августа 1944 года, и было одним из самых кровавых в истории освобождения Республики Молдова от фашистской оккупации в годы войны. Здесь в разные периоды четырёхмесячного противостояния героически сражались воины 5-й и 8-й гвардейских армий, 57-й общевойсковой и 5-й Ударной армии. На Шерпенском плацдарме с апреля по август 1944 г. погибло и пропало без вести более 11600 советских военнослужащих.

Параллельно немецкому наступлению на Шерпенском плацдарме 10–18 мая 1944 г., драматические события развернулись и на Кошницком немецком плацдарме на левом берегу Днестра, где была предпринята попытка выбить немцев с левого берега Днестра и объединить Кошницкий и Шерпенский плацдармы. За семь дней боёв 5-я Ударная армия в «Кошницкой петле» потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести целую штатную стрелковую дивизию. В ночь с 20 на 21 мая 1944 года остаткам советских дивизий удалось вырваться из немецкого окружения.

Советский план наступления на Кишинёв в мае – июне 1944 года был немцами сорван. Ни с Шерпенского плацдарма, ни через «Кошницкую петлю» прорвать немецкую оборону на Днестре не удалось. Более того, 8-я гвардейская и 5-я ударная армии понесли чувствительные потери. Нужно было пополнять войска, разрабатывать и готовить новую наступательную операцию. С конца мая 1944 г. на всей линии 2-го и 3-го Украинских фронтов наступило затишье, началась подготовка к Ясско-Кишинёвской операции.

5-я ударная армия генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина всё лето успешно имитировала ложное сосредоточение механизированного корпуса, нескольких стрелковых корпусов и артиллерийской дивизии прорыва на левом берегу Днестра в районе ложного Шерпенского плацдарма (левобережный район: Дубоссары, Карманово, Григориополь). Введённое в заблуждение командование группы войск «Южная Украина» сосредоточило на Кишинёвском выступе против Шерпенского плацдарма свою лучшую армию – 6-ю немецкую.

Ясско-Кишинёвская наступательная операция 2-го и 3-го Украинских фронтов 20–29 августа 1944 года. Разгром фашистской группы войск «Южная Украина» и выход Красной Армии на Балканы и в Венгрию.

В обороне группы армий «Южная Украина» стоял своеобразный микст из румынских и немецких соединений и частей. Они были перемешаны на разных направлениях. Участок Днестровского лимана в полосе предстоящего наступления 3-го Украинского фронта был отдан немцами соединениям 3-й румынской армии, также и в Карпатах в полосе наступления 2-го Украинского фронта были дивизии из 4-й румынской армии. Важный кишинёвский выступ прикрывала 6-я немецкая армия. Также немецкие части обороняли значительный участок открытой мест-

ности, примыкавший к реке Прут. В полосе 2-го Украинского фронта под Яссами в своеобразном шахматном порядке стояли вперемешку немецкие и румынские соединения 8-й немецкой и 4-й румынской армий.

Несмотря на то, что большую часть фронта обороняли немецкие соединения, тем не менее 40 % линии фронта прикрывали румынские части. Румынские 3-я и 4-я армии обороняли в общей сложности 267 километров из 654-х километров фронта группы армий «Южная Украина».

Ясско-Кишинёвская операция – наступательная операция войск 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией, проведена 20–29 августа 1944 г.

«Ясско-Кишиневские Канны», как называют эту блестящую операцию, позволила разгромить группировку немецких войск «Южная Украина», завершить освобождение Молдавской ССР, Измаильской области Украинской ССР, вывести Румынию из войны на стороне Германии, открыть дорогу Красной Армии на Балканы и в Центральную Европу.

К началу операции войска 2-го Украинского (с 15 мая 1944 г. командующий генерал армии Р. Я. Малиновский) и 3-го Украинского (командующий генерал армии Ф. И. Толбухин) фронтов находились на рубеже Красноильск, Пашкани, севернее Ясс, далее по Днестру от Бравичен – Дубоссар и до Черного моря и занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника. В районе Кицкан, южнее Бендер/Тирасполя, советские войска удерживали важный плацдарм на правом берегу Днестра, удар с которого сыграл огромную роль в успешном развитии наступления.

Перед 2-м и 3-м Украинскими фронтами оборонялась группа армий «Южная Украина» (командующий генерал-полковник Йоханнес Фриснер) в составе 8-й и 6-й немецких, 3-й и 4-й румынских армий и 17-го немецкого отдельного армейского корпуса, общей численностью 900 тыс. человек, более 50 дивизий (из них 25 немецких, 22 румынские и 5 румынских бригад), 7,6 тыс. орудий и минометов, свыше 400 танков и штурмовых орудий. Их поддерживала часть сил 4-го воздушного флота и румынские авиационные корпуса, имевшие 810 самолетов. Группа армий «Южная Украина» была разделена на две армейские группы: «Велер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии и 17-й немецкий армейский корпус) и «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии).

Противник, используя гористый рельеф местности и многочисленные реки, создал глубоко эшелонированную (до 80 км) оборону с развитой системой инженерных сооружений. В центре группы армий «Южная Украина» на кишинёвском направлении занимала оборону наиболее боеспособная 6-я немецкая армия, а на флангах – в основном румынские войска.

В Ясско-Кишинёвской операции с советской стороны принимали участие войска двух фронтов Красной Армии. Действия фронтов координировал представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

2-й Украинский фронт (Р. Я. Малиновский). В него входили: 27-я армия, 40-я армия, 52-я армия, 53-я армия, 4-я гвардейская армия, 7-я гвардейская армия, 6-я танковая армия, 18-й танковый корпус и конно-механизированная группа. Авиационную поддержку фронту оказывала 5-я воздушная армия.

3-й Украинский фронт (Ф. И. Толбухин). В него входили: 37-я армия, 46-я армия, 57-я армия, 5-я ударная армия, 7-й механизированный корпус, 4-й гвардейский механизированный корпус и другие части фронтового усиления. Авиационную поддержку фронту оказывала 17-я воздушная армия. С войсками 3-го Украинского фронта в ходе Яско-Кишинёвской операции взаимодействовали: Черноморский флот (командующий адмирал Ф. С. Октябрьский), в состав которого также входила Дунайская военная флотилия (командующий контр-адмирал С. Г. Горшков). Флот имел в своём составе 1 линкор, 4 крейсера, 6 эсминцев, 30 подводных лодок и 440 кораблей других классов. ВВС Черноморского флота насчитывали 691 самолёт.

Таким образом, к началу операции советское командование на этом участке советско-германского фронта сконцентрировало 92 стрелковых, воздушно-десантных и кавалерийских дивизий, 17 артиллерийских, миномётных, зенитно-артиллерийских дивизий, 18 авиационных дивизий, 9 соединений военно-морского флота и сотни отдельных бригад, полков, батальонов войск специального назначения. В составе советских войск находилась 1-я румынская добровольческая дивизия им. Тудора Владимиреску.

Для проведения операции советским командованием были привлечены 1 314 200 человек, 16 тыс. орудий и минометов, 1870 танков и САУ и 2200 боевых самолётов (с учетом авиации флота).

На участках прорыва обороны противника (на 2-м Украинском фронте – 16 км, на 3-м Украинском – 18 км) были созданы высокие оперативные плотности наступающих войск – до 240 орудий и минометов и до 56 танков и самоходно-артиллерийских установок на 1 км фронта. Стрелковые дивизии наступали на фронте менее 1 км. На направлениях главных ударов прорыва было сосредоточено 67–72 % пехоты, до 61% артиллерии, 85% танков и САУ, почти вся авиация. Благодаря этому на участках прорыва фронты имели превосходство над противником: в людях – в 4–8, в артиллерии – в 6–11, в танках и САУ – в 6 раз. Это обеспечило им возможность непрерывно наращивать мощь ударов в наступлении.

Наступление обоих фронтов началось утром 20 августа после мощной артиллерийской, а на 3-м Украинском фронте и авиационной подготовки. Войска 2-го Украинского фронта в первый же день прорвали оборону противника на всю тактическую глубину и продвинулись на 16 км, развивая наступление в направлении Васлуй, Фельчиу. В полосе 27-й армии уже в середине дня в прорыв была введена 6-я танковая армия генерал-лейтенанта Г. А. Кравченко. К исходу дня её соединения вышли к 3-й оборонительной полосе противника, проходившей по хребту Маре.

В высоком темпе развивалось и наступление 3-го Украинского фронта с Кицканского плацдарма на Днестре южнее Бендер, в направлении Опач, Селемет, Хуши. 37-я и 46-я армии в течение дня прорвали главную полосу обороны противника по фронту в 40 километров и, продвинувшись в глубину на 12 км, местами вклинились во 2-ю полосу немецкой обороны. Наступление советских войск с Кицканского плацдарма оказалось полной неожиданностью для немецкого командования. Штаб немецкой группы армий «Южная Украина» и её главнокомандующий Ганс Фриснер были уверены в том, что главный удар 3-го Украинского фронта будет нанесён из района Дубоссары, Григориополь, Карманово через Шерпенский плацдарм прямо на Кишинёв. Поэтому держало на Кишинёвском выступе самые отборные свои дивизии – 6-ю армию.

На второй день противник подтянул к району прорыва 2-го Украинского фронта части 12 воинских соединений, в том числе 3 пехотные, танковую и моторизованные дивизии, и контратаками пытался остановить его наступление. Однако ввод в сражение в полосе 52-й армии 18-го танкового корпуса, а на вспомогательном направлении – 7-й гвардейской армии и конно-механизированной группы генерал-майора С. И. Горшкова сорвали планы противника. К исходу второго дня войска фронта сокрушили оборону противника, преодолев его 3-ю оборонительную полосу, и, продвинувшись до 40 км в глубину, овладели городами Яссы и Тыргу-Фрумос.

Войска 3-го Украинского фронта 21 августа отбили мощный контрудар главного резерва 6-й немецкой армии – 13-й танковой дивизии и группы генерала «Драбе» под Ермаклией, также завершили прорыв обороны противника. Введённые в сражение в этот день 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса продвинулись до 30 км в глубину и фактически отсекли 6-ю немецкую армию от 3-й румынской армии. Большую помощь сухопутным войскам оказала авиация фронтов. За два дня 5-я и 17-я воздушные армии совершили около 6350 самолёто-вылетов. Механизированные корпуса и стрелковые дивизии 37-й армии 3-го Украинского фронта, поддерживаемые авиацией, преодолевая сопротивление отходящих немецко-румынских войск, устремились к Пруту.

Развивая успех на внутреннем фронте окружения, 23 августа 18-й танковый корпус 2-го Украинского фронта вышел в район Хуши, а 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса 3-го Украинского фронта – к переправам на р. Прут в районе Леушен и Леово. Оперативное окружение кишинёвской группировки противника (18 немецких дивизий) было завершено. 37-я армия вместе с механизированными корпусами преградила путь отступающей к Пруту немецкой 6-й армии.

В этот же день войска 46-й армии, форсировавшие накануне, 22 августа, во взаимодействии с Дунайской военной флотилией Днестровский лиман, окружили при содействии флотилии 3-ю румынскую армию, которая на следующий день прекратила сопротивление.

Разгром немецких войск и румынской армии – опоры гитлеровского режима – в ходе Яско-Кишинёвской операции создал условия для свержения режима Иона Антонеску в Румынии. Понимая, что Германия окончательно проиграла войну и потянет за собой в могилу и Румынию, её правящие круги совместно с комму-

нистами и другими патриотическими силами вечером 23 августа 1944 г. свергли режим Иона Антонеску и 24 августа сформировали новое правительство, которое 25 августа объявило войну гитлеровскому рейху.

К четырём часам утра 24 августа войска 5-й Ударной армии генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина освободили Кишинёв – столицу Молдавской ССР. К исходу 24 августа советские войска продвинулись на 130–140 км. В окружении оказалось 18 немецких дивизий, более 40 отдельных частей и штабы 4-х армейских корпусов, почти 300 тысяч солдат и офицеров. Таким образом, на 5-й день завершился первый этап стратегической операции, в ходе которой было достигнуто окружение главных сил группы армий «Южная Украина».

Советское командование направило 50 дивизий и основные силы обеих воздушных армий вглубь Румынии на помощь восстанию, а 34 дивизии были оставлены для ликвидации окружённой группировки. 25–27 августа 37-я армия совместно с 5-й Ударной и 57-й армиями, двумя механизированными корпусами 3-го Украинского фронта и 4-й гвардейской армией генерал-лейтенанта И. В. Галанина 2-го Украинского фронта добивала немецкие войска, попавшие в окружение между Кишинёвом и Прутом.

Красная Армия освободила Леово, Котовск, Кагул, Вулканешты. Западнее Кишинёва, в районе сёл Лапушна, Стольничены, Костешты, Резены, Каракуй советские войска окружили остатки 12 немецких дивизий. Колоннами в несколько тысяч солдат и офицеров при поддержке артиллерии и танков они пытались прорваться в юго-западном направлении. На полях к северу от местечка Леово бои приобрели характер избиения пытающихся вырваться из окружения немецких войск.

На юге Бессарабии силы Черноморского флота и 3-го Украинского фронта 23 августа перерезали пути отступления 3-й румынской армии. 25 августа дивизии этой армии капитулировали в районе сёл Татарбунары, Байрамча, Будаки.

26 августа войскам 2-го Украинского фронта в полном составе сдались 5 румынских дивизий 4-й румынской армии.

26 августа вся территория Молдавии была полностью занята советскими войсками. 27 августа немецкие войска, окружённые на восточном берегу Прута, прекратили сопротивление.

Утром 31 августа соединения 6-й танковой и 53-й армий вошли в Бухарест, занятый румынскими патриотическими силами. 12 сентября 1944 г. в Москве советское правительство от имени союзников – СССР, Великобритании и США – подписало соглашение о перемирии с Румынией.

В период Ясско-Кишинёвской операции были разбиты, окружены и ликвидированы 6-я и 8-я немецкие, 3-я и 4-я румынские армии. Здесь были уничтожены 22 немецкие дивизии (из них 18 дивизий – пять немецких армейских корпусов попали в окружение), 22 дивизии и 5 бригад королевской Румынии были разгромлены или капитулировали.

По данным Совинформбюро от 31 августа 1944 г. за время наступательных боёв 2-го и 3-го Украинских фронтов с 20 по 31 августа взято в плен 208 600 солдат и офицеров противника, из них 97 100 немцев. В числе пленных – 24 генерала.

В итоге двенадцатидневных наступательных боёв, проведённых в тесном взаимодействии войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, потери противника по главным видам боевой техники и живой силы составили: убитыми – 210 000 солдат и офицеров, самолётов – 351, танков и самоходных орудий – 956, орудий разных калибров 5576, миномётов – 3261, пулемётов – 19 105, автомашин – 46 640.

Из 341 тысяч солдат и офицеров 6-й немецкой армии не менее 256 тысяч погибли либо попали в плен. За Карпаты удалось отступить только шести сильно потрепанным дивизиям 8-й немецкой армии, избежавшим окружения. Подразделений, сформированных из этих духовно и физически истощённых людей, немецкому командованию не хватило даже для того, чтобы запереть шесть карпатских перевалов. Линию фронта немцам удалось восстановить только через месяц после окончания Ясско-Кишинёвской операции.

Общая цифра погибших, пропавших без вести и попавших в плен немецких и румынских солдат и офицеров группы армий «Южная Украина» доходит до полу-миллиона человек, что составляет более 50% фашистской группировки.

Яско-Кишиневская операция, пожалуй, одна из немногих крупных стратегических операций Великой Отечественной войны, в которой победа над врагом была достигнута сравнительно малой кровью. 2-й и 3-й Украинские фронты потеряли 67 130 человек убитыми, пропавшими без вести, ранеными и больными. По послевоенным подсчётам, с учётом умерших после боёв от ран в госпиталях, потери РККА составили 13 197 погибших и пропавших без вести (1% от общей численности войск двух фронтов Красной армии, участвовавших в операции), и 53933 раненых (санитарные потери), что является результатом самых малых потерь при проведении военных операций подобного масштаба (всего – 67 130 солдат и офицеров). (*Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооружённых сил. – Москва: Олма-Пресс, 2001*).

В то же время противник в результате окружения и уничтожения своей группировки лишился 22 немецких дивизий и полумиллиона убитыми, ранеными и пленёнными немецкими и румынскими солдатами. Это – наглядное свидетельство высокого уровня советского военного искусства и боевого мастерства командного состава.

Победа, достигнутая Красной Армией в Яско-Кишинёвской операции, обрушила южный фланг советско-германского фронта и открыла ей путь на Балканы. Она позволила вырвать из-под власти пронацистских режимов Румынию и Болгарию и создала условия для их присоединения к Антигитлеровской коалиции. Она вынудила германское командование к отводу своих войск из Греции, Албании, Болгарии. В сентябре советские войска установили непосредственную связь с Югославской народной армией Броз Тито и 23 октября освободили Белград. Балканы были Гитлером потеряны, соединения 2-го и 3-го Украинских фронтов вошли в Венгрию.

Ясско-Кишинёвская операция вошла в историю как «Ясско-Кишинёвские Канны» или «Ясско-Кишинёвский Сталинград» и показала ярчайшие примеры высокого уровня советского военного искусства.

В период наступления советские воины, офицеры и генералы проявили невиданный массовый героизм. Только в августе 1944 г. за мужество и отвагу было награждено орденами и медалями около 20 000 солдат и офицеров. Особо отличившимся в боях за освобождение Молдавии 158 воинам (представителям 13 национальностей СССР) присвоено звание Героя Советского Союза, 66 воинских частей и соединений награждены орденами. За боевые отличия 126-ти соединениям и частям сухопутных войск и флота, участвовавшим в Ясско-Кишинёвской операции, были присвоены почетные наименования: Кишинёвских – 26, Нижнеднестровских – 28, Измайльских – 10, Ясских – 56, Фокшанских – 13, Рымницких – 11, Констанцких – 10.

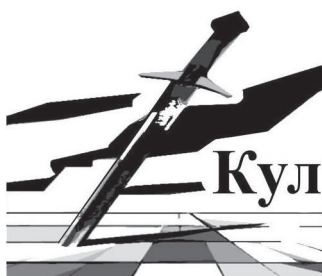
Несмотря на то, что война ещё продолжалась более восьми месяцев, на многострадальную молдавскую землю пришёл мир.

Борис ШАПОВАЛОВ – историк, политолог, публицист, доктор философии в области социологии, преподаватель истории высшей дидактической степени, член-корреспондент Международной Кадровой Академии. Родился в 1958 году в селе Кицканы Слободзейского района МССР. Окончил Кишинёвский государственный педагогический институт им. И. Крянгэ, Межрегиональную академию управления персоналом.

Автор более 50 книг – учебников, монографий, методических работ и научно-популярных книг по истории, маркетингу, экономике, праву и педагогике, в том числе 14 книг о Великой Отечественной войне. Среди них – «Республика Молдова в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Кицканский огненный плацдарм», «Правда о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Лента нашей памяти», «Герои молдавской земли», «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы, цифры, факты», «Освобождение Кишинёва от фашистской оккупации», «1941. Вторжение», «В военном небе Молдавии», «Шерпенский плацдарм», «Освобождение. Ясско-Кишинёвская операция» и др.

Заместитель председателя Союза офицеров Республики Молдова, член Национального Координационного комитета «Победа», правления Молдавского историко-географического общества и Ассоциации русских писателей Республики Молдова. За заслуги награждён орденом «Gloria muncii – Трудовая слава», медалью Штефана чел Маре, почётными знаками Россотрудничества, Международного совета российских соотечественников, Молдавской православной церкви и другими правительственными и общественными наградами.

Куликово поле

АЛЛА КОРКИНА

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Мелькали весной полустанки,
Прочёркивал небо болид.
Марш гордый «Прощание славянки»
Над площадью снова летит.

Зачем средь весны он тревожит,
Зачем его вспомнил оркестр?
И брату понять невозможно,
Как глохнет пространство окрест.

Но пусть по нему не рыдает.
Как плач расставания он,
Летя над разбуженным краем,
Над грустью подружек и жён.

Весенний призыв уже кончен,
И подан состав на перрон.
Рвёт ветер и музыку в клочья,
Колышет усталость знамён.

ЧУЖОЙ ДЕСАНТ

Кто забыл тот десант на Кубань
В сорок третьем году, пыльным летом и злым?
И водил по домам автоматчиков в рань
Из тюрьмы убежавший сын бая Касым.

И тебя от тетрадок и нот увели,
И таскал за собой, как наложницу, Карл.
Ты ребёнка травила, чтоб чуждой земли
Не носить в себе семя – он юность украл.

Ты всю жизнь сумасшедшей слегка прожила,
И любил тебя муж, и простила земля.
Но предательства тень так тебя обожгла,
Что забыть это утро вовек не могла.

И осталось проклятьем тех горестных лет,
Что ребёнка от мужа любимого нет.

Ты из хлебного Ташкента
Захотела в Вологду.
И легла дороги лента
Из чужбины к голоду.

В сорок третьем, горемычном,
Захотелось к матери.
В том, горячечном, коричневым
Скудный хлеб на скатерти.

Как ты там набедовалась
С лесозаготовками!
Лён растила, надрывалась,
Хоть спасибо, ловкая.

Что тебя несло средь бури
В отчий дом да в Вологду?
Мать смеётся: «Много дури,
Как бывает смолоду».

МАМЕ

Первый заморозок ломкий...
Ночью поздней, в чём была,
В полушалке и с ребёнком,
Будто пьяной от вина,
К бабке еле добрела.

Пахло травами и воском,
Богородица в углу,
Словно древней жизни остров
И надежды хлипкий мостик...

– Знахарка, оставь иглу.
– Что ты, доченька? – Бомбёжки.
– Муж твой где же? – На войне.
– А сыночек твой обмёрший
Весь горит и лобик морщит,
Разметался, как во сне.

Что ты сына зачинала
Перед самою войной?
– Это выюга врачевала
И метель запеленала,
Мне не справиться с виной.

– Что ты первенца, кровинку,
От беды не сберегла?
– Мне война была в новинку,
Дай мне трав лечебных кринку,
Смерть-старуху не ждала.

ОТЦУ

Он пришёл по первопутку,
Тот, с котомкою, солдат.
Разжигая самокрутку,
Поглядел на избы – рад...
Так негаданно и сладко
То свиданье по весне.
У жены торчат лопатки,
Сам контужен на войне.
И, оглохший, похудевший,
Он целует сладость слёз.
И куда вихор твой делся?
Лишь торчит курносый нос.
Он в тепло родного дома
Весь уткнулся, чтобы всласть
Этим запахом и дрёмой
Надышаться и упасть.

Трое суток богатырски
Спать и снов дурных не знать.
А за травкой монастырской
Поутру сходила мать.
Было коротко свиданье,
Долгою была тоска.
Только сердце неустанно
Ждёт и годы, как века.
Только он не видел в этом
Подвига, а просто труд,
Да ещё в суровых ветрах
Знал, что дома его ждут.
И хватило этой веры,
Чтоб пройти от стен Москвы
До старинной, в пепле, Вены
В гари хлеба и травы.

И СТРАННО МНЕ...

О дым отечества – со мной, со мной...
Мне памятно: лес, мама, бок лошадки.
Я родилась военной зимой,
Росла в деревне русской, в доме бабки.

В слезах, охрипшая, кричит, кричит
На лошадь мама, а она – ни с места...
И сбилась шаль, и на губах горчит,
Но слово мамино темно и пресно

Для лошади, привыкшей к тем словам,
Которых нет ни в словаре у Даля,
Ни в том, что Пушкин брал по вечерам, –
К словам мужицким, кратким. Зубы скаля,

Стояла лошадь – и в тоске такой,
Когда уже сам чёрт не брат – и что там! –
Меня обняв, словцо с усмешкой злой
Сказала мать – и лошадь стала топтать...

Муж на войне, не женская судьба
У женщин русских, но они стерпели.
Пусть к ним и жизнь сама была груба,
Но нежными остаться всё ж сумели.

И странно мне, что помнит всё душа,
Всё мне знакомо в синем, предвесеннем:
Терпенье – солоно, злость – хороша,
В тоске – задор, в отчаянье – веселье.

НЕ ЛЮБИЛ ВСПОМИНАТЬ

Не любил отец вспоминать,
Как летел он в пропасть, к врагу.
Как летел он с рацией в пасть,
Не хотел, говорил – не могу.

Отвлекающий тот десант –
Просто смертников горький полёт.
Парашюты, как лампы, висят,
Всё же горстка с боями уйдёт.

Не любил вспоминать войну,
Всю-то жизнь старался забыть.
Поднимал из руин страну,
А во сне он опять был сбит.

И опять на носилках несли,
И опять «морзянка» в ушах.
И порой мы терялись – что с ним?
Надрываясь, душил он страх.

Догнала война, догнала
Через тридцать лет, словно град.
И погиб он от тех гранат,
От которых друзья лежат.

И ПОЮТ...

Едут тётка и мать на дрезине.
Утро раннее, сизый туман.
И сижу я в плетёной корзине,
А страна отдыхает от ран.

А душа их ликует, ликует,
Рвётся песней в простор луговой:
Ведь войну одолели такую,
И мужья возвратились домой.

«Ох, туманы мои, растуманы...»
Как поют во всю ширь, во всю даль...
«Уходили в поход партизаны...»
Где недавняя горечь, печаль?

И поют – молодые, худые,
В деревенской российской глуши,
Где брусничинки рассыпные,
Словно бусы, и нет ни души.

Пусть у них впереди столько боли,
Пусть достанется им от судьбы,
Но глядят – вот спасённое поле,
И ликуют – не слышно пальбы...

ДЯДЯ ВАСЯ

Старше старшего сына Победа
И по званию выше сын,
Чем он сам, когда, в коконе пледа –
Дар союзников – досыта сыт
Хлороформом, смертями, бомбежкой,
Вдруг очнулся в палате большой.
Молодой, оглушённый немножко,
И увидел, что жить хорошо.
И вернулся в деревню Криницын,
Прожил жизнь всех скромнее герой.
Ни жены не обидел, ни птицы,
Тракторист и мастеровой.
Он ли это, влюблённый в рыбалку,
Безотказный в работе добряк,
Отбивал озлобленно балку,
Задыхаясь в дыму от атак.
Он забыл ли озноб переправы
И глухую ночную темь?
На груди три ордена Славы,
В день Победы он едет в Кремль.
Разгадать как мне эту загадку:
Где брал силу и злость паренёк?
Миномет на плечах и скатку,
До Берлина всё ж доволлок.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Будённовск, захваченный грубо,
Где ты на сносях, тяжела,
Кусаешь припухшие губы,
От смертного страха бела.
Всего лишь объект для террора,
Хоть создал Господь для любви.
Останешься вечным укором,
Хоть скажешь ребёнку – живи!
О, женщина! Что тебе стоит
В пылающий дом свой войти!
Горящий Чернобыль устроит
Безжалостный век на пути.

Что было восторг для поэта –
Насильно наш век навязал.
А беженке полураздетой
Остался один дом – вокзал.
Ты щепкою в водовороте
Разрушенною бытия...
Но, храбрая, в жуткой работе
Ты всё ж не теряешь себя.
И прав был поэт, восхищаясь,
Той стойкостью вечной твоей.
Средь грубости, нежно смущаясь,
Ты мужа целуешь, детей.

БРАТУ ЮКЕ

Бежит румяный мой солдатик
По снегу белому ко мне.
Мой младший брат, одетый в ватник,
И взрослый, кажется, вполне.

А что случись – он безымянным...
Его героем назовут,
И ляжет он на тех полянах,
Где над отцами льны цветут.

Я говорю – храни, Россия,
Своих любимых сыновей,
И не играй своею силой,
Мудрее будь, а не смелей.

Звенигород, зима, прощанье,
Служить осталось до весны...
И электричка поглощает
Меня из сказочной страны.

Алла КОРКИНА – «Маэстро литературы» РМ, член СП СССР, СП России и Молдовы, член Союза театральных деятелей РМ, член Союза журналистов РМ, главный редактор газеты «Русское Слово» (Кишинёв), председатель Есенинского Комитета РМ, поэтесса, автор сборников стихотворений, книг прозы, книг по искусству.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВ**ПОСЛЕДНИЙ РЕЗЕРВ**

*Моему отцу,
дважды контуженному,
командиру САУ, участнику ВОВ.*

Давно отгремела большая война:
Берлин... Пулемёты... «Катюши» ...
Но снова и снова приходит она,
Тревожа уставшие души.

Безлюдные сёла. Полынь на полях.
Журавль над колодцем. Избушки,
Где каждое утро из окон на шпях
Украдкою смотрят старушки.

И старый сержант, из «царицы полей»,
В смешной для праправнука форме,
Всё реже и реже встречает друзей
На Богом забытой платформе.

Всё реже и реже ему по весне
Приносит сосед телеграммы ...
И в чёрные рамки на Красной стене
Выходят, как в строй, ветераны.

Давно приготовлен походный мешок –
С кисетом, портянками, флягой ...
Чтоб ночью однажды в последний бросок
Уйти с не угасшей отвагой

К товарищам, вышедшим раньше других,
Последним резервом комбата...
Заполнить в гранитном строю среди них
Привычное место солдата.

1995 г.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

В полуденный зной, в блеске лент и наград,
С хоругвями, с Ликом Мессии...
С бесчисленной ратью портретов солдат
На смотр выступает Россия.

Гремят барабаны. Литавры звенят.
На плитах из мрамора – списки.
И словно парад принимая, стоят
У вечных огнейobelisks.

Пред взором суровым гранитных бойцов,
В атаку зовущих упрямо,
Проходят колонны детей и отцов,
И ликов из праздничных храмов.

Внучок, в гимнастерке, с гвардейским значком,
Сидит на плечах резервиста...
И весело машет победным флажком,
И песню поёт про танкистов...

А рядом портреты солдат в орденах:
Пехота, матросы, чекисты...
С небесною ратью поднялась страна
На майской побудке горнистов.

Здесь каждому рады, и каждого ждёт
Москва, Кишинёв или Прага.
Не верящий – свой образок обретёт,
Ослабший – нальётся отвагой.

Сомкнутся колонны, заполнят ряды
Крещёные в русской купели...
И в мире такой не найдётся беды,
Чтоб вместе не преодолели.

Живые и павшие в общем строю,
В колоннах, по майскому пуху,
Великому подвигу честь отдают,
Единые верой и духом...

Идёт по России невиданный полк.
Идёт по планете Россия...
И гомон извечных антихристов смолк,
И враг затаился в бессилье.

Шагает засадный, невидимый полк,
 Чьи песни ещё не допеты...
 Герои вернулись исполнить свой долг:
 Внучат вдохновить на победы...

И нет остановок у маршевых рот,
 Нет неодолимой преграды
 Для этой лавины, что рвётся вперёд,
 Не ждущей грядущей награды!

ПРОЩАНИЕ С БАБУШКОЙ

Маленький мальчик на сцене
 Пел, словно сам воевал,
 Словно на улицах Вены
 Вальс под салют танцевал.
 В новой стоял гимнастёрке,
 Пел о танкистах-друзьях...
 И подпевали негромко
 Дети на задних скамьях.
 Пел, словно, пулей сражённый,
 Сам он рванулся на дзот...
 Словно в бою подожжённый
 Вёл на таран самолёт.

Словно он синий платочек
 В дар дорогой присылал,
 Той, что холодною ночью
 Письма в землянке писал...
 В новой стоял гимнастёрке,
 Дедушкин крест на груди...

Пел и смеялся, как Тёркин,
 Бедам назло впереди.
 Словно он снова и снова
 С бабушкой письма читал
 Деда, что где-то под Псковом,
 Без вести жуткой пропал...

Пел он отчаянно, зная:
 В зале, у сцены, внизу
 Бабушка, внуку внимая,
 Больше не вытрет слезу...
 Больше не выйдет с гвоздикой
 Внука поздравить при всех.
 Что не услышит среди криков
 Бабушкин ласковый смех...
 И разносились по залу
 Громы грядущих побед...
 Пел о судьбе небывалой
 Мальчик – неполных семь лет...

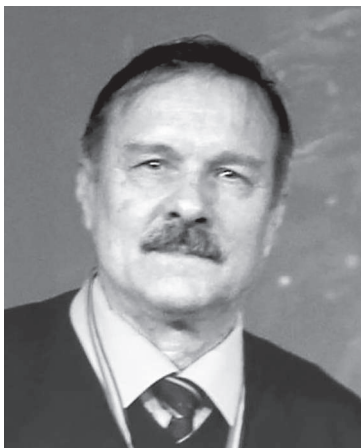
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ 9-ГО МАЯ

Мы живём, как сто веков назад:
 Мчим в авто, а сердце ждёт покоя...
 И сгораем в яростных запоях,
 Оттого, что дух не «под», а «над».
 Мчим вперёд, а память грезит в снах,
 О былом тоскуя и скучая...
 Оттого и рвов не замечаем,
 Вырытых с улыбкой на устах...

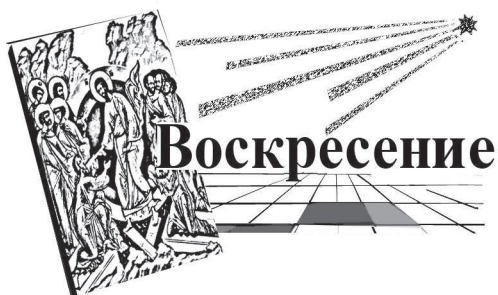
Что-то с нами стало: от врагов,
Разгромив, вдруг взяли их привычки,
Курим, либерасим, ищем клички,
Проклинаем наших стариков...

Был наш край... Каким он светлым был!
Несмотря на битвы и пожары...
Знать, Господь насрал на нас все кары,
Раз мой род от Бога отступил.
Раз мой род, закрыв рукой глаза,
Заспешил на зов лихих злодеев...
Сколько он уже тащил на шее,
Веря в чудо, спрятав образа?
Сколько их ещё, таких Побед,
Выделит Господь на нашу долю?
Только бы хватило сил и воли
Не попасться на красивый бред!

Сколько их, кто вёл на «свет в окне» –
Свет костров кровавого капища...
Там теперь забытые кладбища,
Да останки детские в золе....
Сколько их? Спешат со всех сторон –
Лесть и брань, манящие далёко...
А мой род? Томится у истоков,
Роет в тайной рощице схорон...
Он, как я, ещё готов к борьбе...
И, прикрыв от глаз недобрых двери,
Я молюсь, чтобы народ мой верил
Только Правде, Совести, Себе.

Дмитрий НИКОЛАЕВ – поэт и публицист, член СП России и СП Нистру РМ, выпускающий редактор газеты «Русское Слово» (Кишинёв), Руководитель Центра русской культуры в РМ, ответственный секретарь Есенинского Комитета РМ, автор сборников стихотворений, книг прозы, монографий по проблемам русского языка и русской культуры. Продюсер ежегодных Республиканских фестивалей детского творчества, Дней русской музыки, Есенинских декад в РМ и Рождественских Русских балов.

ОЛЕГ ПАВЛОВ

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК – 2

У каждого свой путь к Богу. У кого-то его нет вообще. Кто-то, как Савл, приходит к вере в Бога одномоментно, в результате прозрения или озарения по дороге в Дамаск, духовно преображается в другого по сути человека – в апостола Павла и обретает право провозглашать вечные истины. Кто-то идет к Нему трудной и извилистой дорогой, которая требует пересмотра многих постулатов, порой полного переосмысления прожитого. Для кого-то этот тернистый путь продолжается всю жизнь и заканчивается перед последним вздохом...

Для меня этот долгий и не завершённый до сих пор путь начался в Сирии, что само по себе символично. До этого я был простым советским студентом, комсомольцем, а в Дамаск приехал на практику и там же потом остался работать на долгие пять лет. И именно там произошли самые важные события моей жизни, предопределившие во многом мою судьбу. Там я встретил своё первое чувство, выдающихся дипломатов, которые научили меня азам профессии, людей, которые стали мои друзьями на всю жизнь.

О Боге я задумывался до приезда в Сирию очень мало, хотя знал, что в детстве моя бабушка крестила меня. Другая бабушка, по материнской линии, была верующей из староверского села, а точнее, его русской части (другая половина была мордовской, как и само название деревни – Вармалеи). Были ещё детские впечатления от стихийных праздников в деревне, когда на Троицу дома снаружи украшались свежесрубленными берёзками, все топили баню и устраивали праздничные столы. Была Пасха, на которую бабушка пекла удивительно вкусные и ароматные куличи и готовила эту самую пасху, пахнущую лимонной цедрой и ванилью. Но в школе про Бога не говорили, и для меня долгое время были загадкой как сами эти праздники, так и буквы «н.э.» в учебниках истории. Что это за «наша эра»? Почему она началась две тысячи лет назад и длится до сих пор? Никто этого не объяснял. Богоборческие хрущёвские времена, когда сжигали иконы, были давно позади, а обветшавшие храмы хотя и не восстанавливали, но и сохранившиеся не трогали. К Сергиеву Посаду, этому сердцу русского православного мира, ещё в 70-е годы, если не ошибаюсь, проложили хорошую дорогу. Особой антирелигиозной пропаганды в годы моей учёбы уже не было, тему, скорее, замалчивали.

В институте нас, конечно, знакомили со всеми основными религиями, но делалось это с позиций культурологии и религиоведения. История возникновения и постулаты верований изучались с точки зрения материализма, где религия высту-

пала как результат незнания и непонимания людьми законов природы, как предрассудок, преодолеваемый прогрессом науки и знания. Иисус Христос в этом потоке аргументов выступал как некая мифологическая фигура, легенда о которой была использована правящими классами для сохранения своего господства. Конечно, образ Иисуса и тогда проступал через заградительные стены идеологии, через русскую литературу, которая к этой теме часто обращалась, а кто-то из великих (не Набоков ли?) назвал её «совокупной Библией». Были в институте и верующие, но споры с ними начинались и заканчивались одинаково: «Бог есть», – твердили они, не углубляясь в дальнейшие разговоры и дискуссии или приведение доказательств.

Но Сирия и Дамаск многое перевернули в моём восприятии. Во-первых, выяснилось, что, в отличие от России, где грандиозные исторические события, войны, революции и социально-политические преобразования привели в действия колоссальные механизмы перемещения и перемешивания людей, на Ближнем Востоке ничего подобного не было. Точнее, было, но далеко не в таких масштабах. Легко было встретить человека, чья родословная была ему известна лет на 400–600, а он сам проживал если и не в том же доме, то в том же регионе, где жили все его предки и всё его племя, род, этнос.

Одним из первых удивительных сирийских событий стала встреча в тогда ещё не разрушенной террористами ИГИЛ Пальмире, куда наши сотрудники (и я в том числе) приехали на экскурсию с местным гидом. Добродушный старик с роскошными усами, в традиционных сирийских шароварах-сирвалях вышел нам навстречу с улыбкой и, к удивлению всех, заговорил с нами по-русски. Оказалось, что он учился в детстве в одной из русских школ, которые в конце XIX – начале XX века в обилии открывала в исторической Палестине такая малоизвестная, если не сказать неизвестная мне на тот момент, организация, как Императорское Православное Палестинское общество. В дальнейшем цепь удивительных и непредсказуемых событий связала мою жизнь с ИППО. Ту встречу можно назвать знаковой, но этот знак я тогда не прочитал, а с книгами Паоло Коэльо о роли символов на жизненном пути («Алхимик») познакомился намного позже.

Вторым таким сказочным местом, где происходили необычные события, стал древнейший город мира Дамаск с его пятитысячелетней историей и местами, связанными с историей христианской веры. Это и ворота Святого апостола Фомы, расположенный там христианский квартал, маленькие древние церкви, вросшие в землю и оставшиеся в ней; это и мечеть Омейядов, бывшая христианским храмом во времена Византии и хранящая до сих пор честную главу Иоанна Крестителя. Всё это заставляло задуматься о роли и месте христианства в жизни Ближнего Востока и мира в целом. Такая ли уж это легенда? Или за ней стоит нечто большее?

Ещё большее впечатление на меня произвела поездка в Маалюлю – деревню, отстоящую на чуть более пятидесяти километров от Дамаска. Это одно из трёх поселений в мире, где ещё говорят на арамейском языке, на котором проповедовал Иисус Христос и на котором он произнес свои последние в земной жизни слова. Именно там, среди древних камней, я впервые осознал, что Иисус не некая мифологическая фигура из седой древности, про которую читают в ветхих кни-

гах, но вполне реальная личность. Тогда ещё не разграбленная боевиками Джабхат ан-Нусры Маалюля выглядела уютно и очаровательно: пещеры первобытных людей, маленькие глинобитные дома, облепившие её скалы, древняя церковь первохристиан в скале, все стены которой были увешаны золотыми украшениями, трогательными ручками и ножками из серебра и золота, колечками и браслетами в благодарность за чудесные исцеления, монастырь ученицы апостола Павла Фёклы равноапостольной, икона Божьей Матери, написанная рукой апостола Луки, знаменитая расщелина, которая, по преданию, разверзлась, чтобы спасти Святую Фёклу от преследователей...

Но не это поразило меня больше всего. Поразила вера живших там людей, которые рассказывали, как и когда здесь ходил Иисус, как он проповедовал и на каком камне сидел, как если бы это было вчера. Причём в это легко верилось, потому что люди, жившие здесь, были прямыми потомками первохристиан, которые никуда из этих мест за все долгие столетия не уходили. К их словам прислушивались. Да ведь и вправду, если подумать, то от времени Иисуса нас отделяет не так уж много времени. Если моя бабушка рассказывала мне, что она была очевидицей событий столетней давности, в том числе первой русской революции 1905 года, то от времен Иисуса и апостолов нас отделяет всего лишь 20 человек по временной «вертикали»: один человек – одно столетие. Разве они не могут с высокой степенью достоверности передать правду о тех событиях? Всего 20 человек за две тысячи лет!

Тем более ярким впечатление от посещения этого места было ещё и потому, что тогда не было интернета, этого «ока Саурана», которое всё видит и всё знает обо всех и обо всём, – достаточно одного щелчка мышкой компьютера. А тогда о Маалюле знали единицы. Именно там я впервые услышал апокрифическую версию о том, что Иисус, вокреснув, не вознёсся на небеса, а женился на Марии Магдалине и уехал жить во Францию, где у него появилось потомство. Много позднее эта версия появилась в книге Дэна Брауна «Код да Винчи» и стала широко обсуждаемой. Но на Ближнем Востоке она имела хождение давно.

Ещё одним событием, которое многое изменило в моем восприятии веры и христианства, стало одно мистическое происшествие, сильно меня поразившее. Однажды, как я это нередко делал втайне от всех, я решил прогуляться по старому Дамаску, причём сделать это в одиночку вопреки всем требованиям безопасности. День был солнечный, как и большинство дней в Сирии, старые кривые и узкие улочки древнего города влекли своей неизвестностью, а подышать таинственными ароматами кофе, кардамона, корицы, восточных специй и ещё чего-то неведомого, но манящего, было одним из доступных нам видов роскоши, несмотря на политическую нестабильность и уже тогда предпринимавшиеся отчаянные попытки суннитского движения «братьев-мусульман» свергнуть власть алавитского меньшинства – клана Асадов.

И вот, прогуливаясь так по старому городу, я забрёл достаточно далеко. Кто знаком со старым Дамаском, тот знает, что в нём легко заблудиться. Но я шёл по наитию, ориентируясь в основном на мечеть Омейядов и окружающий её основной дамасский сук (базар). Неожиданно резная кованая дверь в одном из старинных домов открылась, оттуда появилась изящная женская рука, а в ней – святое Евангелие. Брать книгу я не хотел, но тем не менее она у меня неведомо как ока-

залась. Мне её как бы вложили в руки. Вернувшись домой, я обнаружил, что это издание Нового Завета на русском языке, изданное неким Библейским обществом и напечатанное на почти прозрачной, как тогда говорили, «папиросной» бумаге. Я его, конечно же, никому не показал, но храню до сих пор.

Анализируя через много-много лет это странное событие, я не могу найти ему рациональное объяснение. Козни западных спецслужб? Попытка завербовать? Но в этом районе я оказался совершенно случайно и шёл не по заранее составленному маршруту, а куда глаза глядят. До и после этого я по нему не ходил. Скорее всего, в этом районе (наверное, это был христианский район Баб Тума – ворота Святого Фомы в переводе) меня увидели какие-нибудь западные миссионеры или проповедники, а поскольку лицо у меня славянское, решили всучить мне Новый Завет на русском языке. Но необычности этого события такое объяснение не умаляет.

Конечно же, я не удержался и стал читать его... «В начале было Слово!». Лишь позднее я узнал, что русский перевод с греческого был сделан не совсем точно. «В начале был Логос», – так написано в Святом писании, а это полностью меняет смысл. Значит, в начале был Разум!!! И тогда сказочность Библии если и не пропадает, то наполняется гораздо более глубоким содержанием! И читать священные тексты, оказывается, надо совершенно по-другому! Но это понимание пришло позже...

Когда я вернулся в феврале 1985 года в Москву, то попал аккурат в самое начало горбачёвской перестройки, которая ознаменовалась публикацией вала ранее запрещенной или просто не издававшейся, или малоизвестной литературы, в том числе и религиозной. Начитался я её тогда всласть, включая Н.А. Бердяева и многих других русских философов – П.А. Флоренского, В.В. Розанова, В.Н. Лосского, а также западных – Фому Аквинского с его глубоко разработанной теологией, Франциска Ассизского (точнее, о нём) и многих других. Это не отменяло чтения таких материалистических книг о Христе, как «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана с его описаниями эпохи и людей вокруг Бога Живаго.

Сказать, что это сильно тогда изменило моё мироощущение, я не могу. Я всё ещё оставался на прочной основе материалистического мировоззрения, хотя признавал власть идеального и тот факт, что Иисус – реальный исторический персонаж. Но интерес к христианству и вообще к метафизике как науке предельных оснований эти произведения пробудили. Вопрос о первопричине в трактовке Фомы Аквинского, поставленный много веков назад и отвергнутый позитивистской наукой, уже волновал. Правда, этот интерес носил скорее философский, мировоззренческий характер, с упором на христианскую этику, мораль и заповеди, которые нельзя не признавать, поскольку они не расходились с тем, чему меня учили мои родители, бабушки и дедушки.

Гораздо в меньшей степени меня привлекала тогда идея всемогущего Бога, управляющего нашим миром. Она мне казалась далекой и абстрактной, несмотря на огромную силу обаяния как самого христианства, так и фигуры, стоящей в его центре. Христианская этика и мораль, нравственные законы, силу которых я осознавал, хотя ещё не относил по-кантовски к доказательствам бытия Божия, стояли в то теперь уже далекое время как бы особняком в моём сознании и не сопрягались с тем чудесным миром, который открыл людям Иисус Христос. Тем

более мне и в голову тогда не приходило, что с Ним возможен диалог, что он вообще может ответить на твои вопросы, как и те тёплые русские святые, иконы которых окружали нас, а уж тем более помочь!

Гораздо большее влияние тогда на меня оказывала мистика и эзотерика – от Пифагора до Трисмегиста и каббалы, масонские учения, Тайная доктрина Блаватской (каюсь, целиком её не осилил). Литература на эту тему, тесно связанная с оккультизмом, магией и символизмом, в тот период широко издавалась и сильно влияла на мозги нашего ещё советского люда, не привыкшего к этой крутой смеси самых разных, зачастую эклектически связанных между собой идей.

Особенно повлияли тогда на сознание, и не только моё, сеансы Анатолия Кашипиоровского по ещё советскому телевидению и его способности воздействовать на людей. В том, что эти способности не миф, меня убедила встреча с одним знаменитым человеком – Автандилом Ломсадзе (можете прочесть про него в интернете), который демонстрировал дематериализацию предметов, управление электроприборами (включал и выключал силой мысли телевизор, а также умел переключать светофоры), а на меня лично произвела впечатление его способность читать мысли. Во всяком случае, мои он прочитал и подсказал, как мне надо обходиться со своими целительскими талантами (они у меня тогда, как мне казалось, проявились), а именно не использовать их, поскольку я не владел техникой избавления от негативных энергий, которые неизбежно переходят от исцеляемого к исцеляющему.

Постепенно у меня зародились сомнения, позднее укрепленные фильмами братьев (ныне сестёр!) Вачовски «Матрица». Если кто-то ещё, как Джуна, лишь усилием воли и мысли может влиять на погоду и разгонять тучи, то так ли уж материален мир вокруг нас? Не является ли он симуляцией? Может, и правы святые отцы, которые говорили о брэнном мире как иллюзорном, а «твердь небесная» и вправду прочнее и реальнее нашего привычного мира? Ещё за сто лет до «Матрицы» русский поэт Максимилиан Волошин писал: «Всё земное – отражение, / Отсвет веры, блеск мечты...»

Истинный переворот в моём сознании, и не только моём, произошел позднее, когда начал рушиться Советский Союз – наша Родина, которую многие из нас любили всем сердцем, несмотря на очевидные пороки и недостатки системы, в рамках которой мы все тогда жили. Большинство людей, которых я знал, воспринимало СССР не как нечто идентичное власти КПСС, а как версию и вариант исторической России, нерушимую крепость, которую ничто не может сокрушить. И вот в одночасье она рухнула. Всё, во что мы верили или хотели верить, подверглось уничтожающей критике, развенчанию и осмеянию, а то, что пришло на смену, оказалось страшнее самых мрачных кошмаров: крах экономики, закрытие флагманов промышленности, безработица, сломанные судьбы миллионов людей, распад некогда единого государства и страдания русского народа, который, как наиболее приверженный идеям коммунизма и социализма, стал самым гонимым и преследуемым. По стране перекатывались волны самого чёрного и отвратительного национализма, убивавшие в людях всё человеческое.

Было от чего прийти в отчаяние. Однако разбитная и вечно нигилистически настроенная российская интеллигенция продолжала в эти мрачные (а для некоторых и до сих пор чуть ли не святые) девяностые годы верить, что свобода и права

человека важнее всего и главное, что надо делать, – так это, особо не заморачиваясь, просто идти по западному пути с его неразделимым на части «пакетом» – демократия плюс рыночная экономика – который, как тогда казалось многим, неизбежно приведёт к процветанию. Раз, два, три – и за 500 дней мы построим правовое государство, разделение властей и развитой рынок и создадим за счёт «невидимой руки» изобилие и порядок, а все (или почти все) станут миллионерами!

Но ни 500, ни 600 дней к процветанию не привели: рушились основы, распадалась армия и госаппарат, дипломаты «бомбили» ночную Москву, чтобы заработать на кусок хлеба, а здравоохранение и образование загибались. Товары хлынули на рынок, но оказались недоступны многим, особенно потерявшим работу из-за развала экономики. Сотни, тысячи, а может быть, и десятки тысяч людей погибли в погоне за призраком «золотого тельца».

Естественно, это не могло не отразиться на мировоззрении. Где она, эта спасительная соломинка, ухватившись за которую можно не только выплыть, но и остаться человеком, не предающим идеалы гуманизма, не оскотиниться и не превратиться в Растиньяка, идущего по головам? И вот тут, в этот момент впервые появилось ощущение того, что где-то рядом есть нечто невидимое, но очень реальное, что может удержать на плаву и спасти в этом море распадающихся смыслов. Помогла и рука матери, которая надела мне на шею маленький золотой крестик на такой же золотой, но прочной цепочке.

Командировка в одну североафриканскую страну пришлась как раз на это время, и там мне довелось пережить и распад СССР, и штурм парламента 1993 года, едва не обернувшийся гражданской войной, и первые рыночные реформы; увидеть наших так называемых реформаторов, приезжавших в эту туристическую Мекку проводить «семинары» на берегу Средиземного моря. Многие их воспринимали как каких-то полубогов, но уже тогда некоторым внимательным наблюдателям было заметно, что они или их западные кукловоды ведут Россию по самому долговому и обходному пути к рыночной экономике, через самые дикие формы капитализма, разграбление и разворовывание страны, приводившие к неоправданным иллюзиям и огромным жертвам. Было от чего сойти с ума!

Именно тогда, после штурма Белого дома в октябре 1993 года, я с моими друзьями пошёл, потрясённый, в Храм – ставить свечи за упокой погибших и молить Бога об избежании дальнейшего кровопролития. К походам туда также подталкивали удивительные люди, с которыми я тогда встретился, – очень простые, но светлые. Таким был наш, как их называют в загранучреждениях, кв. рабочий Женя Листратов, мастер на все руки, типичный русский Левша, чинивший всё, от чайников до видеоманитофонов, и показавший пример отношения к вере: он в одиночку и абсолютно бесплатно отремонтировал русскую православную Церковь в столице этой страны!

И в этом смысле идея Бога выглядела спасительной, а обращение к нему – естественным на фоне происходившего безумия: разгула криминалитета, распада общественных и социальных структур, мутации государства, которое быстро коррумпировалось и сращивалось с ворами и мафиози. К тому же идеи православия с их обращением к справедливости, нравственности, братскому отношению к близким выделялись созвучными гуманистическим идеалам коммунизма и умершего вместе с ним СССР. Конечно, суровые теологи вас тут же поправят и скажут,

что гуманизм с его антропоцентризмом – это одно, а христианство с его любовью к вечно живому Богу – другое.

Но ведь, если задуматься, какие могут быть непреодолимые противоречия между человеколюбом Иисусом Христом и концепцией человека эпохи Возрождения, суть которой (всесторонне развитую личность) взяли на вооружение коммунисты? Если очистить её от богоборчества первых лет советской власти, то противопоставлять тут нечего и некому, что и было органично пронесено через всю итальянскую культуру XV–XVI веков, через образы, созданные Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэлем, Караваджо, Тицианом и другими гигантами того времени. Для них человек был богочеловеком, несущим в себе как человеческое, так и божественное содержание. Как и Иисус... Мне такое понимание близко – оно не противоречит учению Христа, хотя и дополняет его эллинистическими идеалами физического совершенства гармоничной личности.

Бог, конечно, стоял выше всего этого и давал надежду. Но тогда эти надежды только прорастали, дыхание Господа ещё чувствовалось слабо, тем более что по возвращении в Москву я был поглощён деятельностью команды своего шефа по восстановлению работоспособности учреждения. Из него из-за безденежья и несогласия с линией продажи национальных интересов тогда разбежались опытные кадры, которых с удовольствием подхватывали коммерческие структуры. Бизнес властно заходил в государство, а олигархи в госаппарате начинали себя чувствовать как дома и, как им казалось, по-хозяйски распоряжаться имуществом, доставшимся от разрушенного и разграбленного Союза.

Но проблеск божественного присутствия меня коснулся, когда ко мне пришёл один наш старый ближневосточник и неожиданно предложил съездить на Святую Землю, в Израиль и Палестину, где я раньше никогда не бывал, хотя долго занимался проблемами этого региона. И как съездить! В качестве члена делегации того самого Императорского Православного Палестинского общества, выпускника школы которого я за 15 лет до этого встретил в Пальмире! Это ли не чудо! Это ли не божественное провидение!

Поездка по Святым местам на многое открыла мне глаза. В значительной степени мифические и легендарные библейские места и события, стоящие где-то далеко в истории и памяти, неожиданно обрели живое материальное воплощение: вот Тивериадское (Генисаретское) озеро, по которому Иисус ходил своими пречистыми стопами, вот Вифлеем и Храм над местом в хлеву, где он появился на свет, вот Гефсиманский сад, где он провёл последнюю ночь перед арестом, и, наконец, Голгофа, где он был распят, и гроб Господень, из которого он воскрес. Оказывается, это всё существует! Это не легенда! Хотя местный и отнюдь не православный гид из всех сил старался нас убедить, что Иисус, хотя и был исторической личностью, но никак не мог иметь божественное измерение. Он-де был просто «опытный психолог, возможно обладавший паранормальными способностями» или умением убеждать людей в своём даре творить чудеса!

Но, уехав в дальнейшем работать в Париж, я познакомился и пообщался с нашими эмигрантами и их потомками ещё «первой волны», многие из которых оказались людьми верующими, и начал вместе с ними ходить в православный храм на rue Daru. Конечно, светский и даже атеистический характер французского государства, его показное безразличие к религии, почти как в СССР, не спо-

собствовали развитию христианской веры не только во мне, но и в окружающих. Постсоветский неверующий люд вполне комфортно ощущал себя в либертарианской и картезианской интеллектуальной и культурной среде французской столицы, пропитанной духом агностицизма, сциентизма и прогресса. Там во всём, включая архитектуру и расположение улиц, чувствовался дух масонерии, внесшей немалый вклад в развитие идей буржуазной демократии и прав человека, где Богу места было отведено очень мало и сам он назывался Великий Архитектор...

Если что-то тогда и разворачивало мой ум и душу к великим идеям Христианства, так это личные неурядицы – назревавший развод с первой женой, который я воспринимал как трагедию. Часто бывает так, что ощущение беспомощности перед житейскими бурями толкает к вере. Как не раз и не у меня одного случалось, к Богу мы обращаемся в первую очередь не с благодарностью, а с просьбами, даже если раньше не сильно в Него, в Его мудрость и справедливость верили. Лишь с годами приходит понимание, что во всём мы виноваты сами, а Бог, сострадающий и болеющий за нас, даёт нам шанс, готов помочь, но только тогда, когда мы сами захотим измениться и встать на путь нравственного самосовершенствования. Бог наказывает человека, но только через него самого, – кажется, так говорил знаток человеческих душ Фёдор Михайлович Достоевский. Лишь в случае искреннего покаяния попутный ветер Божественной Благодати начинает дуть нам в спину, помогая преодолевать все жизненные проблемы. Нужно было пройти через развод, неразделённую любовь (или, скорее, влюбленность) и неурядицы с детьми, чтобы начать что-то понимать в том, как действуют Божий промысел и Божественные законы, как они нас наказывают и как помогают нам выйти к спасительному пониманию жизни...

Именно в Париже, под влиянием этого фантастически интересного города, его искусства, музеев, памятников, картинных галерей и своих неурядиц, я стал регулярно писать стихи, тогда как в Дамаске это делал эпизодически. Впервые во Франции написал стихотворение с присутствием Господа:

«Ночь снова точит одиночеством,
И я в её чаду от стен неотличим.
Но в тьме её я слушаю пророчества
Того далёкого, чей Лик неуловим.

Слова не долетают, неразборчивы,
И смысл его речей неразличим.
И только образы времён закончены,
Встают из мрака, словно белый исполин.

Я окружен фантомами времён,
Я весь окутан тайнами из Леты.
Волнует зов, что вечностью рождён,
И верю – будет откровение поэту!»

Из этого неровного и несовершенного с поэтической точки зрения текста (размер и рифма страдают местами) понятно, что автор ещё не готов воспринимать то, что пытается донести до него Господь, но есть хотя бы попытка услышать!

И вот – долгожданное возвращение в Москву, выход на работу, снова на прежнее ближневосточное направление. Провидение или совет друзей? И то и другое. А дальше рука Господа появляется в моей судьбе уже вполне ощутимо и начинает властно вести меня по дороге духовных откровений и неожиданных открытий. Главное, но не единственное из них – возвращение в мою судьбу Палестинского общества. Так случилось, что оно после 1998 года (а его формальное возрождение под историческим именем ИППО состоялось лишь в 1992 году – в советское время оно существовало лишь как Российское Палестинское общество при Академии наук СССР, располагалось в здании Института философии и было по сути историческим кружком и уделом энтузиастов-византистов) осталось временно «беспризорным». Прежний председатель уехал в командировку, а новый не имел достаточного материального ресурса, чтобы им заниматься. ИППО не было перерегистрировано по новому закону об общественных организациях и попросту «повисло в воздухе».

Новый председатель Алексей Федорович Чистяков, тоже собиравшийся в командировку, попросил меня помочь ему, и я занялся этим делом с энтузиазмом. К тому моменту побывав уже на Святой земле и увидев, какой вклад это Общество на рубеже XIX–XX веков внесло в развитие российского присутствия в исторической Палестине, я не мог не заразиться его обаянием, не поразиться вдохновению и страстности таких людей, как Василий Николаевич Хитрово или архимандрит Антонин (Капустин), которые своими необъятными трудами связали Палестину с Россией крепкими материальными и духовными узами. Плоды их деятельности до сих пор поражают воображение всех путешественников, прибывающих на Святую Землю.

Не хочу здесь излагать все перипетии возрождения Общества, но отмечу лишь, что происходило оно с огромным сопротивлением со стороны части чиновничества, да и некоторых других кругов, о которых умолчу, хотя у него было и много сторонников. Многие, в том числе и я, рассматривали его восстановление как акт деятельного покаяния и искупления грехов за ошибки, совершенные нашими предками в прошлом. Мне претит, когда нам говорят: покайтесь, встаньте на колени за то, что совершили ваши отцы и деды. Но наши отцы и деды совершили много героического, они были первопроходцами во многих начинаниях, и каяться в их подвигах было бы преступно. Но, увы, многое было сделано в силу различных обстоятельств неправильно и неверно, в том числе и из-за извращённого понимания религии исключительно как инструмента господства правящих классов. И вот тут работа по возвращению в нашу жизнь Божественного, идеалов и веры, становилась необходимой, но понимаемой не как покаянное стояние на коленях, а как созидательная деятельность, связывающая труды поколений и возвращающая к жизни дела и имена наших великих предков.

Не буду рассказывать, как восстанавливалось Общество, об этом много написано. Но Божественное вмешательство было, и было очень явным. Каждый раз, когда работа стопорилась, в том числе и по возвращению Сергиевского подворья (бывшая штаб-квартира ИППО), появлялись силы и люди, которые становились проводниками Божьей воли и помогали преодолеть возникшие сложности.

Многое из того, что сопутствовало возвращению Общества из небытия и забвения, приносило совершенно особые, волнующие душу знания и

ощущения. Благодаря этой работе я смог побывать во всей православной Ойкумене и столкнуться с проявлениями божественного, узнать необыкновенно много о христианстве и его истории, увидеть, как действует Бог. Именно в ходе работы над возвращением Сергиевского подворья меня посетило необычайное по силе воздействия видение: трон Господа нашего Иисуса Христа, висящий в безбрежном пространстве космоса, он Сам в алых с белым одеяниях и его указующий перст...

Я посетил те места, которые мне никогда не довелось бы узреть, не будь этой работы по восстановлению Общества, возвращению России Сергиевского подворья. Мне открылась совершенно неведомая ранее грань человеческой истории и жизни христианства.

Было много другого. Мнилось мне, что будто ангелов, как писал об этом В. Набоков, вижу в небесах, могу различать их среди множества бестелесных, в том числе и темных существ, окруженных облаками. Оказалось, что у них есть свои среды обитания, которые отделены от других, где живут иные сущности. В Греции, например, в районе Коринфа сохранились места, где в облаках обитают образы греческих дохристианских богов и окружавших их зверей, а в исламских небесных куцах бродят джинны и верблюды. Я видел или думал, что видел, находясь на Сицилии, как 2013 году ангелы слетались к Сирии со всего Средиземноморья, чтобы предотвратить войну, которой грозили тогда этой древней и прекрасной стране США. И ведь спасли же!

Казалось мне, что я видел сияние вокруг мощей Спиридона Тримифунтского на острове Корфу, где они хранятся, его башмаки, стоптанные от трудов и беготни по делам просящих о помощи, видел плоды его молитв за народ своего острова, не знающего эпидемий вот уже полторы тысячи лет!

Обо всём этом невозможно рассказать, но огонь Веры под влиянием этих событий разгорался всё сильнее. Да и как иначе, если ты можешь прилететь (с делегацией фонда Андрея Первозванного) на Великую субботу в Иерусалим и увидеть сошествие на Кувуклию, на Гроб Господень Благодатного огня, не обжигающего ни лицо, ни руки, если попадаешь благодаря благу поспешению Господа на Афон, где ведёшь с монахами долгие разговоры о путях спасения мира, если едешь по коптским монастырям, где последние полторы тысячи лет еженощно молятся об упокоении душ 145 монахов, погибших от рук разбойников, или попадаешь в «квартал мусорщиков» в Каире, где есть та самая гора, которую верой поднял простой кожемяка! Потому что веры у него было «с горчичное зерно»! Те, кто ни во что не верят, пусть считают эти знаки свыше обычными дорожными впечатлениями. Но тот, в ком зародилась Вера, смотрит на мир иными глазами и видит то, что незаметно или не нужно другим.

Божественные проявления – тихие, незаметные простому глазу и тому, кто безразличен к вере, появлялись постоянно, давали надежду и дарили свет... Одно из них – плачущие стены Храма Георгия Победоносца на Святой земле, когда в 2003 году началась «интифада» (восстание) палестинцев против израильской оккупации. Было пролито много крови, и когда я приехал в этот Храм (мне пришлось находиться на палестинских территориях в рамках трехмесячной командировки), где не было ни души, кроме самого священника, который открыл мне

двери, я увидел как мироточат даже не иконы, а роспись на стенах. Святые плакали так, что миро обильно текло по стенам... Это невозможно забыть.

Много других событий, таких, как участие в принесении из Иерусалима в Россию мощей Великой княгини Елизаветы Федоровны, последней дореволюционной председательницы ИППО, съёмки фильма о российском присутствии на Святой земле, участие в возвращении Сергиевского подворья, других русских зданий и участков в исторической Палестине, – всё это было делом рук и моих друзей (за что я им безмерно благодарен), которые меня привлекли к этим событиям, но они выступали как десница Божия, направляя меня туда, где это было необходимо для меня и моего духовного роста.

Эти поездки по Святой земле и христианской Ойкумене подарили мне столько радостных откровений и новых светлых ощущений, не говоря уже об открытии неизвестных страниц истории нашей страны, что все их перечислить не удастся. Кроме того, было много вроде бы ничего не значащих событий, как благоухание цветов в Храме Марии Магдалины, где покоятся мощи Елизаветы Федоровны, и неожиданное появление на ступенях этого храма двух необыкновенно красивых горлиц, как если бы души Великой княгини и погибшей вместе с ней в Алапавске в 1918 году инокини Варвары спустились с небес и сели рядом со мной...

Кто-то при упоминании этих знаков пожмёт плечами, но не верить в них невозможно. Как нельзя было не поверить в предзнаменование ухода моего отца, которое обозначилось в появлении креста на помутневшем от горячего пара зеркале в ванной за две недели до его кончины, или птицы в моем рабочем кабинете при наглухо закрытых окнах накануне смерти моей горячо любимой тётушки, у которой я провёл в детстве и юности много летних месяцев.

Эти проявления существования иного мира настолько многочисленны, что стали для меня если не рутиной, то естественной частью проявления Божественного. Каждое из них в отдельности можно было списать на большое или разygравшееся воображение, на мнительность или случайности, но все вместе они никак не могли быть чередой не связанных между собой «обыденных» событий. Они были именно проявлением существования иного, нематериального, но очень реального мира, в котором правят иные законы...

Иногда, накопившись, они приводили к неким откровениям, видениям или прозрениям – называйте это как хотите! Об одном из них я уже упомянул. Но были и другие. Так, однажды, возвращаясь домой с работы на своей машине, я был пронзён мгновенным видением, которое объясняло, как устроен мир! Источником всего сущего предстал огромный орган: игравший на нём Создатель извлекал из него божественные мелодии-вибрации, энергию созидания. Эта могучая энергия любви, эти вибрации формировали буквально из ничего наш материальный мир. Смейтесь надо мной, корите за буйную фантазию, но это видение было столь явственным и пронзительным, что сомневаться в его реальности не приходилось! И это видение не противоречит ничему: ни Христианству, ни буддизму с его Пустотой, ни, если хотите, квантовой механике, в которой до определённого предела частицы не обладают массой, а лишь энергиями!

Впоследствии мои путешествия, связанные с дипломатической работой, привели меня в такую страну, как Саудовская Аравия, где правят иные энергии, и это

очень заметно. Там меня постоянно пытались склонить к переходу в ислам – великую восточную религию, пожалуй, самую чистую с точки зрения монотеизма. Правда, мусульмане, в отличие от евреев, видели в Иисусе не просто «фокусника», но реально жившего Пророка, каковым был и Мухаммед. В их понимании Помазанник Божий принес в мир много истин, но не был вознесён на небо, как считают христиане, тогда как Мухаммед транслировал в мир последние и окончательные истины, не требующие никаких дополнений.

Положа руку на сердце, я не принял новую веру, считая, что своей изменять нельзя. Не произвела на меня впечатление и пропаганда, согласно которой в христианстве много языческого, в том числе культ могил и святых... Наверное, потому не произвела, что в христианстве есть великие чудеса, которые дарят и тепло, и надежду. Другое дело, что я с интересом читал Коран, написанный на удивительно красивом арабском языке, и понимал, что он имеет неземное происхождение. Вникал в безбрежный космос ислама с его удивительными философскими и социально-политическими доктринами, которые оказались востребованными в XXI веке. История и культура исламской цивилизации достойны восхищения и уважения, постоянного изучения, которое много дает пытливому разуму, жаждущему света знания.

При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что ислам в его изначальном виде близок к православию, причем к его исконной ветви – староверчеству. Мы об этом не так много знаем, а о староверах читали разве что у Н. Лескова в «Запечатленном ангеле» да у Д. Мережковского в его трилогии «Христос и Антихрист». Но, тем не менее, близость эта присутствует. Однако эта тема требует отдельного разбора.

В своем длительном саудовском пребывании я жалел лишь об одном: гораздо меньше стало видений и образов, которые раньше часто являлись ко мне, в основном по вечерам, перед сном. Зато одно из них, которое явилось мне уже в Москве, через три года после возвращения на Родину, оказалось настолько необычным, что я незамедлительно записал его. Привожу его целиком.

«Это видение посетило меня в ночь с 22 на 23 ноября 2020 года, когда я накануне попал в госпиталь ЦКБ и лежал с коронавирусной пневмонией. Было ясно: либо пойду на выздоровление, либо ещё глубже в болезнь. И вот. Я увидел разрушение мира. Исчезло солнце, Луна и Земля. Не осталось ничего. Остатки того, что ранее было Миром, мутным потоком из грязи, камней, брёвен и всего того, что когда-то было Землёй, низвергалось в Бездну. Именно в бездну без дна, а не в пропасть. И я падал в эту бездну вместе с останками разрушенного или разрушавшегося мира. Я падал один, страха не было, но было понимание полной и окончательной гибели всего и вся! Падал, как говорил Высоцкий, с «гибельным восторгом».

В этот момент в верхней части того, что осталось от мира (а там осталось огромное немигающее небо с мириадами звёзд) появилась огромная карета, занявшая полнеба.

Это была нематериальная карета. Она была соткана из непроницаемой тьмы и ослепительного света. Она была запряжена двойкой могучих лошадей, на передке кучера не было. Ею словно никто не управлял. Огромные колёса тоже были

сотканы из тьмы и блистательного света, причём этот свет ничего не освещал и никуда не шёл. Сияла сама карета! Точнее, только её прорисованные яркими световыми линиями контуры. Она вся была украшена огромными необычными крестами. Не православными, не мальтийскими, не германскими, а с несколько расширяющимися плавными краями.

Из кареты появился Грозный старец, также нематериальный, из тьмы и света, с грозно сверкающими очами и белоснежной светоносной бородой. На нём была сияющая корона, тоже сотканная из тьмы и света и украшенная такими же, как на карете, крупными крестами. Я понял: это даже не Иисус, это – Царь Вселенной! Он грозно посмотрел на меня, протянул такой же сотканный из тьмы и света перст в мою сторону... и падение прекратилось. При этом мир не вернулся. Его грязные потоки продолжали низвергаться в Бездну. Ни Луна, ни Солнце, ни сама Земля не восстановились. Только Бездна и сверху немигающее огромное небо с неподвижными неисчислимыми мириадами звёзд. Старец величественно вернулся в карету и исчез в ней. Карета тронулась по небу и не растворилась, а как бы медленно встроилась в звёздное небо, став его частью. Видение закончилось. Я выздоровел».

А далее просто читайте Апокалипсис...

P.S. Все положительные творческие силы человека – в любви. Любовью он вносит в жизнь новое.

Пушкинская горка

ПОЭЗИЯ

**Сердечно поздравляем замечательного поэта Сергея Пагына, ведущего
рубрики «За межой», с присуждением «Русской премии-2024».
Желаем творческих успехов и новых побед!**

Редакция журнала «Русское поле»

СЕРГЕЙ ПАГЫН

ГОВОРИ С ЛЮБИМЫМИ, ГОВОРИ...

Ты говоришь – и смерти нет...
Есть осень, ветер, табурет
у мокрого порога.
Ещё есть тыква-голова,
в тазу опавшая листва
и капля-недотрога,
что на верёвке бельевой
висит, горит сама собой...
И шерсть дрожит овечья,
репъём уловлена сухим,
и надо всем домашний дым
беззвучной длится речью.

Снег прошиваю выдохом-вдохом,
тёплая лёгкая нить...
Так бы и жить мне, хранимому Богом,
так бы и жить...

Просто стоять на садовой дорожке
или идти, не спеша.
Выдох за вдохом – прозрачную стёжкой
к миру пришита душа.

Я в сарае наткнулся на пальто
(дядя умер лет восемь назад),
и надену,
и выйду в Ничто –
то есть в светлый безлиственный сад.

На груди от солярки пятно,
на плече мелкой сажки налёт,
хлястик порван, но мне всё равно –
для осенних сгодится работ.

Я спилю пересохшую ветвь,
положу пару яблок в карман.
Буду в долгое небо смотреть
сквозь сияющий тонкий туман.

Рассмотрю очертания туч,
уносимых куда-то правей.
За подкладкой найду ржавый ключ –
от калитки, подвала, дверей?

От воздушных пространств проходных –
этих комнат, идущих кольцом,
где в пальто свежешупленном, тих,
ходит дядя с прозрачным лицом.

Рукавом, пропахшим весёлой влагой –
виноградной кровью, бурлящей тьмою,
вытираешь лоб, говоришь с собакой,
говоря на деле с самим собою.

Пусть вино побродит в дубовой бочке,
наберётся истины и мерцанья...
Каждый миг кончается многоточьем,
каждый звук кончается умираньем.

И теперь ты чувствуешь всё острее:
кислый вкус дымка от дворовой печи,
что горит, безлиственный воздух грея,
замирание снов,
убывание речи.

А начнут мести снеговые мётлы,
и графин наполнишь ты жизнью винной,
мы тогда оставим глоток для мёртвых
и немного музыки
неисполнимой...

Удержи ушедшего, не пускай,
пусть глядит во мгле он за рванный край
своего посмертного бытия,
и ему свечою тоска твоя,
и ему опорой голос твой,
горловой, прерывистый и родной,
и ему светлицей горький сон,
где срывает яблоко с ветки он.

Удержи ушедшего, удержи,
пусть дрожат древесные этажи
с обжитыми гнёздами на ветру,
и метель проносится по двору,
забивая снегом горячий рот...
Но с высот пугающих, из пустот
на тебя сплошные глядят глаза,
и синица светится, как слеза,
и в ресницах прячутся снегири...

Говори с любимыми, говори.

Ползает робко оса по стеклу,
тельцем вибрируя длинным, —
словно предчувствует зимнюю мглу
маленьким сердцем осиным.

Ей бы взлететь, покружиться бы, но
нет уже прежней сноровки.
Голо, как мир неподвижный, окно,
сушится тюль на верёвке.

Дочка играет на скрипке концерт
чей-то — протяжный, печальный...
Видишь, в слезе закругляется свет,
тоненький свет безначальный.

Когда человек выбирает стать тенью,
он слышит печаль однолетних растений,
шуршащих зимой на ветру,
он чует дыхание воды под суглинком,
он ходит в прозрачных воздушных ботинках
по снежному с ночи двору.

А мы вызываем к нему костоправа,
а мы предлагаем таблетки и травы,
и водим его по врачам,
к целителям ходим и делимся снами,
гадаем, вздыхаем, а он уж не с нами,
а он далеко уже – там...

Сквозь сердце его пролетает синица,
в его средостенье шиповник ветвится,
он – голос заснеженных трав,
он – воздух заплечный, и зов его тает...
Он сделал свой выбор,
и смерть наступает,
к уходу его опоздав..

ДЕРЕВО

Орех раскидистый стоит,
многоязык, многоочит,
сплошное осязанье,
весь зренье чуткое и слух,
вошедший в плоть кривую дух,
огромное дыхание.

Ветвится бездна во дворе.
Ползёт букашка по коре,
и ужас ей не введом.
Мне не понять, не подсмотреть –
другая жизнь,
другая смерть,
пронизанная небом.

САД

Погода нынче – Божья тень.
Стоит нежаркий лёгкий день
над сохлою травой.
И ты стоишь, ни трезв, ни пьян,
насквозь прозрачен, как стакан
с колодезной водою.

И ты стоишь, почти незрим,
объятый воздухом живым,
и плачешь без причины.
И сводит сад тебя с ума,
и таешь в нём, где свет и тьма
уже неотличимы.

По опрокинутой воде
небесного пруда
скользит в осенней пустоте
неведомо куда

ворона тонкая одна...
В длину иль в ширину
невольно меряет она
над нами тишину.

Ни рыб медлительных там нет,
ни трав береговых.
И только свет, и только свет
для мёртвых и живых.

А в поле чистом – стол и табурет,
и никого и ничего на свете,
и только вещи брошенные эти.
Была бахча, теперь её уж нет.

Ещё есть свет, идущий изнутри
сухой травы,
и куст чертополоха.
И трель цикады не длиннее вдоха...

Ну вот и всё...
Садись и говори.

Сентябрь стирает границы
меж небом и твердью земной.
И светом источены лица
и листья ветлы надо мной.

И дерево тихо рябится
стоящим живым озерцом.
Где рыбина тут и где птица,
где облако свито в кольцо?

И можно в предчувствии воли
травую сухою по грудь
пойти в опустевшее поле –
и в небо случайно свернуть.

Т. Н.

Свет, замедляясь, создаёт версту –
лесок и поле...
С бесполезным тщаньем
стремишься ты заполнить пустоту,
в которой бездна неба и прощанья,
своей душой, летящею с листвою
и отданной пространству на поруки,
но и она – не свет, не вещество,
а музыка печали и разлуки.

Есть в жизни жизнь – крылатая, другая...
Когда скворчина на сад осенний стая
находит с шумом,
сыплется листва...
И ты в кричащем хаосе отлётном
сидишь на лавке в страхе безотчётном,
и медленно кружится голова.

Как будто кто-то латку снял с прорехи,
и хлынуло,
и падают орехи,
и птичья бездна бьётся меж ветвей.
О, сколько в ней пугающего чуда
и жажды неба дальнего – как будто
небес окрестных не хватает ей.

Ноябрьский вечер... У костра
в пространстве голого двора,
сидит на чурке потемневшей,
ладони грея, человек.
Над миром вьётся редкий снег,
не ставший музыкой кромешной.

А человек сидит, молчит,
листву порою ворошит –
и дарит пламени дыханье.
И словно местность ей тесна,
перетекает тишина
в его бездонное молчанье.

Сергей ПАГЫН родился в 1969 году в г. Единцы, где живёт и сейчас. Выпускник педагогического института. Автор шести книг стихотворений, среди них «Просто жизнь» (2017) и «Спасительный каштан» (2022). Дипломант Международного поэтического конкурса имени Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010), лауреат премии «Молодой Петербург» (2011) и журнала «Дружба Народов» (2022). Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, 2012/2013). Победитель Русской премии (2024).

Член Ассоциации русских писателей РМ.

225 ЛЕТ А.С. ПУШКИНУ

ВИКТОР КУШНИРЕНКО

«СУХИМ ПУТЕМ ЧЕРЕЗ МУЛТЯНСКУЮ И ВОЛОСКУЮ ЗЕМЛИ»

*(Новые уникальные свидетельства о пребывании и крещении
8-летнего прадеда А. С. Пушкина в наших краях в 1704 году)¹*

160 лет ученые довольствовались лишь тем, что содержалось в «Письме Спафария к боярину Головину», опубликованном в «Русском архиве» в 1867 году пушкинистом П. И. Бартевым: в 1704 году, во время следования «сухим путем через Мултянскую и Волоскую земли» «младшой арапчик», Абрам Ганнибал, «именем Аврам крещен от племянника господаря Мултянского». Через 300 лет в России найдены и опубликованы новые документы. Первая полная публикация данных документов представлена кандидатом исторических наук, главным специалистом Центрального государственного архива древних актов Татьяной Александровной Лаптевой в «Историческом вестнике» (№1, 1992) – «Об «арапе Петра Великого»: Материалы для биографии А. П. Ганнибала».

В челобитной лейтенанта бомбардира Абрама Петрова (Ганнибала) от 23 ноября 1726 года указано, что он служит «при доме Вашего величества» (Екатерины I) 22 года, т. е. с 1704 года.

Согласно распросным листам («Распрос Савы Рагузинского человека с приезжими арапы», подлинник), 13 ноября 1704 года в Посольский приказ в Москве явились по проезжим листам русского посла в Константинополе П.А. Толстого и киевского губернатора листам и по его, киевского губернатора А.А. Гулица, отписке *приезжий из Царьграда сербанин, венецианина Савы Рагузинского челядник, Андрей Васильев да товарищ его Константин Янов*. В распросе Васильева сказано, что его господин Сава Рагузинский взял у посла Петра Толстого проезжий лист и отпустил Андрея из Царьграда в августе 1704 года *«сухим путем через Волоскую землю и послал с ним к Москве трех человек арапов, молодых ребят»*. Сава приказал тех арапов объявить переводчику Московского приказа Николаю Спофарию: он ведает, кому те арапы надлежат. Васильев привез арапов *в всякой целости* и стал с ними в Москве, в Богоявленском монастыре. Сам же Сава *«тогож дня»* хотел ехать *«водяным путем к Азову»*. В последних числах августа Васильев, уже в Яссах, объехал посланного в Царьград из приказа толмача Кирила Македонского. Как Андрей с арапами приехал в Яссы, *«тамошней де волоской*

¹ В статье сохранена орфография цитируемых документов.

господарь, уведав об нем и о тех арапах, его, Андрея, тотчас из Яс выслал с теми арапами на загородный двор, на котором живет человек его господарской, от Яс с милю, в деревне Татарам, для того что де в то время в Ясах в приезде были из розных мест для своих потреб многие турки. И естли б де он, господарь воложской, над ним так не помилосердствовал, и его б де, Андрея, с теми арапами турки поимали, понеже турки в вывозе из Турского государства в иные страны зело присмотривы и осторожны. И из тех арапов 2 человека, один крещеной Аврам, а другой некрещеной Абдул, оба они братья родные, отосланы на двор к боярину Федору Алексеевичу (Головину), а третий арап по письму посла Петра Толстого отдан в дом его посольский».

Важные уточнения содержатся в упомянутом уже письме Николая Спафария к Головину от 15 ноября 1704 года (подлинник). Спафарий подтвердил, что 21 июля Рагузинский «писал ко мне, что он по приказу вельможности вашия промыслил с великим страхом и опасением жития своего от турков двух арапчиков, а третьего послу Петру Андреевичу. И тех арапчиков послал с человеком своим сухим путем через Мулянскую и Волоскую земли для опасения». 22 июля 1704 года посол П.А. Толстой писал главе приказа Ф.А. Головину (подлинник), что, по словам Рагузинского, Головин сам приказал Саве «купить двух арапов»: «И по тому твоему, государя моего, повелению он, Сава, арапов двух человек купил, и я их с его Савиным человеком отпустил к милости твоей, государя моего, чрез Мулянскую землю и дал им проезжей лист, чтоб им от Киева до Москвы давать подводы. А к господарям к мулянскому и к волоскому и к господину стольнику мулянскому писал от себя с прошением, чтоб оных управили безопасно довести до Киева... А господин Сава отпущен от меня на одном бастименте в Азов».

Мунтянским господарем был тогда Константин Брынковяну. С волоскими господарями было сложнее. Сместив Антиоха Кантемира, молдавский престол с 12 сентября 1700 года по 15 июля 1703 года занимал сын молдавского господаря Георгия Дуки – Константин Дука (Дукулеп). Он женился на дочери Брынковяну – Марии. И Брынковяну не раз помогал ему. Он дважды способствовал его возвращению на трон. Но Дука преследовал сторонников Кантемиров и обложил страну непосильными налогами. 15 июля 1703 года он был смещён окончательно и стал каймаком великого логофета Иоана Бухуша. В 1703–1705 годах Молдавским княжеством правил Михай Раковицэ, в первом браке женатый на Елизавете Кантемир, дочери Константина Федоровича, сестре Антиоха и Дмитрия Кантемиров. Он был помазан 23 сентября 1703 года, а в Яссы прибыл в ноябре. На троне находился до 23 февраля 1705 года. В те годы он обещал Петру I схватить Карла XII, потом просил убежища в России, но был схвачен турками и посажен в тюрьму.

Еще 21 апреля 1704 года Рагузинский сам писал Головину (перевод, современный подлиннику): «Настоящее писание до вашего превосходительства дойдет с слугою моим Андреем Георгиевым (Васильевым), которого я посылаю купно с тремя молодыми арапами. Сие есть 2-х вашему превосходительству, а 3-го послу вашему, которых я купил не без большого бедства и трудом и их благости урожденного господина Костянтина Кантакузина врученных отправляя и ему явно объявляя, что оны пред вами суть. Дай Бог, чтоб они во здравии и в целости дошли. Я чаю, что они вам приятны будут, для того что они зело черны и хоро-

ии суть, они не турки, необрезаны суть. Ваше превосходительство может содержать тех, которые вам полюбятца, а третьей послу да оставится, для того он сам за всякого деньги заплатил». Из этого письма следует, что упомянутый в письмах «стольник мутьянский» – это Константин Кантакузин. 13 ноября человек Савин доставил арапчиков в Москву, о чем Спафарий докладывал Головину: «И я из тех трех выбрал двух, которые лучше и искуснее, родных братьев, и отдал их в пречестном доме вашем пречестной госпоже матушке вашей и детям вашим благороднейшим. А третьего, который поплотнее, оставил Петру Андреевичу, потому что так писал ко мне и господин Сава, да и человек его сказал, что тот негоден. Меньшей, именем Аврам, крещен от племянника господаря мультянского, а большой еще в бесурманстве».

Новые данные позволяют уточнить путь передвижения Васильева с арапами из Царьграда в Москву. Судя по всему, они следовали через Бухарест (или через Галац), где находился тогда господарь мультянский, через Яссы, а названное местечко, имение Татарам – это теперь квартал города Яссы Тэтэрешть. Из Ясс в Москву следовали через Киев. Ссылки Спафария на письмо Рагузинского к нему верны. В самом письме от 29 июня 1704 года (перевод, современный подлиннику) сказано: «также и полоненика окупленного по его приказу [промыслил]. При сем и двух мальчиков арапов промыслил и чаю, что вскоре в Мультянскую землю пришло их, и буде здоровы приедут, чаю, будут годны его превосходительству. Верь мне, дружбе мой, что зело трудно сие делать и из Турецкой страны вытащити их».

31 октября 1704 года в Московский приказ была отправлена отписка киевского губернатора А.А. Гулица (подлинник), начинающаяся словами «Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу»: «В нынешнем 1704-м году октября в 8 день приехали в Киев из Царяграда торгового человека галацкого жителя Савы Владиславова люди ево, сербеня Андрей Васильев, Костянтин Янов, да с ними три человека арапов, и объявили мне, холопу твоему, проезжее письмо от твоего великого государя посла, ближнего стольника и наместника алаторского, от Петра Андреевича Толстова, пребывающего при дворе салтанова величества турецкого, за его печатью. А в письме его написано; когда они достигнут твоего великого государя Российского государства богоспасаемого града Киева, принять б их с любовным приветствованием, и дав им довольно подвод и от города до города проводников, отпустить безо всякого задержания к Москве, чтоб они до Москвы допроважены были со всяким опасением и хранением. И по твоему великого государя указу тех приезжих Савы Владиславова людей ево двух человек, да с

ними трех человек арапов, дав им подводы и до Севска провожатого, киевского рейтара Юрию Островского, отпустил я, холоп твой, к тебе, великому государю, к Москве октября в 31 день нынешнего 1704-го году». В тот же день Гулиц выдал проезжий лист Васильеву и Янову (подлинник), который подготовил дьяк Макарий Калашников и просмотрел Иван Колонтаев. В листе указаны воля царя Петра Алексеевича, предписание гетмана Ивана Степановича Мазепы – всем «от Киева до Москвы пропускать и давать им четыре подводы с телеги и с хомуты и с проводниками везде без задержания»: «А ехать им ис Киева на Чернигов да на Новгород Северской, не занимая Батурина и Королевца и Глухова». Таким образом, арапчики не были случайной добычей. Они были выкуплены изначально для доставки русскому царю Петру Алексеевичу по его же воле. Под его защитой и защитой господарей Валахии и Молдовы они находились весь путь их передвижения до русских рубежей.

По пути в Москву был крещён племянником мулянского господара Константина Брынковяну (1654–1714) прадед Пушкина – Аврам (Абрам) Ганнибал. Это могло быть в Бухаресте – в конце июля-августе, или в Яссах – в конце августа-сентябре, но только не 9 октября 1704 года, как предполагалось ранее, поскольку Гулиц указал, что 8 октября 1704 года Аврам крещёный был уже в Киеве. Как показывают исследования, ранее проведенные В. Ф. Кушниренко, племянников, особенно у Брынковяну, было очень много. Возможно, крёстным отцом был кто-то из Кантакузиных – может быть, сын Фомы (Томы) Кантакузина, о котором писал А. С. Пушкин в «Истории Петра».

К 1711 году отношения Брынковяну с Кантакузиными ухудшились, его соратник, командующий армией Тома Кантакузин ушел под покровительство Петра I. С 1711 года он – генерал-майор русской армии. Стольник же Константин Кантакузин (1639–7.VII.1716) был советником по внешним делам и главой канцелярии Брынковяну. Он учился в Падуе, стал известным историком, автором хроники

«История румынской земли», карты Валахии (1718). Константин Кантакузин – один из переводчиков широко признанной Библии Шербана Кантакузина, над переводом которой на начальной стадии трудился Николай Спэтару (Спафарий). Участвовал в интригах против Брынковяну. После смерти Брынковяну, с апреля 1714 года по январь 1716 года господарский трон Валахии занимал Штефан, сын Константина Кантакузина. Штефан был арестован турками и казнён вместе с отцом и дядей Михаем. Константин Кантакузин был женат на Стане (Елене), имел ещё сыновей – Родиона (Раду) и Михая. В то время, как и ныне, самой старой церковью в Яссах считалась церковь св. Георгия «Домняска», построенная в 1491–1492 годах при правлении Штефана чел Маре. Она располагалась неподалеку от господарского двора и считалась господарской. Тут короновали правителей княжества, здесь был захоронен господарь Константин Кантемир. Церковь же Трех святителей появилась в 1637–1639 годах. Её строил архитектор-армянин Ианаке из Константинополя. Освятил храм митрополит Варлаам. Абрам Ганнибал мог быть крещён в одном из этих молдавских православных храмов, вернее всего – в церкви Трех святителей. Здесь, в Яссах, он находился дольше иных мест. В 1711 году Абрам Ганнибал вновь побывает в Яссах с Петром Великим в ходе Прутского похода. За Прутом, у молдавского села Семень он будет праздновать именины своего крёстного отца (по воле Петра Абрам был крещён второй раз в Вильне в июле 1705 года) и годовщину победы под Полтавой, сидя за одним огромным и дошедшим до наших дней «земляным столом» с Петром I, будущей Екатериной I, Дмитрием Кантемиром и другими. Согласно легенде, в 1821 году А. С. Пушкин, его правнук, тайно перешел Прут и также побывал в Яссах.

Виктор КУШНИРЕНКО родился в 1949 году в селе Бе-рёзки. С серебряной медалью окончил Новоаненскую русскую среднюю школу. Выпускник филологического факультета Кишинёвского госуниверситета.

Известный молдавский пушкинист, автор фундаментальных исследований жизни и творчества А.С. Пушкина в Бессарабии и южной России. Первые публикации о поэте вышли в 1972 году. С декабря 1991 года – учёный секретарь Дома-музея А.С. Пушкина в Кишинёве. Автор двухтомного научного труда «В стране сей отдалённой...» – летописи жизни и творчества Пушкина в Бессарабии, Киеве, Каменке и Одессе, который признан также романом в документах. Научное открытие представлено в книге-альбоме «Бессарабская весна А.С. Пушкина. 1821 год». В 2015 году вышла книга «Священна для души поэта...» – путешествие по Бессарабскому пушкинскому кольцу, главы из которой опубликованы в журнале «Москва» и «Общеписательской литературной газете». Автор

400 научных статей о Пушкине, Есенине и других русских писателях, многих книг, телевизионных видеофильмов, редактор нового поколения учебников, хрестоматий и пособий по русскому языку и литературе. Главный редактор изданного в Кишинёве в рамках российско-молдавского проекта первого в мире полноцветного толково-энциклопедического «Универсального иллюстрированного словаря русского языка» в 18 томах – от Пушкина до наших дней. Обладатель почётного звания «Om Emerit», медали «Meritul Civic». В 2007 году в Кремле Президент России В. В. Путин вручил молдавскому исследователю медаль Пушкина. Лауреат Есенинской премии 2024 года.

ОЛЬГА БАТАЕВА

**ПУШКИН И ЛЕРМОНТОВ:
«ЖИЗНЬ – ВЕЧНОСТЬ, СМЕРТЬ – ЛИШЬ МИГ»**

2024 год – юбилейный для двух великих писателей, без которых невозможно представить развитие русской литературы. В течение всего года мы отмечали 225 лет со дня рождения «солнца русской поэзии» – Александра Сергеевича Пушкина, а в октябре исполнилось 210 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Оба великих поэта связаны особой связью, символической и даже мистической. Удивительным образом совпадают ключевые моменты жизни обоих гениев русской литературы. Оба родились в Москве в семьях отставных военных, оба в юности начали писать стихи, оба рано стали известны читающей России, у обоих были восторженные поклонники и ярые противники, оба пострадали за своё творчество – перечисление этих совпадений можно проследить вплоть до посмертной славы, которую обрели оба. Более того, Пушкин и Лермонтов, сами того не зная, приходились друг другу братьями в одиннадцатом колене.

Тема «Пушкин и Лермонтов», параллельность их судеб, их творческая и историческая связь привлекали внимание исследователей еще с 1840 года, когда В.Г. Белинский, анализируя роман Лермонтова «Герой нашего времени» и стихи поэта, соотнес их с творчеством Пушкина. К сожалению, в короткой жизни Лермонтова гораздо больше «белых пятен», чем в жизнеописании Пушкина.

Как известно, Лермонтов не просто вошёл, а буквально ворвался в русскую литературу, написав стихотворение «Смерть поэта». О подробностях дуэли и последних часах жизни Пушкина молодой гусар знал из первых уст: 29 января 1837 года заболевшего Лермонтова посетил лейб-медик Николая I Арендт, лечивший смертельно раненного Пушкина. Возможно, этот рассказ повлиял на написание стихотворения. Лермонтов сказал правду о причинах гибели великого поэта, о которой молчали даже его близкие друзья. «Стихи Лермонтова на смерть поэта

переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми», – свидетельствовал современник. Расследование дела «О непроизвольных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским» было недолгим. Вскоре автор стихов был арестован и решением Николая I переведен «тем же чином в Нижегородский драгунский полк». Так началась ссылка на Кавказ, где через четыре года Лермонтову было суждено повторить трагический финал судьбы Пушкина.

Знакомство двух поэтов документально не подтверждено. Но, безусловно, живя в Москве и Петербурге в одно и то же время, Лермонтов видел Пушкина. Лично познакомиться им не довелось. Однако, изучив пушкинские рисунки, современная исследовательница Л.А. Краваль пришла к другому выводу: «Рисунок, оставленный в тетради, подтвердил тот факт, что Пушкин видел Лермонтова, запомнил этого молодого человека, если сумел воспроизвести его черты, а также то, что он был знаком с творчеством начинавшего тогда поэта – по крайней мере, с поэмой «Хаджи-Абрек» – и предсказал его будущую славу („Далеко мальчик пойдёт”)».

Войти в круг писателей пушкинского окружения и близких друзей Пушкина двадцатитрехлетний поэт до своей первой кавказской ссылки не успел. С ними он познакомится позже, приехав в Петербург в 1838 году в ранге самого известного молодого поэта России. Лермонтов значительно расширил свои литературные связи: состоялось его знакомство с А.И. Тургеневым и В.А. Жуковским (последний хлопотал перед Николаем I о смягчении участи ссыльного). Молодой офицер посещал дома Олениных, Карамзиных, А.О. Смирновой, М.Ю. Виельгорского, познакомился с И.А. Крыловым, В.Ф. Одоевским, В.А. Соллогубом, Ф.Ф. Вигелем, Е.А. Баратынским. Общался с близкими друзьями Пушкина П.А. Вяземским и П.А. Плетнёвым, которые после смерти поэта взяли на себя издание «Современника» и в 1837 году опубликовали в нём стихотворение «Бородино». Его новые стихи печатались почти в каждом номере журнала А.А. Краевского «Отечественные записки».

В феврале 1840 года Лермонтов дрался на дуэли. Вновь совпадение: это произошло за Чёрной речкой, недалеко от того места, где Пушкин стрелялся с Дантесом. В.Г. Белинский писал из Петербурга в Москву В.П. Боткину: «Лермонтов под арестом за дуэль с сыном Баранта (французского посла – О.Б.). Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений и жизни». Неописанные в письме подробности дуэли: «Сначала дрались на шпагах. Барант слегка оцарапал грудь противника. Лермонтов сделал выпад, но конец его шпаги переломился. Перешли на пистолеты, Барант стрелял первым и промахнулся. Лермонтов выстрелил в сторону. Противники тут же помирились». Однако поэта арестовали и предали военному суду за «недонесение» о дуэли. На гауптвахте его навещали литераторы, среди них был и В.Г. Белинский, искренне восхищавшийся его творчеством: «Дьявольский талант! Глубокий и могучий дух.

Как верно он смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!»

И вновь последовала ссылка на Кавказ. По дороге Лермонтов заехал в Москву, там его встретили радушно и тепло. 9 мая 1840 года он присутствовал на именинном обеде Н.В. Гоголя, где было много известных литераторов. С.Т. Аксаков вспоминал, что «Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри» и читал, говорят, прекрасно...»

Светская жизнь, где «мелькают образы бездушные людей, приличьем стянутые маски», тяготила Лермонтова. Это состояние он описал в произведениях «Демон», «Маскарад», «Герой нашего времени». Пребывание же на Кавказе действовало на него благотворно. Прибыв в армейский полк, воевавший в самом опасном месте, Лермонтов проявлял чудеса героизма, в том числе в бою при реке Валерик в Чечне. Один из очевидцев боевых действий вспоминал: «Он был отчаянно храбр, удивлял своей удалей даже старых кавказских джигитов». Начальство дважды представило молодого офицера к награждению золотой саблей с надписью «За храбрость», но царь награду отклонял.

В феврале 1841 года Лермонтову был предоставлен отпуск, и он приехал в Петербург в последний раз. «Три месяца, проведенные тогда им в столице, были самые счастливые в его жизни», – вспоминала Е.П. Ростопчина. Он окружен всеобщим вниманием, полон новых творческих планов: мечтает выйти в отставку, заняться литературной деятельностью и, как Пушкин, издавать свой журнал. Еще одно мистическое совпадение: за несколько дней до отъезда на Кавказ Лермонтов посетил Шарлотту Кирхгоф – известную гадалку, которая предсказала смерть Пушкину. Поэт спросил у неё, будет ли он выпущен в отставку и останется ли в Петербурге. Прорицательница вынесла вердикт: «В Петербурге тебе больше никогда не бывать, как не бывать и отставки от службы, которая и без того сама собой скоро окончится. Будет тебе другая отставка, после коей уж ни о чем просить не станешь». Последний вечер Лермонтов провел у Карамзиных. Здесь довелось ему впервые пообщаться с вдовой Пушкина Натальей Николаевной, хотя раньше он её избегал. «Прощание их было самое задушевное...», – записал в журнале П.А. Плетнёв. Уезжал поэт из Петербурга с очень тяжелыми предчувствиями, написав удивительные по силе стихи «Прощай, немытая Россия».

На Кавказе Лермонтов сдружился с поэтом-декабристом А.И. Одоевским, там же судьба свела его с родным братом кумира – майором Львом Сергеевичем Пушкиным, которому суждено было стать свидетелем ссоры поэта с бывшим товарищем по юнкерской школе Николаем Мартыновым. И вновь совпадение: как и в последней дуэли Пушкина, так и в смертельном поединке Лермонтова до сих пор много неясного.

В середине прошлого века в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина было обнаружено письмо петербуржца П. Полеводина, проливающее новый свет на роковые события 15 июля 1841 года. В письме он показал истинное лицо «подлеца и труса» Мартынова, «чистейшего сколка с Дантеса», и подтвердил взгляд современников на эту дуэль как на настоящее убийство: «Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертию Л^{ермонтова}», он

был лучший его приятель. Лермонтов обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести». Такую же картину описал литератор Ю.Ф. Самарин: «Лермонтов убит Мартыновым на дуэли на Кавказе. Подробности ужасны. Он выстрелил на воздух, а противник убил его, стреляя почти в упор». Лев Сергеевич тяжело сетовал, говоря: если бы он знал о предстоящей дуэли, то сумел бы её предотвратить. Как бесценную реликвию хранил он перчатку с руки убитого друга.

Похоронили Михаила Юрьевича на Пятигорском кладбище, недалеко от места поединка: «Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слёзы множества сопровождающих выразили потерю общую, незаменимую». В апреле 1842 года, по просьбе бабушки поэта Е.А. Арсеньевой, гроб с прахом Лермонтова был привезён из Пятигорска в Тарханы, где он покоится в фамильном склепе.

«Если смерть Пушкина была великим несчастьем для России, то смерть Лермонтова была уже настоящей катастрофой, и от этого удара не могло не дрогнуть творческое лоно не только российской, но и других культур», – так расценил это трагическое событие русской истории писатель и философ Серебряного века Даниил Андреев.

Горестно восприняли смерть молодого литератора друзья А.С. Пушкина. П.А. Вяземский писал: «Сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова». В августе 1841 года в «Отечественных записках» без подписи была помещена статья Белинского, содержащая скорбные строки: «...мы встречаем новое издание «Героя нашего времени» горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова!.. Этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и благоухания и – исчезнуть во всей красе своей...»

Ещё в юности и Пушкин, и Лермонтов, сознавая бренность земного существования, отождествляли бессмертие души с творческим наследием. Об этом – в пушкинском «Послании к Илличевскому» 1817 года:

*Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочёл бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.*

В неполные 16 лет Лермонтов больше боялся не физического ухода из жизни, а исчезновения своего следа на земле:

*Боюсь не смерти я. О, нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет.*

Поэту суждено было увидеть опубликованными лишь единственное издание стихотворений и роман «Герой нашего времени», вышедшие в 1840 году. Подавляющее большинство его произведений было издано посмертно. Лермонтов – уникальное явление не только в русской, но и в мировой литературе. За четыре с небольшим года литературной известности он стал наследником пушкинской эпохи и классиком русской литературы, указав дорогу новым поколениям литераторов. Оба гения русской литературы – Пушкин и Лермонтов – обрели вечную жизнь через своё творческое наследие. Лермонтов выразил формулу бессмертия писателя устами героя драмы «Маскарад» Арбенина: «Жизнь – вечность, смерть – лишь миг».

Ольга БАТАЕВА родилась в Кишинёве. Окончила филологический факультет Кишинёвского государственного университета. В течение тридцати лет работала заведующей экспозиционным отделом, зам. директора по науке Дома-музея А.С. Пушкина. Автор музейных экспозиций в Кишиневе и Долне, создатель более 100 выставок. С 2015 года – координатор культурных проектов представительства Россотрудничества в Республике Молдова, организатор и куратор Пушкинской аудитории Российского центра науки и культуры в Кишиневе.

Автор книг «Благослови, поэт...», «Твоей молвой наполнен сей предел», «Мой след уединенный» – Пушкинская тропа Молдовы», многочисленных статей в различных изданиях, сборника Пушкинского песенного цикла «Встретиться с Вами нам здесь суждено» (в соавторстве с Анжелой Арсений).

Заслуженный деятель культуры Республики Молдова.

Награды: медаль РМ «Mihai Eminescu» – «За особые заслуги в творческой деятельности»; почётный знак Россотрудничества «За дружбу и сотрудничество»; диплом «Литературной газеты» и две золотые медали Международной общественной ассоциации «PERSONALITATE» «За плодотворную и многогранную деятельность в пропаганде пушкинского наследия».

Поле зрения

АЛЕКСАНДР ЛЕВИЦКИЙ

ОТ АВТОРА

Всякое реальное событие со временем обрастает легендами и мифами. Не обошла чаша сия и Великую Отечественную войну. Например, мы до сих пор считаем, что Москву в 1941 году спасли «сибиряки», однако факты говорят о том, что это были войска Дальневосточного фронта. Чтобы ввести в заблуждение японский генштаб, генерал-полковник Иосиф Родионович Апанасенко, командующий Дальневосточным фронтом, предложил называть «дальневосточников» «сибиряками». Это была сложнейшая логистическая и дезинформационная операция Великой Отечественной Войны.

Что касается моего рассказа «Сапожки». Я собрал несколько сложившихся легенд об обороне Москвы и написал на их основе фантастический рассказ. Чтобы у меня не получился спойлер, интригу и содержание раскрывать не буду. А все желающие что-либо спросить или о чём-то поспорить могут написать мне в редакцию журнала «Русское поле». С удовольствием отвечу.

Александр Левицкий (Камаев)

САПОЖКИ

Когда «Дуглас» оторвался от земли, состояние обречённости начало покидать провожающего. Едва он успел, сев в автомобиль, скомандовать водителю, чтобы тот ехал обратно, как тело изошло вонючим потом, пальцы рук свело судорогой в когтистую лапу, ноги мелко задрожали. Водитель видел, как посинели губы и побелело лицо начальника. Но приказ есть приказ, и он повёл машину обратно. К Тихвинской церкви, что в Алексеевском. Бережно объезжая рытвины и взбираясь на пригорки, водитель внимательно наблюдал, как его пассажир выходит из состояния боевого транса, снова превращаясь в обычного человека. На курсах НКВД он и сам изучал условия вхождения и выхода в изменённое сознание, но бог миловал, входить в него ему приходилось нечасто, а вот его начальнику приходилось непросто. На этот раз он не спал, не ел, лишь метался по Москве и окрестностям четыре дня. По-хорошему его бы сейчас следовало определить в горячую ванну да отпоить бульончиком. Но в церковь так в церковь, тут недалеко.

В бреду его начальнику виделись сапожки. Детские залатанные сапожки под иконами в комнате матери. Сапожки, что подарила ему в дорогу сельская беднота. С наказом хорошо учиться. Вот он всю жизнь и учится.

Сейчас надо усвоить главный урок. Как жить со страхом божьим в душе?

Всё началось четыре дня назад. Утром 2 декабря 1941 года в случайное окно меж выюгами взлетел лётчик-наблюдатель и увидел, что в стык между 82-й и 32-й стрелковыми дивизиями к Москве прорвалось большое подразделение противника. По прибытии лётчика на аэродром тамошний майор НКВД чуть не расстрелял его как паникёра. Но. Случайно рядом оказался Жуков и отправил лётчика в новый полёт уже вместе с майором. Выяснилось, что от Можайска в сторону Москвы идёт до шестидесяти танков с бронетехникой и пехотой. Дорогу расчищают трофейные советские трактора. Артиллерия обеих дивизий к месту прорыва по снегам не пройдёт. Дальневосточные дивизии, которые в целях конспирации называли «сибирскими», тоже не успевают. Бомберы из-за выюги не смогут взлететь, только тяжёлые самолёты. Смогли бы выбросить десант, но парашютистов разнесёт выюга. Между Москвой и фашистами стоит лишь шестиметровый вал, который ещё горит. И гореть ему три-четыре часа. Случайно вспомнили предвоенные работы инженера Гроховского по беспарашютному десантированию со сверхмалых высот. Сорок процентов потерь посчитали приемлемыми. Случайно выяснилось, что на аэродроме транспортной авиации близ села Тайнинское под Мытищами находятся самолёты ПС84 и ДСЗ, они же «Дугласы». После эвакуации из Химок завода по их производству тридцать штук как раз готовили как десантные средства для диверсантов и партизан. Один самолёт – двадцать шесть человек десанта. Мытищи с другой стороны Москвы. По прямой больше ста километров. Успеем!

Кто в Мытищах есть? Отдельная мотострелковая бригада особого назначения ОМСБОН НКВД СССР и 18-й Истребительный батальон НКВД. Хорошо подготовленные и мотивированные бойцы. Жуков звонит Сталину. Тот даёт добро. Берия звонит в Мытищи и едет на аэродром.

Но он опоздал. Лишь увидел хвост последнего улетающего самолёта. Так с мешком писем и стоял посреди поля, читая письмо. Прогревались моторы, громыхали машины. Прибыл полк «сибиряков». Они пойдут второй волной.

А он стоял и читал. Письмо от командира улетевшего батальона.

«Лаврентий Павлович – время не ждёт. Я погрузил в самолёты весь личный состав Истребительного батальона, 287 человек. По два человека на противотанковое ружьё, плюс у каждого ППШ. Патронов хватит на три часа интенсивного боя. Кончатся патроны – будем рвать зубами. Перед вылетом все бойцы написали письма. Они в мешке. Все письма написаны Иосифу Виссарионовичу Сталину. Там нет антисоветчины и проклятий. Что в них написано, вы поймёте лучше меня.

Мы знаем, что будет, и потому стремимся в бой –
За – Родину! За – Сталина! С Богом!»

Да, такие письма нельзя проводить по регламенту, то есть через отдел почты в ЦК. Вот тут-то на взлётной полосе и настиг народного комиссара Страх Божий. Да так настиг, что опечатал он мешок своей печатью и, не выпуская из рук, поехал к Вождю. Проезжая по Ярославскому шоссе, услышал со стороны ВДНХ ко-

локольный звон. Видел красную, как калина, церковь в снегу, но не остановился. Весть, что он вёз с собой, требовала немедленной доставки. А прибыв в Ставку, узнал, что вражеский прорыв уничтожен и из первой волны десанта не выжил никто. Так в состоянии сосредоточенности и явился в приёмную. Был допущен и выложил доказательства на стол. А сам устроился на стульчике, глядя, как Вождь листает бумажки.

Сталин читал письма внимательно, иногда ехидно поглядывая на Берию. Письме на двадцатом взял в руки красный карандаш и стал пересчитывать, что-то подчёркивая. А на половине писем остановился.

– Как бывший семинарист, – твёрдо начал Вождь, – заверяю тебя, что ты принёс Благоую Весть. Явив нам чудо, ОН, – здесь оратор взглянул в потолок, – показал, что ОН с НАМИ, а не с ними. Это главное. Чудо – это всегда плохо. Плачущие иконы и ангелы, сидящие на аналоях, показывают нам, что мы верим, но не доверяем ЕМУ. «Тепло-хладные» мы. А ты теперь не просто веришь, ты теперь знаешь. Другая категория доверия.

Теперь второе. Потомки пишут, что у них там плохо. Как они дошли до такой жизни – не пишут. Это значит, что до нас информация доведена в достаточном объёме. Только намёки – «меня сожгли в Одессе, меня зарезали в Берлине, я замёрз в Донецке, я умер с голоду в Ташкенте», и что? Вот даже благодарность мне выражают: «Возможно, благодаря Вам я прожил прекрасную долгую жизнь. Никогда не брал в руки оружия». Они все на старости лет молили Бога о том, чтоб умереть за Родину, за Сталина в бою. Жалуются, что Сталина у них нет. Жалуются, что старых на войну не берут. Вот Господь и явил чудо, послал их сознание в души наших лучших людей, которые знали, что нужно делать. А что, потомки наши не знали, что делать? Или, пока были молоды, ручки боялись запачкать? От мира не ушли, к Нему не пришли. Но Он милостив, дал им новую смерть, а нам знак. А мы с тобой недоработали. Не всю гниль выжгли.

Понял ли? – сверкнул жёлтым глазом Вождь.

– Понял, – неуверенно ответил комиссар.

– Ещё поймёшь, – пробурчал старик. – Или окончишь жизнь, как жертвенный барашек. Нам с тобой святыми никогда не быть. О письмах молчи. Теперь поезжай сам, обратно на аэродром, а по дороге посети ...

Три часа назад по узенькой тропинке от калитки до мраморной лестницы, ведущей в церковь, прошёл не сомневающийся ни в чём функционер. Теперь ступеньки казались круты, а подъём тяжёлым. Ввалившись внутрь, больной человек не

пошёл дальше. Рухнул на скамью под церковной лавкой и начал рвать одежду на груди. Добравшись до тела, скрюченные пальцы стали терзать кожу, но схватившая межрёберные мышцы судорога не отпускала. В голове вертелись слова – «наша церковь никогда не закрывалась..., никогда не закрывалась..., никогда не быть святыми, не закрывалась..., никогда... никогда». Рука непроизвольно схватила с прилавка, что-то острое и начала тыкать в мышцы. Полегчало и отпустило. Рука перестала быть лапой и легко держала дешёвенький медный крестик. Берия вынул из кармана рубль и положил его на прилавок.

Отсюда хорошо была видна единственная свеча, освещающая пустое место стены. Там три часа назад висел список Тихвинской иконы Божьей Матери. Теперь она крестила Москву, летая над городом. Священник Виктор освящал столицу.

– Тебя что, здесь забыли? – три часа назад спросил Берия мелкого, с остатками ржавчины в седой шевелюре, очень шустрого священника. – Я сам и Синод, и священников эвакуировал.

– Священный Синод никогда ничего не забывает просто так, – отвечал, протягивая комиссару тарелку, настоятель. – А Храм наш никогда не закрывался. Даже при Наполеоне. Натек-ка. Съешьте хоть по пирожку, загонял вас ваш Хозяин. Лучшие пирожки с капустой на Москве – у нас! С визигой в Свято-Даниловском, с картошкой в Заиконоспасском, это посреди улицы, что от Кремля к твоей Лубянке ведёт. А за клюквенным морсом лучше на Сретенку.

Пирожок действительно был хорош. Всем досталось по одному.

– Теперь вы, опричники, – обратился священник к охране, – вот вам складни бронзовые солдатские. Без них никак. От Измайловского полка остались, – уже шёпотом пояснил он комиссару. – Теперь тихонечко снимаем Матушку-Заступницу со стены. Она теперь лёгкая, всё золото и бриллианты ваш Хозяин отобрал. Она не в обиде, раз он хлеб и трактора купил. Ей даже нравится. Легко стало. Берём подставку под икону, вот этот аналой, кропило не берём, а то вся вода в самолёте будет. И да, вот этот медный бак со святой водой. Он тяжёлый, в нём сто литров.

Бойкого отца Виктора пришлось вязать верёвкой к креплениям самолёта, чтоб не вывалился от счастья. Оставил ему Берия и двух охранников и уехал с аэродрома в церковь. Ждать.

В храме его отпустило. Смотрел на свечу и вспоминал, да всё не мог вспомнить, как стоят его детские сапожки. Носками к иконам или наоборот.

Александр ЛЕВИЦКИЙ (псевдоним Александр Камаев-Левицкий). Родился в селе Терновка Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Член Союза писателей России. Член Ассоциации русских писателей Молдовы.

Писатель-фантаст, автор романов «Катехон», «Каникулы 2020, или галопом по Европам», «BUG или камушек в сапоге», сборника рассказов «Время ЧЕ», критических статей для «Литературной газеты» и других изданий.

ПЕРЕВОДЫ

ДИАНА ЖАЛБЭ

Роберт Рождественский

БАЛЛАДА О КРАСКАХ

Был он рыжим, как из рыжиков рагу.
 Рыжим, словно апельсины на снегу.
 Мать шутила, мать весёлою была:
 «Я от солнышка сыночка родила...»
 А другой был чёрным-чёрным у неё.
 Чёрным, будто обгоревшее смольё.
 Хохотала над расспросами она, говорила:
 «Слишком ночь была черна!..»
 В сорок первом, в сорок памятном году
 прокричали репродукторы беду.
 Оба сына, оба-двое, соль Земли –
 поклонились маме в пояс.
 И ушли.
 Довелось в бою почуять молодым
 рыжий бешеный огонь и чёрный дым,
 злую зелень застоявшихся полей,
 серый цвет прифронтовых госпиталей.
 Оба сына, оба-двое, два крыла,
 воевали до победы.
 Мать ждала.
 Не гневилась, не кляла она судьбу.
 Похоронка
 обошла её избу.
 Повезло ей.
 Привалило счастье вдруг.
 Повезло одной на три села вокруг.
 Повезло ей. Повезло ей! Повезло! –
 Оба сына воротились в село.
 Оба сына. Оба-двое. Плоть и стать.
 Золотистых орденов не сосчитать.
 Сыновья сидят рядком – к плечу плечо.
 Ноги целы, руки целы – что ещё?
 Пьют зелёное вино, как повелось...
 У обоих изменился цвет волос.
 Стали волосы – смертельной белизны!
 Видно, много
 белой краски
 у войны.

Robert Rojdestvenskii

BALADA DESPRE CULORI

Fiul ei era roșcat și semăna
Cu o coaptă portocală-n fulgi de nea.
Mama lui credea că e cel mai frumos:
„Mândrul soare tatăl fiului mi-a fost!”
Alt băiat chiar negru-negru s-a născut,
Parcă lemnul ce a ars demult-demult...
Maica răspundea, râzând, la întrebări:
„Negru prea a fost amurgu-acelei seri!”

Într-o zi de vară-a celui groaznic an
Nenorocul a bătut în al lor geam!
Mama lor pierdea comoara fără preț,
Căci războiul i-a luat cei doi băieți...
Amândoi bărbați în luptă-au înfruntat
Fumul negru dar și focul cel roșcat,
Multă iarbă au văzut de-un verde dur,
Și-n spitale-au stat pe unde totu-i sur...

Fiecare din cei doi băieți lupta
Pân’la urmă, însă maica-i aștepta...
Acceptă femeia soarta sa smerit –
Nicio notă despre moarte n-a primit.
În sfârșit avu ea parte de noroc,
De mai mult decât trei sate la un loc –
Biata mamă îi vedea pe ambii frați:
S-au întors acasă vii, nevătămați!

Au venit în satul lor ai mamei fii -
Plin e pieptul de medalii aurii...
Unul după celălalt în casă au intrat.
Sănătoși sunt – ce mai e de așteptat?
Vinul verde se servește-ntr-adevăr...
Și-au schimbat culoarea firele de păr.
Părul e ca moartea alb la amândoi!
Au adus
culoarea albă
din război.

Aureliu Busuioc

SCRIU

...Și-acum cuvântu-acesta. E de-aici.
 Și celălalt! Nu merge. Nu. Nu trece.
 Aha! Ba nu. Nici ăsta... Foarte rece.
 În schimb la ăsta, zi: te trec furnici!
 Te trec furnici...
 Cum zici – te trec fiori?
 Posibil. Dar... Nu simți c-aici i-i locul?
 Nu simți în mână cum vibrează tocul,
 Ca un arcuș pe-o sută de viori?
 Cum un apus pe-o mare de cleștar
 În creșii apei sânge fără ură
 Împrăștiind cu mâna lui nedură
 Din dărnicia strânsă în șistar?...
 E locul lui aici. Ori poate nu-i?
 Nu simți cum sună golu-n celelalte?
 O, dac-ar fi ecoul lui, încalte...
 Ori poate-i el? E chiar ecoul lui!
 Ecoul lui... Aruncă-l! E la fel
 Cum peste baltă crucea unei gaie.
 Alunecând neașteptată, taie.
 Și valul scund, și cerul paralel.
 Dă-mi alt cuvânt, încăpător sau mic,
 Să-i simt cu ochiul, până-n carne, focul!...
 ... Și iarăși zori.
 Și iar învie blocul.
 Și înc-o zi.
 Și iar n-am scris nimic.

Диана ЖАЛБЭ родилась в Кишинёве 8 июля 1994 года. Окончила теоретический лицей им. Петру Мовилэ, а также лицензиат и магистратуру факультета иностранных языков и литератур Молдавского государственного университета. С детства пишет стихи, переводит поэзию с русского на молдавский / румынский и наоборот. Член Ассоциации Русских Писателей Республики Молдова с 2012 года.

Лауреат Республиканского литературного конкурса для молодёжи «Взлётная полоса» (2012 и 2015 гг.), литературной премии «Под сенью Долны» (2014 и 2016 гг.) и Международной премии «Содружество Дебютов» (2020).

Аурелиу Бусуйок

ПИШУ...

Подходит это слово, ясно мне.
А вот другое... Нет, не попадаю...
И строки не ложатся... Пробегают
Мурашек миллиарды по спине.
Мурашки, дрожь ли это или ток?
Возможно... Место здесь ему – не где-то.
И задрожит перо в руке поэта,
Как задрожит у скрипача смычок.
Над морем голубым дрожит закат,
Росою алой окропляя воды,
Спеша в тот вечер одарить природу
Той щедростью, что в нас не нарасхват.
Ему здесь место... А быть может, нет?
Не слышишь, как в других словах пустоты
Звучат? И эхо произносит что-то...
Быть может, скрытан в эхе том ОТВЕТ?
ОТВЕТ... Отринь его! Он словно крест
Могильный, что надгробье возвышает
И, падая, навеки разрывает
И муть болот, и чистоту небес...
Дай слово мне – довольно одного,
Чтоб плоть прожгло, поймав во взгляде нежность...
А я, хоть за окном рассвет забрезжил,
Не написал ни строчки... ничего...

20.10.2023

Активный участник Международного фестиваля русской литературы в Республике Молдова «Пушкинская Горка».

Публиковалась в журналах и альманахах «Русское поле» (2012), «Страна Озарение» (2012), «Новые писатели» (2015), «Эмигрантская лира» (2018), «Веси» (2019).

Переводы вошли в Антологию русской поэзии Молдовы (начало XXI века) «Неулетающие птицы» (2017) и в двуязычный сборник стихотворений о Великой Отечественной войне «Я это видел! – Am văzut-o!» (2021).

В 2016 году вышла в свет двуязычная книга «Между двумя мирами – «Între două lumi» (сборник поэтических переводов молдавских / румынских и русских поэтов-классиков.

Наиболее ценными для себя работами Диана считает: перевод на молдавский / румынский язык перевод Маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» и нескольких отрывков из поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины»; на русский язык – перевод поэмы Михая Эминеску «Лучафэр».

Забвению не подлежит

ОЛЬГА НАЗАРЕНКО

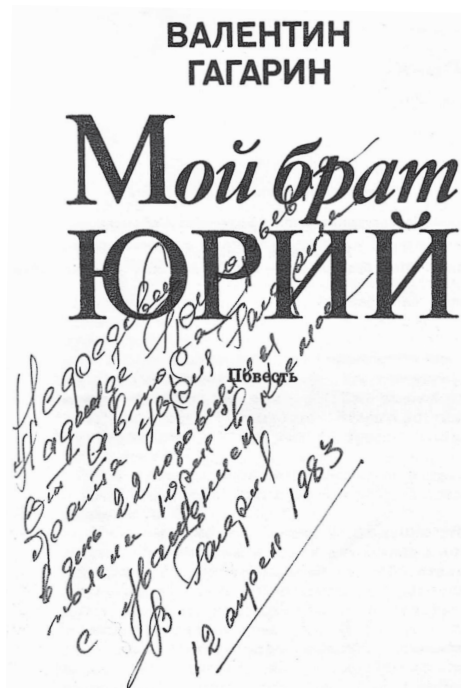
ГОРОД ДЕТСТВА

Все мы – родом из детства. Кажется, что в детстве и небо синее, и трава зеленее, и деревья выше, и люди лучше. Моё детство пришлось на совершенно замечательное время: 70–80-е годы XX столетия. Их ещё называют «эпохой развитого социализма». Те, кому посчастливилось жить в это время, знают, что слова «Родина», «честь», «братство», «дружба», «достоинство» не были пустым звуком. Мы искренне любили, по-настоящему дружили, гордились своей родиной, страной, школой.

И я гордилась. Очень. Школой № 24 города Кишинева. Она была необыкновенной, потому что носила имя Ю.А. Гагарина. И в этой школе, как и во многих других в то время, действовал КИД – клуб интернациональной дружбы. Поскольку школа носила имя первого космонавта Земли, ребята вместе со своими замечательными учителями, которые стояли у истоков зарождения КИДа, установили связи с учениками школы города Гжатска Смоленской области, где родился, учился и вырос Юрий Алексеевич Гагарин. Сейчас Гжатск переименован в город Гагарин.

У истоков этой дружбы стояли учителя и директор школы: Смишной Георгий Дмитриевич, Долгая Лариса Ивановна, Поплавская Полина Васильевна, Нефёдова Надежда Григорьевна. И, конечно же, мы, дети: Евланова Марина, Годонога Оля, Мындру Светлана, Нефёдова Оля, Стойчу Анжела.

Девочки были первыми экскурсоводами в галерее Гагарина и музее Юрия Алексеевича. Экскурсии велись на трёх языках: русском, молдавском и английском. Нефёдова Оля и Стойчу Анжела впоследствии тоже выбрали для себя нелегкий учительский путь. Анжела Стойчу – действующий директор школы № 24, которая сейчас переименована в Institutia Publica Liceul Teoretic Universul din mun. Chisinau, где свято чтут гагаринские традиции, а Нефёдова Оля – известный поэт-песенник Ольга Назаренко.

Благодаря их усилиям в школе проводились Гагаринские слёты. Из всех 15 союзных республик СССР приезжали ученики школ, которые носили имя Юрия Гагарина. На эти слёты приглашались и космонавты, и члены семьи Ю.А. Гагарина.

Ученики кишинёвской школы побывали и в Звёздном городке, и на Байконуре. А мне, совсем ещё девчонке, посчастливилось побывать на открытии нового здания музея в городе Гжатске, познакомиться с учителями Юрия Гагарина, его дублёром Константином Вороновым, который так никогда и не полетел в космос, а самое главное – позавтракать и попить чай с матерью космонавта Анной Тимофеевной Гагариной!

Эта встреча состоялась 4 марта 1983 года. Анна Тимофеевна, в то время уже достаточно пожилая женщина, неважно себя чувствовала. Но когда услышала, что приехала делегация из самой Молдавии, пригласила нас к завтраку. Я рассказала легенду о мэрцишоре, подарила всем молдавские сувениры, которые так понравились, что Анна Тимофеевна улыбнулась и пригласила сесть рядом и налила мне чай, предложив к чаю варенье из райских яблочек. Я смотрела на неё не дыша и понимала, что знаменитая гагаринская улыбка – это улыбка его мамы, Анны Тимофеевны. А потом А.Т. Гагарина подарила мне свою книгу «Слово о сыне» и подписала её. Она вместе с книгой старшего брата космонавта, Валентина Гагарина «Мой брат Юрий» с автографом автора хранятся в нашем доме, как реликвии.

Потом были встреча в школе, церемония открытия музея, экскурсии.

Переполненная впечатлениями и эмоциями, на обратном пути я написала своё первое в жизни стихотворение. Большое спасибо моей маме Нефёдовой Надежде Григорьевне за то, что она его отредактировала и сохранила. С него и начался мой поэтический путь. Это стихотворение прочитали 12 апреля 1983 года впервые на празднике День Космонавтики в г. Гжатске. Это стихотворение прочитали космонавты, находившиеся в тот момент на орбите. Оно облетело вокруг Земли и теперь хранится в музее в городе Гагарин и в музее Гагарина в кишинёвском лицее «Универсул», бывшей школе № 24.

Анна Тимофеевна Гагарина с правнуком Юрой.

А.Т. Гагарина
СЛОВО О СЫНЕ

А. Гагарина

*Родился в Гжатске мальчик Юра.
Дружил, учился, спорил, пел,
И вот однажды с Байконура
Впервые в космос полетел!
Он сделал то, чего на свете
Никто не делал до него!
И потрясённая планета
Встречала сына своего.
Цветы, улыбки, ликование...
Весь мир восторженно взирал,
Как и торжественно и просто
От самолёта он шагал.
Он много сделал для народа,
Подняться в космос он дерзнул!
И шагом, лёгким и свободным,
В своё бессмертие шагнул.
Что он не с нами, мы не верим,
В сердцах у нас он жив навек.
Гордимся мы, что в космос первым
Шагнул советский человек!*

Юра Гагарин в школьные годы

К своему прошлому можно относиться по-разному. Кто-то старается его забыть, кто-то за него цепляется, кто-то живёт здесь и сейчас. А я благодарна судьбе за то, что прикоснулась к истории, общалась с людьми, которые оставили в ней свой след.

И память об этой встрече я несу бережно и свято, передавая своим детям, ученикам, своей семье. И праздник День Космонавтики нельзя забывать никогда, потому что и молдавский народ внёс свой значительный вклад в развитие космической науки и дело освоения космоса!

P.S. Выражаю огромную благодарность действующему директору лицея «Универсул» Стойчу Анжеле за предоставленные материалы из школьного музея.

Ольга НАЗАРЕНКО родилась, выросла и живёт в Кишинёве (Республика Молдова). Стихи пишет с детства. С 2012 года – член Российского союза писателей, с 2018 – Ассоциации русских писателей Республики Молдова. С 2024 года – заместитель председателя Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Номинант премий «Поэт года», «Наследие» с 2012 года.

Печаталась в альманахах Российского союза писателей, «Поэт года», в газете «Русское слово». Поэт-песенник. Работает в соавторстве с российским певцом и композитором Дмитрием Лазаревым, Sasha Joy, с известным украинским бардом Владимиром Зачепой, израильским композитором Анной Витенбек. Написано около 100 песен, которые можно послушать в Ютубе и на Яндекс-музыке.

ЧИТАЕМ КЛАССИКУ

ИРИНА РЕМИЗОВА

ДВОРНИК ИОВ

Пожалуй, немногие произведения классической русской литературы породили столько мемов, как грустная история про маленькую собачку-спаниеля, рассказанная Тургеневым. Речь, конечно, идёт о рассказе «Муму», который читал каждый человек, учившийся в средней школе. Мы склонны иронизировать и смеяться на самими болезненными эпизодами классики – над гибелью Анны Карениной, убийством старухи-процентщицы... Значит ли это, что мы циничны и жестоки? «Циники – разочаровавшиеся романтики», – индульгенция, написанная невесть кем и когда, красивая печоринская поза, инфантильная по сути.

Муму – это детская боль. Много ли знает пятиклассник – хоть из советских времён, хоть из нынешних дней – о российском крепостном праве XIX века? А если и знает, то лишь умозрительно – были помещики, которые угнетали крестьян. Личного чувства к этим абстрактным историческим персонажам нет, да и быть не может. Иное дело – живая и настоящая собака, похожая на собственного лохматого друга или хотя бы на знакомую дворняжку. Оттого и помнятся со школьной скамьи не психологические коллизии рабов и госпожи, а сюжет о страшной гибели маленького беззащитного существа. От ужаса мы часто защищаемся иронией, смехом, альтернативными концовками. Так и здесь – в большинстве анекдотов и мемов Муму спасается, потому что так хочет внутренний ребёнок, оплакивающий смерть собаки.

Может быть, из-за детского неприятия истории, написанной совсем не для детей, большинство читателей никогда не возвращаются к этому рассказу, а ведь судьба Герасима – один из ключей к творчеству писателя. Привычно воспринимать Тургенева как певца угасающей усадебной культуры – «Дворянское гнездо», «Отцы и дети»... Имена, просторы, чаепития, возвышенные беседы, «тургеневские девушки», в конце концов. За большими романами теряется начало, книга, с которой начинается путь Тургенева в большую литературу – «Записки охотника». В Европе бытовало мнение, что именно с этих очерков началась реформа 1861 года, в русской же литературе они стали, как ни странно, чуть ли не первым серьёзным разговором о том, что же это такое – народ. Не ходульный собирательный (а потому безликий) персонаж авторов-вольнолюбцев и не сарафанно-сусальный, как в официозной триаде «православие-самодержавие-народность», а сложносочинённый, неоднозначный, многоголосый образ, распадающийся на десятки неповторимых судеб. Тему страдающего народа поднимали многие, не видя при этом лиц, но сражаясь за идею. Тургенев одним из первых показал, что

народ – это не только бессеребренник Калиныч, но и прагматичный Хорь, которому с помещиком жить-поживать да добра наживать даже выгоднее, чем вольному.

«Муму» – это личная история Тургенева. Не отстранённое страдание-манифест о символическом мужике, а пережитое наяву. Не описание некоей обобщённой барыни, а портрет собственной матери. Рассказ, написанный на съезжей, куда Тургенев был посажен из-за статьи на смерть Гоголя, предварил выход в свет «Записок охотника», которые были опубликованы в августе 1852 года. Тематически история Герасима не вписывается в сюжетную канву деревенских очерков, но по сути они произрастают из одного корня.

У каждого писателя есть свой самый страшный рассказ. У Чехова – «Спать хочется». У Тургенева – «Муму». История, рассказанная простыми словами и оттого пробирающая до оторопи даже взрослого читателя. Горькая, пронзительная правда, которую нарочито неловко автор пытается нарядить в сказочные одежды. Начинается и заканчивается рассказ по-былинному: герой-богатырь, важный, степенный сообразно имени своему. Такой Герасим будто и не крепостной вовсе и даже не совсем человек, а одушевлённый огромный дуб или волшебный конь, прекрасный и свободный, созданный для простора и труда. Не то в Москве – там он сразу превращается в узника, зверя в клетке, укрощённого, но всё равно внушающего почтительный страх. И дело даже не в недюжинной физической силе или в том, что он глухонемой. Герасим – другой природы, не такой, как дворня, описанная Тургеневым не просто иронично, а и с издёвкой. Барыня – зло, но не меньшее зло и её «двор», потерявший обличие человеческое. Даже симпатия Герасима, Татьяна, напоминает забитого зверька, которому «что воля, что неволя – всё одно». Большая часть рассказа посвящена не богатырю-Герасиму, и не барыне, день которой, «нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер её был чернее ночи», а именно им – дворовым людям. Если у Бога нет других рук, кроме человеческих, то те же слова в равной степени относятся и к дьяволу. Все эти Гаврилы, Степаны, Харитоны, Любви Любимовны – люди, чьи души исковеркал страх и развратила городская жизнь (вспомним того же пьяницу Капитона). Чтобы избежать насилия над собой, они становятся исполнителями недоброй воли, сперва служа своей госпоже за страх, а не за совесть, а потом, увы, становясь её подобиюми.

Герасим чужд этому паноптикуму, как зверь-одиночка, существующий по законам собственной природы. Это «естественный человек», который вынужденно живёт в «цивилизованном» социуме, так и не став его частью. Будь он слабее, его бы затравили и сломали, но недюжинная физическая сила и бесхитростная, но крепко и правильно сбитая натура позволяют ему оставаться самим собой, охраняя душу его.

В мире «Муму» нет Бога. В городской каморке Герасима нет даже иконы с лампадкой, да и в описаниях барского дома образа не упоминаются (зато есть утренние гадания). Нет и не может быть Бога там, где его место занял человек, считающий себя вправе распоряжаться судьбами других людей и тварей божьих. Нет благодати в московском доме выживающей из ума старухи, присвоившей себе нечеловеческое право казнить и миловать. И всё же «Муму» – это повествование о любви в её высшем истинном проявлении.

Короткий рассказ словно составлен из двух историй. Первая – о любви к женщине, слабой и безответной настолько, что из всех чувств, которые может

испытывать человек, у неё остался только страх. О любви, не нужной никому, кроме Герасима. Вторая началась там, где закончилась первая, – у Крымского брода, где Герасим, провожавший замужнюю Татьяну в деревню, подобрал слабого некрасивого щенка, барахтающегося в воде. В обоих случаях простая сильная натура Герасима выбирает беззащитное создание, которому нужна помощь, но собачка испанской породы оказалась отзывчивей бедной забитой прачки. Тургенев показывает нам чувство, которое стало смыслом жизни его, как и положено истинной любви, и которое именно из-за идеальности своей было обречено. В «Поэме горы» Цветаева дала точное определение: «Боги мстят своим подобиям». А в мире московского дома с покосившимся балконом был один бог. Но бог ли это был на самом деле?

У каждого читателя неизбежно возникает вопрос: почему Герасим убивает Муму? Он же в финале всё равно уходит из Москвы в родную деревню, почему бы ему не забрать собачку с собой? Зачем Тургенев так мучительно замедляет время, так детально описывает последний их совместный путь, доводя даже взрослого читателя до невидимых слёз и спазмов в горле? Кстати, художественное время в рассказе ведёт себя очень прихотливо, оно то бесконечно тянется, то пускается вскачь, то вовсе образует лакуны – дважды повторяется «так прошёл год». Автор проводит своего героя дорогой потерь – сначала родного дома, потом предполагаемой невесты (не напрасно же Герасим приготовил для неё подарок – платок), потом – единственного друга. Муму он терял дважды – после того, как её украли и продали, судьба, казалось бы, сжалилась над ним, вернув любимое существо. Во второй раз фатум вернулся с толпой людей, вооруженных палками, которые осадили конурку дворника, как берлогу дикого зверя, требуя отдать на расправу любимое им существо.

«И сказал Господь сатане: вот, всё, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей». Жизнь Герасима чем-то напоминает участь Иова, разве что стад у него не водилось, да и детей не было. Но, как и у библейского персонажа, у Герасима злая воля отбирает всё, что было ему дорого на этом свете. Отдать Муму на потеху и муку жалким людишкам «в немецких кафтанах», вырядившихся так по велению недоброго божества этого дома? Недаром Герасим показывает, как в народе говорят, «на себе» знак удушения, потому что убить Муму – значит убить себя. Он не может просто сбежать – его с барыней связывает долг, и он его блюдёт, в отличие от остальной трусливой и нечистой на руку челяди. Герасим надевает праздничную одежду, как на собственные похороны, и отправляется в последний путь. Он разделяет последнюю трапезу с Муму в трактире и умирает вместе с ней в залитой водой лодке посередине реки.

Привязанность – от слова «привязать». Она соединяет нас с миром и по сути своей антагонистична абсолютной свободе. Она наполняет нашу жизнь смыслом, пусть и призрачным по меркам вечности, и теплом, пусть недолгим, но оттого дорогим. Разрывая привязанность, мы обретаем свободу, страшную свободу *sans peur*. Оттого и уходит Герасим, не оглядываясь и не таясь, – теперь ему ничего не страшно, теперь он никому ничем не обязан, ибо испил чашу потерь своих до дна.

Путь Герасима из Москвы в родную деревню Тургенев описывает нездешними красками: он «чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу – ветер с родины – ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед со-

бой белеющую дорогу – дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчётные звезды, светившие его пути, и как лев выступал сильно и бодро». Будто лермонтовский кремнистый путь отразился в этих словах, описывающих обретение человеком новой жизни, в которой уже не будет земной любви, которая теперь всецело принадлежит миру и Богу. Недаром первое его действие по возвращении в родную избу – молитва перед образами. И какой же ничтожной в сравнении с этим новым бытием Герасима кажется московская суeta предпоследнего абзаца. Маленький рукотворный адоk распадается, как домик из гадальных карт барыни.

Кольцо сюжета замыкается, «и возвратится персть в землю, якоже бе, и дух возвратится к Богу, иже даде его»... И вдруг, как маленький чёрт из табакерки, на оглушённого всем происшедшим читателя выскакивает почти гоголевская концовка: «Впрочем, – толкуют мужики, – его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака – на что ему собака? к нему на двор вора óселом не затащить!». Словно невольный виновник тургеневского заключения улыбается печально и автору, и всем нам из последних строк знакомой всем с детства истории.

P.S. Во французской литературе, столь любимой и ценимой Тургеневым, есть персонаж, которого можно счесть литературным братом Герасима – это Квазимодо. Они и вправду схожи, эти немой и глухой, – верные, сильные, чуждые окружающим, грозные внешне и способные на искреннюю привязанность. Удивительно – даже гибель Эсмеральды на виселице страшно перекликается со смертью Муму. Но насколько разнятся концовки двух произведений! Квазимодо, потерявший возлюбленную и убивший бога (Клод Фролло был для него не просто спасителем и воспитателем, но и божеством, за которое и страдание претерпеть и даже погибнуть – счастье), оказывается в абсолютном духовном одиночестве, ибо одна его привязанность погубила другую, и умирает физически. Ему некуда идти и незачем больше жить – вокруг пустота, а не воля, он не ведает своих корней и даже крестильного имени у него нет (или мы его не знаем). Участь Герасима иная – московская барыня была для него просто хозяйкой, которая имела власть над его жизнью, но не над душой. Пройдя через горнило потерь, он возвращается в родные края, в дом с намоленными иконами, к знакомым с детства трудам, важный и сильный, как имя его.

Ирина РЕМИЗОВА родилась и живёт в Кишинёве. Закончила филологический факультет Молдавского государственного университета, где работала преподавателем русской литературы. Печаталась в литературной периодике разных стран. В свет вышло несколько книг стихов: «Серебряное зеркало» (2000), «Прикосновения» (2003), «Неловкий ангел» (2010), «Вёрсты дождевные» (2017), а также электронное издание «Про...» (2021).

Casa mare

ГОСТЬ НОМЕРА

СЕРГЕЙ БЕЛКИН

УРСОАЯ

В студенческие годы я подрабатывал шабашником. Шабашниками называли бригады строительных рабочих, нанимавшиеся на время. Опытные люди за два-три месяца на строительстве какого-нибудь коровника зарабатывали суммы, равные годовому окладу инженера НИИ.

Собирали такие группы бригадиры со связями и авторитетом, позволявшим договариваться с колхозом и добиваться хорошей цены. Новичку, не имевшему ни опыта, ни строительной специальности, прибиться к такой бригаде было не просто, брали знакомых или по рекомендации. Мне повезло: коллега моего брата-архитектора Иван Бе-й со своими друзьями собирали бригаду, и им нужен был разнорабочий: молодой, работающий, физически крепкий и такой, про которого можно сказать «нормальный пацан». По всем критериям я подошёл.

Объект, на котором предстояло работать, был для тех лет совершенно необычным: церковь. Сейчас это звучит вполне заурядно, церкви и деньгами располагают, и строительные работы ведут повсеместно. А в те времена – начало семидесятых – это было неожиданно: церкви больше закрывали, чем ремонтировали. Наш случай был нетипичным.

Бригадиром был Николай Артов, скульптор. Скульпторы в те социалистические времена жили частично при капитализме. Они сами искали заказы, договаривались о цене, а законность этой предпринимательской деятельности обеспечивалась статусом членства в Союзе художников и применением расценок Худфонда. Работы для скульпторов было много, но всем не хватало. Мэтры получали заказы на памятники вождям и героям, существовал рынок надгробий, производились парковые и декоративные скульптуры, кормушкой было и изготовление гербов СССР и союзных республик для фасадов госучреждений: их отливали из гипса, так что периодически надо было делать новые, поскольку старые разрушались. Коля жил в небольшом провинциальном городке, преподавал в местной художественной школе. Высоких связей и покровителей у него не было, так что приходилось самому поддерживать отношения с колхозами и совхозами, с районными управлениями культуры. Характер у него был общительный, внешность обаятельная, и всё это подкреплялось многими умениями и готовностью браться за любые работы. Это и принесло необычный заказ на церковь.

Необычный не потому, что церковь была недействующей, таких было много, – а потому, что она вот уже лет 10–12 стояла закрытой в центре большого старинного села и никак не использовалась: ни под склад, ни под кинозал. Нетипичны-

ми были и обстоятельства, при которых её закрыли, – об этом расскажу потом. Сперва – о церкви и селе.

Село Урсоая существует давно. Первое упоминание относится к 1767 году, когда эти земли входили в состав Османской империи. Урсул по-молдавски – медведь, урсоайка или урсоая – медведица. Говорят, что так называли ложбину между двумя холмами, урочище, в котором расположилось поселение, названное Урсоая. Вероятно, когда-то здесь были леса, в которых водились медведи. Во времена более близкие – лет сто-двести тому назад – ни лесов, ни медведей здесь уже не было. Если этот текст попадет на глаза человеку, который никогда не слышал, как звучит молдавская речь, он слово «Урсоая» вслух произнесет неправильно. Вероятнее всего, он произнесет что-то вроде «у́рсо-а́я», разбивая на отдельные звуки «а» и «о», в то время как это дифтонг – то есть сдвоенный, но самостоятельный звук, лишь записываемый двумя буквенными знаками. Произносить его надо как нечто цельное, лишь похожее на «оа», – что достигается соответствующим движением губ и стремлением к звукоподражанию: «Урсоа́я». Но, чтобы звукоподражать, надо это хоть раз услышать в первоизданном исполнении.

В село мы приехали бригадой: Коля – скульптор, Иван – архитектор, Виктор Ве-ко, их друг и коллега – художник, и я – студент физического факультета университета, разнорабочий.

Храм оказался довольно большим, с высокой шатровой колокольной. Мы были среди первых, вошедших в него спустя долгие годы. Зрелище невероятное: в церкви всё было так, как и в последний день службы. Иконостас, престол, на-престольное Евангелие и крест, дискос и потир, дьяконские свечи и просто свечи, киоты с иконами, паникадило и кадильницы, лампы, купель, ризы и рясы, коврики и воздухи... Всего не перечислить и не назвать: это сейчас я кое-что знаю о церковном обиходе, а тогда и понятия не имел, что для чего и как называется. Друзья мои тоже мало что об этом знали, но отнеслись мы ко всему уважительно, хоть и без религиозного трепета. Нам предстояло всё это просто сложить куда-нибудь, чтобы освободить доступ к стенам и потолкам. И ещё одно запомнилось: таких толстых, плотных, можно сказать – жирных – слоев пыли я больше никогда и нигде не встречал.

Снаружи предстояло отремонтировать облупившуюся штукатурку, починить и окрасить кровлю, очистить и покрасить окна, решётки, двери... Стены внутри храма были расписаны орнаментами, нам же предстояло всё это закрасить – побелить. На сельском сходе было решено организовать в храме музей села, которому, как считали заказчики, никакие росписи нужны не были, церковный интерьер – тоже, и лишь кое-что из утвари могло стать экспонатами. А пока всё было отдано нам на попечение. Никакой описи имущества, разумеется, не было, всё под честное слово. Мыслей о том, что это всё может представлять ценность, у администрации, похоже, не было. У нас понимание ценности было, и на иконы – коих в храме было много, не один десяток – мы смотрели взглядом людей, имеющих представление об их возможной художественной ценности. И мысли о присвоении чего-нибудь тоже были. Скажем, Витя, глядя на парчовые и золотошвейные ризы, епитрахили и омофоры, сказал, что обязательно что-нибудь возьмёт с собой, чтобы использовать как учебный, постановочный материал на за-

нятиях по живописи. Меня привлекали лампадки цветного стекла и подвески, а также старые книги, сваленные в углу подсобки. Коля и Ваня своих пристрастий не проявляли. Коля сказал только, что потир – чашу для причастия, выглядевшую позолоченной, – администрация уже решила оставить в экспозиции музея. И добавил, что зариться на что-либо преждевременно.

Спальные места мы организовали на хорах: уложили на пол матрацы. Во дворе к столбу прикрепили рукомойник, воду брали из колодца общего пользования на улице, уборная имелась неподалеку – во дворе соседнего с нами Дома культуры, из дворового громкоговорителя которого целыми днями доносилась «Косил Ясь конюшину» и другие песни новомодной группы «Песняры».

Предстоящая работа не казалась сложной. Объем большой, но это всего лишь штукатурно-малярные работы, дело рутинное. Оказалось, однако, что нас ожидали не только трудности, но и немалые риски.

Орнаменты на стенах не поддавались закраске: нанесенные масляной краской на штукатурку ещё до революции, они всё проступали и проступали, как их ни красили. Больше всех хлопот доставило «Всевидящее око» – в ромбике с лучами: сколько раз ни прокрывали – «смотрит»! «Придётся мыловарить», – сказал Коля. Приготовили грунтовку: известь, хозяйственное мыло и олифу варили, потом этим густым раствором покрывали стены. Работа довольно тяжёлая, потому что стены и потолки высокие, а на сооружении лесов мы экономили – приподнимались на переносных козлах и работали кистями, насаженными на длинные палки. Коля называл их «щитниками» – больше я с таким названием не встречался. Работать «на щитниках» тяжело, нужны большие усилия и выносливость, особенно если грунт густой, а если ещё и стена шероховатая, то каждое движение требует усилий. К концу каждого дня мы валились с ног и мгновенно засыпали. Превратить стены и потолки в «просто белые» удалось, как и всё остальное, что планировалось сделать. Особую сноровку Коля продемонстрировал, когда дело дошло до плинтусов. Старые деревянные плинтуса сохранились лишь кое-где, а раздобыть новые было нереально. Коля замесил цементно-песчаную смесь и с удивительной скоростью и мастерством профессионального скульптора, сформировав из пальцев род шаблона, «вытянул» подобие плинтусов во всех недостающих местах, в точности повторяя их исторически заданный профиль. Делал он это вдохновенно, приговаривая: «Они нас ещё спрашивать будут – где вы такие плинтуса достали. А мы им что, Витя, скажем?» Витя промолчал. «А мы им скажем – в Худфонде, где же ещё. Ну и по худфондовским расценкам, ясное дело...» Когда в самом конце плинтуса окрасили половой краской, всё выглядело «как новое»!

Коля вообще был настоящий лидер. Невысокий, жилистый, он брал на себя всё, что требовало ответственности и мастерства. А также риска и бесстрашия. Понадобились эти его качества, когда пришла пора окрашивать шатёр колокольни и – самое сложное – поправлять и красить покосившийся крест. Забраться туда без лесов казалось делом невозможным. Высота колокольни до основания креста – около 28 метров, и конструкцией шатровой части никакие подходы к вершине предусмотрены не были.

Мы не знали, сколько лет постройке, но на глаз, – лет сто, хотя история церкви, как оказалось, более долгая. При Османах в селе была мечеть. В результа-

те очередной русской-турецкой войны военно-политическое управление Бессарабией началось с 1806 года, – за шесть лет до официального присоединения к России. Мусульманское население эти земли покинуло, а христианское в 1808 году обратилось к митрополиту Гавриилу (Бэнулеску-Бодони). «Так как в селе Урсоае Бендерского уезда ощущается нужда в постройке церкви и так как в селе существует турецкая джемия, то я дерзнул представить Вашему Преосвященству, дабы, в виду очень больших затруднений, испытываемых народом из-за неимения церкви, или было дано благословение Вашего Преосвященства освятить сию джемию, – тем более, что люди обязались устроить на свой счет всё потребное внутри церкви, или же, в виду того, что уже свезено немного срубьев на постройку церкви, было бы дано благословение на построение новой, – Вашему же Преосвященству останется поминание», – писал священник Марко Поповский. Согласие было получено, и в дело вступил административный орган, каковым являлся Диван Молдавии и Валахии в Яссах, созданный ещё турками, но председательствовал в нём в это время уже сенатор С. С. Кушников из Петербурга. Им и было дано было распоряжение о заложении церкви во именование Покрова Пресвятой Богородицы на месте «помянутого мечета». Церковь была деревянной, но впоследствии на её месте построили каменную, в которой нам и довелось поработать. Всего этого никто из нас тогда не знал. Мы даже не знали, что церковь называется Покровской, а если бы и знали, то никакого смысла для нас эти слова не несли: что ещё за «покров Богородицы» – непонятно...

Лет сто в этом храме шли богослужения, крестили и отпевали. Купель, доставшаяся нам на время, использовалась как просто ёмкость для воды, но мы осознавали, что в ней крестили всех жителей села и всех их предков, и относились к этому уважительно. То, что церковь всё ещё имела какое-то сакральное значение, мы ощутили, когда нам довелось пережить вместе со всеми односельчанами трагедию: гибель молодого парня. Он был студентом и приехал домой на каникулы. В тот злополучный день он отправился купаться и загорать на небольшой пруд, использовавшийся больше для хозяйственных нужд. Прыгнул с берега в мутную от глины воду, ударился головой о камень, оказавшийся на дне, и умер. Хоронили всем селом, гроб везли на телеге по центральной улице. Громко рыдали плакальщицы, до меня донеслись слова, в которых покойный сравнивался с цветком – «ка флоаре», и слова о его матери, которой теперь незачем жить – «н'аре нимик де трэит» ... Процессия остановилась возле церкви, в которой уже давно никого не отпевали. Постояли, поплакали, наверное – помолились. Ваня Бе-й – человек общительный и говоривший по-молдавски, подошел и к покойнику, и к его родителям, сказал то, что положено говорить. Если учесть, что Ваня был «слегка горбат», любое общение с ним несло в себе что-то особенное, то, что как-то связывает нас с миром «другого», пространством иной жизни. Встреча покойника с горбуном – знак хороший, благодатный.

Наши отношения с жителями села и до этого были неплохими, а теперь стали хорошими. Внешними сношениями заведовал Ваня. Денег у нас было в обрез, тем более что приходилось многое из материалов и инструментов закупать на свои средства. Но оказалось, что кроме денег есть и другой способ оплаты: свечи. В церкви хранилось множество связок тоненьких восковых свечей. Мы сами бы

не додумались, но одна из крестьянок, видимо, зная об этих свечах, предложила сделку: мы ей – свечи, она нам – продукты. Вином же нас обеспечивали бесплатно: трехлитровый чайник был всегда полон. Действовали старинные «правила»: те, кто работает «на церкви» – неважно, закрытая она или действующая – пользуются отголосками традиций, по которым крестьяне снабжали и попа, и причт, и рабочих. Ваня договорился с одинокой бабушкой Анной, жившей в доме напротив церкви: она нам готовила обеды. Помню, как, раздобыв где-то мясо, он «заказал» ей сделать котлеты. Бабушка заказ приняла, но через некоторое время подошла к церкви и спросила первого ей попавшегося – меня – нет ли у нас яиц: «Чел пущин оу», – хотя бы одно. Без этого котлеты сделать невозможно, а своих яиц у неё нет. Я сказал об этом Ване, и он проблему решил: раздобыл всё, что нужно. Бабка Анна была женщиной тихой, скромной, давно овдовевшей. За пределы села Урсоая она никогда не выходила. В смысле – никогда в жизни! В это мне было трудно поверить, просто представить невозможно, что она даже в райцентре – до которого 5–7 километров и который виден с крыши церкви – никогда не была. Лишь однажды в молодости с мужем доехала до его окраины, но с телеги не сошла. А вот покойный муж – другое дело. Он даже в Кишинёве бывал не раз, ходил на заработки: строил там стадион! Рассказала она и о том, как и почему закрыли церковь. Эту удивительную историю потом подтвердили не только другие жители, но и люди из администрации.

Последний служивший здесь батюшка часто и крепко выпивал. Это приводило не только к недоразумениям во время богослужений и совершения таинств – однажды, например, он так «подогрел» воду в купели, то чуть не опустил в кипяток младенца, – но и к конфликтам с прихожанами. Кончилось всё это дракой: и попа били, и поп в долгу не оставался. Потом прихожане обратились «по инстанции» с жалобой и просьбой прислать другого батюшку. Просьба была удовлетворена частично: этого отозвали, а нового попа так и не прислали: в те времена уже был большой дефицит священнослужителей. Так церковь оказалась закрытой на долгие годы. Пока не пришли мы – шабашники.

Откуда взялось это слово – шабашники – мы тогда не знали. Теперь я об этом знаю: это от еврейского «шаббат» – суббота, когда иудеям работать запрещено. Но если что-то надо всё-таки сделать, следует попросить об этом нееврея. Такой «нееврей» и назывался «шаббатником» или «шабашником». В советское время все эти религиозные подтексты забылись, а вот работа во время отпуска получила своё обозначение. Забегая вперед, скажу ещё об одном слове и понятии, происходящем от «шаббата», поскольку оно мне понадобится при описании свойств характера нашего бригадира: бесшабашность. Вы и без меня знаете, что бесшабашными называют людей смелых до отчаянности, но сперва таковыми называли тех, кто не соблюдает шаббат, но должен был бы. Среди нас не было ни евреев, ни иудеев, а «бесшабашный» Коля – был.

День за днём мы, стало быть, бесшабашно шабашили и каждый день поднимали глаза на кресты, размышляя о том, как к ним подобраться, не возводя строительные леса. Альпинистами-скалолазами мы не были, не было у нас ни навыков, ни соответствующей оснастки. Надо было придумать какой-то способ вскарабкаться на самый верх, и всё, что надо, починить и покрасить. Особо слож-

ным представлялся путь к кресту на колокольне: крутые грани шатровой части выглядели труднодоступными, а то, чем шатёр был увенчан, – луковица с крестом – и вовсе неприступными. На узкой вершине восьмигранного шатра имелось продолжение: ещё одна пирамидка, расширяющаяся кверху, то есть имеющая «отрицательный уклон». На её верхней части – луковица, увенчанная шаром, на котором находился крест. Всё это на высоте 28 метров.

Решение было предложено опытным Колей. В проектировании и изготовлении я принимал участие как ассистент, обладавший, по его мнению, «инженерной жилкой». Поступили мы так. Сперва сделали и закрепили опоясывающие конус проволочные кольца из толстой 5-миллиметровой проволоки. Потом к ним примотали самодельную лестницу, по которой можно было добраться до верхней пирамидки. Одновременно это устройство позволяло зачистить оцинкованные поверхности и окрасить их. Это делал я. Но вот взобраться на пирамидку и луковицу Коля мне не позволил, это он делал сам. Мы смогли соорудить нечто вроде страховки: проволочную петлю накинули на луковицу и к ней привязали верёвку, которой Коля опоясался. Если бы он сорвался, думаю, это вряд ли ему помогло, но зато придавало не то чтобы уверенности, но бесстрашия, вернее – той самой бесшабашности. Ну и вина из чайника, который у нас всегда был под рукой, он тоже попил. И полез, хватаясь руками за рёбра восьмигранной луковицы. Он забрался наверх, а я стоял на лесенке – подавать краску и кисть, ну и вообще – на подхвате. Крест удалось выправить: он покосился за долгие года своего стояния. В его подгнившее деревянное основание вбили новые деревяшки, затем всё зачистили и покрасили. Ровно стоящий и свежеекрашенный крест менял весь облик храма: покосившийся крест – тлен и упадок, гордо устремленный в небо – жизнь!

И жизнь пошла дальше.

К 1 сентября не успели, но меня отпустили пораньше. Уже без меня работу завершили, объект сдали и деньги получили. Мою долю выплатили, как договаривались. Я смог купить себе дорогие штиблеты – индийские, на кожаной подошве – за 32 рубля! И пиджак – за 45 рублей. Немножко отложил на книги, кино и прочие развлечения, остальное – около сотни – отдал матери. Мы тогда, после

смерти отца, жили с ней вдвоём на её пенсию – 60 рублей, и мою стипендию – 35. На еду нам этого хватало, а вот на что-то сверх того – только за счёт дополнительных заработков. Но жизнь протекала радостно и счастливо!

...Нет уже на этом свете ни Коли, ни Вани, ни Вити, ни моего брата. Остался я один, отделённый во времени – на полвека, в пространстве – на полторы тысячи километров. Но в мире памяти нет ни секунд, ни метров, в нем всё «здесь и сейчас», всё существует в плотном таинстве радости и горя, смеха и слёз, зависти и гордости, страха и стыда, любви и сострадания – всех тех эмоций и чувств, которыми заполнялась жизнь. И я перебираю эти драгоценности, люблюсь ими, плачу над ними и рассказываю о них.

20–21 ноября 2023 г.

ИЗ ЖИЗНИ ПЕРНАТЫХ

Холмы, окружавшие озеро, густо заросли, хотя лет сто тому назад они выглядели лысоватыми. Но пришли люди и насадили деревьев и кустарников. Да и само озеро, вернее, пруд они тоже сделали своими руками: запрудили ручей, и постепенно низина между холмами заполнилась водой. Деревья выросли самые разные: сосна и пихта, клён и липа, тополь и берёза, бук и акация, дуб и граб, ясень и орех... Завелись и птицы: от воробьёв и синичек до сорок, дятлов, ворон и многих других, чьи имена мы не всегда можем вспомнить. Корма, который давал лес, птицам, в основном, хватало. Но и город, окружавший озеро и парк, тоже служил неплохим дополнением. Птицы залетали туда и всегда что-нибудь съедобное находили во дворах и на улицах.

Осенью можно было лакомиться ядрами ореха прямо тут, в лесопарке. Умудрённая долгим жизненным опытом ворона Фира отработала свою методику. Взяв в клюв упавший с дерева орех, она взлетала на фонарный столб, присаживалась на самый конец кронштейна с лампой, вытянувшийся над асфальтированной дорогой, разжимала клюв и отпускала орех. Орех, ударившись об асфальт, раскалывался. Но иногда попадались и крепкие орешки. Тогда Фира повторяла манипуляции. После этого выклёвывать сердцевину из расколовшихся скорлупок было истинным наслаждением.

Фира знала, что этот метод она изобрела сама, причем очень давно, когда тут только соорудили Зелёный театр и проложили к нему заасфальтированную дорогу. Потом, разумеется, этот приём переняли и другие вороны. В том числе и Рита, которая как раз подлетала, чтобы поболтать за завтраком.

В ранние утренние часы здесь было тихо, безлюдно и бессобачно. Можно спокойно ковыряться посреди дороги, не опасаясь, что какой-нибудь полоумный пёс, отпущенный хозяином-идиотом «просто побегать», остервенело кинется на мирно клюющих свой корм птичек.

– Бон аппети, – сказала Рита.

– Мерси, мон ами, – ответила Фира и ударила клювом в дно скорлупки, выколачивая застрявшую половинку ядра.

Половинка раскололась, кусочки разлетелись в стороны. Внезапно, как из ниоткуда, налетел воробей, схватил крошку орешка и унёсся со скоростью света.

– Вот же сволочи! – заворчала Фира. – Поналетели тут... И ведь нет чтобы кормиться там, у своих. Вон сколько помоек – сиди там и жируй вместе с голубями. Так нет же, надо непременно украсть чужое.

– И не говорите, матушка Фира, – согласилась Рита. – Я не расистка, но они, несомненно, существа недоразвитые. Я даже подозреваю, что они нам и не родственники.

– И сомнений нет! Какие там родственники, только глянь на них! Тьфу. Плюнуть и растереть.

– И синички тоже недалеко от них ушли.

– Это точно. Кроме цветных перышек, – ничего примечательного. Я тебе больше скажу: никому доверять нельзя. Тем более чужакам.

– Согласна. Я и не доверяю, но откуда брать информацию? – Рита вопросительно приподняла крылья. – Ну, например, эти, которые туда-сюда мотаются, много всякого знают, бывают в разных странах. Доверять им, положим, нельзя, но послушать бывает интересно.

– Ну да... Тем более таких голосистых как скворцы, таких красивых, как аисты, таких шустрых, как ласточки и стрижи. Слушать можно, но имей в виду: у них всех всегда есть свой интерес. Тут поклевали, там поклевали... А нам здесь жить.

– Да, вы правы. Нам надо иметь в виду себя.

– Разумеется, – Фира поковыляла в сторону садовой скамейки. – Я вот тут, на одном месте живу уже сто с лишним лет и никуда лететь дальше соседнего села и леса, откуда родом мои родители, не собираюсь. Помню времена, когда тут ни нашего лесопарка, ни этого озера не было. А мы, вороны, были.

– Я, конечно, не так давно живу, но знаю, что всё это сделали люди, а не птицы.

– Эх, – Рита, Рита, Рио-Рита... Ты ещё не понимаешь роли разнообразия флоры и фауны, экологического равновесия и гармонии. Люди создают мир наполовину мёртвый. Оживить вторую половину без нас они не могут. Если бы не мы, они сгинули бы в своих каменно-бетонных джунглях. Да хоть бы и в деревянных – тоже сгинули.

– Я слышала – филин Моня говорил, что люди ещё только развиваются, что они ещё не достигли той стадии, на которой находимся мы. Они ещё эволюируют. Так Моня сказал.

– Эво-лю-цио-ни-ру-ют, а не эволюируют, – Фира заскочила на скамью и оттуда, как с учительской кафедры, продолжила. – Ты бы почаще летала на пришкольный участок и слушала, что там из окон доносится. Я вот раньше летала в ту школу, что наверху. Она сейчас полностью разрушена: пришло новое поколение людей, которое они сами оценивают в выражениях нелицеприятных и даже непристойных. А прежде я там любила бывать. Особенно мне нравилось слушать уроки разных языков.

– Да, я помню, – Рита взлетела до спинки скамьи и там уселась. – Я тоже там бывала, но мне больше нравилась музыка. Поэтому я часами сидела под окнами соседнего здания.

– Консерватории, что ли?

– Ну да.

– Это дело хорошее, приятное. Но языки знать полезно, – Фира закрыла глаза, запрокинула голову и задумчиво, нараспев произнесла: «Е тоамнэ. Пэсэриле кэлэтоаре ау плекат...»

– С одной стороны, вы правы, матушка Фира, языки понимать неплохо. Но я же помню, – что они тут устраивали как раз из-за своих языков. И зачем им столько разных? Нам вот одного вполне хватает. А у них же ещё и письменность имеется. Не вижу в ней толка...

– Я тоже сомневаюсь в пользе письменности. Вроде бы вещь полезная, но... Понимаю, что так они передают знания другим поколениям. Но, во-первых, настоящие нужные знания можно передавать и иначе – как мы, например. Во-вторых, столько всякого мусора тащится в этих книгах из поколения в поколение! Причем мусора, который становится причиной не просто споров, а войн! Мы, вороны, никогда не затевали войн. Даже с воришками-воробьями или надменными грачами не воевали. А люди убивают друг друга непрерывно. И мне кажется, что всегда из-за чего-то, что записано в их книгах.

– Мало того: они готовы убивать друг друга не только из-за того, что там написано, но из-за того – какими буквами.

– Да, филин Моня прав: недоразвитые существа.

Вороны дружно перелетели на крышу насосной станции, выглядевшей как небольшой аккуратный домик. Отсюда открывался вид на водную гладь озера, на высокий противоположный берег, за гребнем которого лежал, сокрытый от глаз, большой и древний город.

– Хочу слетать к беседке, – сказала Рита. – Обещали, что там сегодня дрозды и зяблики будут что-то интересное рассказывать.

– Перед отлётом, что ли?

– Ну да. Они, вроде бы, из последних, кто улетает в теплые края.

– Не понимаю, – проворчала Фира. – После прилёта – понятно: можно что-то интересное рассказать об этих пресловутых тёплых странах. А перед отлётом можно только родину грязью поливать... Слетай, Рита, слетай. Может, тебе и это надо. Расскажешь потом.

– Давайте вместе! Без вас я там половины не пойму. Да и вообще... Вы так давно из этого уголка парка не отлучались. Так и летать разучитесь.

– Ну, не преувеличивай. Я, конечно, ворона старая, но не настолько. У нас в роду живут и по 200 лет. Но предложение твоё не лишено привлекательности. Не потому, что мне интересен трёп зяблика, а потому что с крыши беседки открывается очень уж торжественный вид: каскад, фонтаны. И – главное: там восходящие потоки, и спланировать оттуда вниз, пронестись над лестницей и на скорости выйти на глиссаду, почти коснувшись воды – это шик! Это кайф! Полетели!

* * *

На площадке вблизи беседки голубоватые «по жизни» голуби образовали плотный живой ковер из своих шевелящихся тел. Бестолково кружась, они топтались, толкались и как заведённые клевали пшено, рассыпанное сердобольными бабушками. Умные и боязливые горлицы тоже украдкой подклёвывали, не вступая в борьбу ни с кем. Наглые воробьи клевали сколько и где хотели. Они не то что прямо из-под носа выхватывали, они и из самого голубиноного клюва могли выхватить зёрнышко или корку хлеба.

Зяблики и дрозды в этом кормлении участия не принимали. Словно на трибуне, они восседали на кромке огромной гранитной вазы в центре клумбы или сидели на ветвях деревьев, окружавших верхнюю площадку Каскадной лестницы.

Бабушкины корма вскоре закончились, но голуби продолжали свои бестолковые вальсы, пока их не спугнули мальчишки на скейтах. Птицы вспорхнули и расселись кто где. Стало ясно, что собрание можно начинать.

Дрозд Игорь перелетел на крышу беседки и, глядя вглубь кроны соседнего дерева, сказал:

– Прошу вас, уважаемый Спиридон, принять на себя бразды правления нашим собранием.

Седой дятел, для порядка громко пристукнув клювом по стволу, сказал:

– Ну, что ж... Не возражаю. Слово предоставляется зяблику Саше. Приготовиться дроздихе Тамаре.

Маленький зяблик Саша с коричневой грудкой и серо-синей шапочкой вынырнул из куста и пристроился рядом с дроздом Игорем.

– С чего начать? – спросил он.

– Куда летите и когда? – из глубины кроны прощелкал дятел.

– Ну, мы ещё, вообще-то, не решили. В прошлом году в Болгарию отлетали, так с трудом там зиму выдержали. Ни погоды, ни корма настоящего. Ветры дуют, и вообще как-то неуютно. Говорят, что сейчас тут у нас зимы стали тёплыми, да и кормом всегда разжиться можно.

– То есть решили дома зимовать? – уточнил дрозд Игорь.

– Супруга моя подбивает податься в Грецию или Турцию.

– Так вы летите или нет?

– Ещё не решили.

– Ясно, – включился дятел, – сказать вам пока нечего. Будем ждать следующего сезона. Вернётесь – расскажете. Кто следующий?

Дроздиха Тамара вспорхнула на место улетевшего зяблика.

– Я скажу без обиняков, – громко и красиво запела Тамара, – жизнь стала невыносимой! Ни ягод на кустах, ни личинок под корой. Ранние заморозки в октябре, поздняя весна... Короче: лететь надо!

– И куда же вы направитесь?

– Прошлую зиму мы провели в Египте.

– А в этом году?

– Попробуем долететь до озера Виктория.

– Зачем так далеко?

– Говорят, что там по линии ЮНЕСКО выделены большие гранты на поддержку зимующих птиц. Почему не воспользоваться?

– Разумно, – подытожил седой дятел и выдал громкую сухую дробь. – Кто ещё хочет выступить?

– Я! – подала голос перламутровая горлица с изящным черным воротничком.

– Ваше имя?

– Это неважно. Допустим, Галя.

– Говорите, уважаемая Галя.

– Мы, вообще-то, тоже перелётные, но уже несколько лет проводим зиму дома. Нам тут достаточно тепло, и кормов хватает.

– Ну, если питаться по помойкам, – съехидничала Тамара.

– Горлицы по помойкам не питаются. Мы – не голуби.

– Не надо ссориться! – повысил голос дятел. – Все мы птицы и должны уважать друг друга. Тот, кто питается на помойке, заслуживает уважения не меньше тех, кто добывает корм в лесу. Более того, он заслуживает и благодарности, поскольку не отнимает пищу у других. Продолжайте, Галя.

– Так вот. Мы научились выживать, оставаясь здесь на зиму. Но я не могу не сказать, обращаясь к уважаемому собранию, что никаких перспектив роста и развития для будущих поколений горлиц мы не видим. С этим надо что-то делать, иначе вскоре здесь вообще никого не останется.

– Поясните свою мысль, пожалуйста. О каком развитии вы говорите?

– Есть два фактора. Первый – качество еды. Просто не голодать – этого мало. Организм должен получать определённый набор веществ, без которых утрачиваются не только лётные характеристики, но и когнитивные возможности. За десять поколений птиц, недополучавших необходимые микроэлементы, мы уже обрели откровенно тупую и малограмотную популяцию, руководствующуюся самыми примитивными инстинктами.

Раздался общий гомон, слышались выкрики: «Верно говорит! Это всех касается! У нас то же самое: дебилы косяками пошли!»

– И ещё об одном хочу сказать. Среда обитания для нас всех – не только климат и природа. Это ещё и город. Причем не только как источник пищи и укрытий, но и как пространство духовное. Здесь тоже наблюдается деградация. Я люблю наш город, но то, что мне рассказывают про такие европейские города, как Вена, Рим или Париж, заставляет думать о перелётах. Хотя бы на зиму. Вот так.

– Патриотка, нечего сказать, – защебетали воробьи.

– А вас никто не спрашивал! – гаркнул на них дрозд Игорь.

Гомон усилился, но тут неизвестно откуда прямо на ободок гранитной вазы приземлилась сверкающая ярким оперением птица, которую тут раньше многие не видели.

– Кто это? – спросила Рита.

– Да ракша это. Думбрэвянка, – пробормотала Фира. – Знаю я её. Чего это она сюда прилетела?

– Меня зовут Инесса, – представилась ракша. – Можно просто Инна. Я живу тут неподалёку, в пригородном лесу рядом со старым прудом. Вот что хочу сказать... Не знаю, правда, с чего начать.

– Да уж начните как-нибудь, мы постараемся понять, – подбодрил её дрозд Игорь.

– Я хочу сказать, что мы сами себе мешаем жить. Нет, не так надо сказать... Короче, у нас в головах много ненужного, путаница всякая. То ли мы сами, то ли нам кто-то подбрасывает ложные идеи, нацеливает на неверные цели, погружает в навязанные проблемы, делая их смыслом жизни.

– А яснее нельзя? – чирикнула, промелькивая, синичка Светочка.

– Попробую. Я хочу сказать, что нет такой проблемы: лететь или не лететь. Есть принадлежность к виду: перелётным лететь надо, зимующим – лететь не надо. И всё. И нечего мудрить. Не надо мечтать о жизни перелётных, если ты голубь или воробей. А уткам с аистами не надо грезить об оседлой жизни на одном месте. Надо просто жить дружно, встречаться и рассказывать друг другу о том, что

видели и знают. Одни – о зимовке дома, другие – о тёплых странах. И тем и другим будет интересно. И не надо завидовать. Перелётным не следует уговаривать всех лететь, поливая грязью наш климат и тех, кто зимует. А зимующие не должны поносить перелётных, обзывая их предателями. Мы можем жить в гармонии.

Все как-то притихли... Стало слышно громкое воркование голубиногo джигита, который, пригибая голову и шею к асфальту, кружил вокруг самочки, пытаясь склонить её к близости: еда уже кончилась, а чё ещё делать?

– Не ожидала от Думбрэвянки, – сказала Фира. – Считала дурой деревенской. Надо будет Моне рассказать и его порасспрашивать. Ну да ладно, хватит на сегодня. Я, пожалуй, пойду пикировать. Ты остаёшься?

– Да, я ещё хочу послушать. Говорят, соловей будет выступать.

– Ну, оставайся. Думаю, что соловьи уже улетели, но мало ли что теперь бывает. А я полетела.

Ворона Фира перелетела на кромку купола беседки, на ту её сторону, которая обращена к озеру. Повертела головой и спрыгнула, расправив крылья. Сперва она рухнула прямо к кромке воды в верхнем бассейне каскада, но, взмахнув крыльями, вырулила, поднялась и вскоре поймала восходящий поток тёплого воздуха, нагретого солнцем.

Безграничное счастье охватило её! И гордость! И торжество от ощущения единства с вечной природой и осознания своего – самого лучшего места в ней!

26–27.11.24

Сергей БЕЛКИН родился в 1950 году в Ярославле, с 1958 по 1992 год жил и работал в Кишинёве. Окончил физический факультет Госуниверситета, кандидат физико-математических наук. С 1992 года живёт в Москве. Член союза писателей России. Автор 15 книг, написанных в разных жанрах: нон-фикшн, художественная, документально-историческая и мемуарная проза. Как публицист опубликовал свыше 160 статей на социально-философские темы.

«БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ...»

МАРИНА СЫЧЁВА

БЫЛА ВОЙНА

Война шумела и текла кроваво
по тихим улочкам молдавских городов.
И расширялись погребальные канавы —
тела навалом хоронили, без гробов.
И возводились ограждения-загоны
для тех людей, кто с жёлтой звездой.
Сооружались санитарные кордоны.
И воронье кружило над землёй.
Злосчастье хороводило безглазо
над оккупированной Рыбницей моей:
и голод, и тифозная зараза,
и гетто — средоточие смертей.
Богатым урожай был у костлявой
в те страшные военные года.
Но враг бежал.
...Огонь победной славы,
казалось, не померкнет никогда.

НОСКИ ДЛЯ МУЖА

«Что такое война, мы сами долго не понимали... Настроение ведь какое было? Шапками врага закидаем. Нас, восемнадцатилетних, и не призвали сразу. А через месяц немцы уже по родному селу проехали. Началась оккупация. Румыны в нашем селе вели себя как хозяева. Порядки у них были господские, мы уже после царя от них успели отвыкнуть. Любили «новые хозяева» плёткой помахать: свет увидели ночью — бьют, попался им на глаза в тёмное время суток — получай...»

Фёдор Митрофанович Парфентьев, житель села Воронково

У морозного окна сидит старушка,
тусклый свет сочится сквозь стекло,
на столе свеча в гончарной кружке.
Снегом всю округу замело.

Не видать ни сада, ни дороги.
Кто пойдёт в такую-то пургу?
Фронт давно грохочет на востоке.
Вяжет бабка чуни старику.
Дед ушёл давно, в начале лета.
Он идейный. Говорил, нельзя
от войны бежать по белу свету,
коли биться выпала стезя.
Говорил как есть и собирался,
складывал в нехитрый вещмешок
хлеб, рубаху да немного сальца,
да в кисете старом табачок.
Тёплые носки ему тихонько
подала, но был ответ: «Оставь».
Мол, за месяц немца, как курёнка,
победим и выгоним стремглав.
К осени вернёмся непременно!
...Скоро год, как жрёт мужей война.
Год, как пред румынами согбенно
содрогается и ждёт его жена.

Чёрной плётки жгучие удары
пляшут год по бабкиным рукам —
за огонь в ночи, за третью пару
вязаных носочков мужикам.

ДОРОГА В ГЕТТО

Улица пыльная, полупустая
течёт вдоль берега, прячется в ивах.
Мучительно ноги передвигая,
люди идут. Не слышно взрывов,
не видно танков, и даже немцы
город оставили новым правителям.
Теперь румыны, его владельцы,
гонят по улице еврейских жителей.
Вот старый Фима, его колени
давно больны и распухли в дороге.
...А Сара молчит с того воскресенья,
как Мойшу оставила на пороге
лежать недвижимо и бездыханно,
рот окровавленный прикрывая.

...Эстер зачем-то на дно чемодана
сложила старые ключи от сарая
и вырезки газетные со стихами,
и ноты. А скрипку забрал конвойный.
Идут, и путь обозначен телами
умерших. Убитых. Теперь спокойна
шумная Ребекка. Её глазами
смотрит земля на идущих в гетто.
Жёлтыми звездами и крестами
сквозит дорога, лишённая света.

БЕГЛЕЦ

Морозовские жили в селе Мокра Рыбницкого района, работали учителями в местной школе. Среди учеников был и еврейский мальчик Григорий Фарбер, который жил вместе с родителями в еврейском колхозе «Дер Штерн» (Гериуновка). В сентябре 1941-го регион был включен в зону Транснистрия. В декабре Гриша Фарбер появился на пороге дома Морозовских и попросил укрытия. На чердаке он прожил около двух месяцев. Когда пришлось получать удостоверение личности, Фарбер назвался Морозовским, его дети и внуки теперь тоже носят эту фамилию.

В 1996 году Яд Вашем, израильский государственный национальный мемориал Холокоста и Героизма, удостоил Виталия и Александру Морозовских звания Праведник народов мира.

Зимний день клонился на закат, темнота укутывала Мокру.
Ветер отрывал сырой плакат от забора. Частоколов рёбра
холодно топорщились во тьму, собирался снег укрыть дорогу,
и в белёсом ледяном дыму исчезали крыши понемногу.
Вдоль ограды тихо прошмыгнул мальчик – лет двенадцати, наверно.
Он кудряв, губаст, слегка сутул. Он еврей. А при фашистах скверно
всем сынам Израиля пришлось – убивали их, весь род уничтожая.
Мальчик постучался на авось в хату, что в селе ютилась с краю.

Вышли на крылечко муж с женой – из мокрянской школы педагоги.
У мальчишки вид совсем больной: «Схороните!» Вытирая щёки,
всхлипывая, Гриша попросил помощи, учительской защиты.
Улыбнулся из последних сил и добавил: «Мать с отцом избиты.

Я через поляну в лес бежал, а вослед стреляли полицаи».
От испуга плакал и дрожал. Мир туманный был непроницаем.
Спрятали парнишку на чердак, путь его запорошило снегом.
Беглеца не обнаружил враг, приходя к Морозовским набегом.
Безвозвратно годы утекли.
Но спасителей фамилия осталась
и окрепла в Гришиной крови –
поколение каждое назвалось
так же. У Морозовских теперь
правнуки – Григория потомки.
...Не запёкся мир в горниле дней
той войны – он вырос на обломках.

В ГЕТТО

(Основано на реальных событиях в Рыбницком гетто. О семье Хувин Анны и румынском офицере Рэдукану Петру)

Их было двое. Дочери у Анны
так хороши, что глаз не отвести.
В застенках, прячась от солдат охраны,
они умели сажи наскрести
и вымазать лицо, одежду, руки –
под слоем копоти скрывали красоту
и надевали платья из дерюги.
Изображая хворь и хромоту,
казались незаметными полгода.
Но пробил роковой последний час,
и на шершавой ткани небосвода
двух ярких звёзд чистейший свет погас.
С утра по гетто разлетелись слухи:
«Румыны празднуют, куражатся и бьют
не разбираясь – дряхлые старухи,
девицы, юноши... Для всех находят кнут,
как и причину наказать евреев».
Нельзя, мол, неумытыми ходить.
Чтоб viață* в гетто стала веселее,
немедлительно приказано помыть
и лица, и дома, и тротуары,
и Антонеску монумент святой**.
...Заметив девочек – Юдит и Сару –
румын-охранник потерял покой.
Они прекрасны – мраморные лица,
огромные и чёрные глаза,
и каждая, как пойманная птица,
стремится улететь и убежать.
Он взял семью седой еврейки Анны
и изнасиловал обеих дочерей.
Поиздевавшись с каждой, бездыханных
их бросил в Днестр. И с трупами детей
тонула мать в кипучих синих водах,
захлёбываясь, падала на дно.
Но сердце в траурных водоворотах
стучало, словно заговорено...

*viață (рум.) – жизнь

** в центре Рыбницкого гетто был установлен монумент Антонеску, который строился силами узников гетто из надгробных плит старого еврейского кладбища.

Сумела Анна выжить и поведать
о том, как потеряла дочерей.
Рассказ её потом, после Победы,
стал обвинением нацистов-палачей.

ДЕТСКИЕ АКЦИИ В ГЕТТО

Горит свеча. Пульсирует и бьётся
неровный свет скорбящего огня.
Апрельское обугленное солнце
напоминает миру про тебя –
дитя, рождённое в еврейском гетто.
Мать плакала, и в горле бился страх.
Комочек жизни из любви и света
сгорел в фашистских газовых печах,
не увидав божественного мира
и ласки материнской не познав,
не ведая – за что? Одним порывом –
рождение и смерть. Был путь кровав
твой – безымянный, ангельский и чистый.
Шестиконечной жёлтой звездой
пылала ночь, и месяц серебристый
едва склонился скорбно над тобой,
а пастью ненасытной крематорий
всё жрал и жрал испуганных людей.
...Ты не успел узнать иных историй.
Рождение. Боль. Огонь печи. Еврей.

Марина СЫЧЁВА родилась 28 июля 1966 года в посёлке Чаны (Новосибирская область). В 1989 году, по окончании Новосибирского инженерно-строительного института, как молодой специалист была направлена на строительство резинового цементного завода. С 1989 года живёт в городе Рыбница (Молдова, Приднестровье).

Поэт, прозаик. Член Союза писателей Приднестровья, член Ассоциации русских писателей Республики Молдова, руководитель рыбницкого отделения Союза писателей Приднестровья, руководитель творческого объединения «Литературный Родник», в рамках деятельности которого инициировала издание литературного журнала «Открытые кавычки» (выходит ежеквартально с 2018 года).

Автор книг «Рифмованные мысли» (2004), «Письма из города осень» (2006), «Берега» (2018), «Не бойся, девочка...» (2024).

Публиковалась в периодических литературных изданиях Приднестровья («Литературное Приднестровье», «Днестр», «Антология Литературы Приднестровья»), Молдовы («Русское поле», «Русское слово»), Украины («Южное Сияние»), России («Современник», «Огни над Бией», «Сверстнику», «Вторник» и т. д.), Бельгии («Эмигрантская лира»), США («Чайка», «Кстати»).

СЕРГЕЙ СУЛИН

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ, «СЛАВНОЕ МОРЕ» И ШЕСТЬ ЧАСОВЫХ ПОЯСОВ

(дорожные наброски к будущему роману)

«Радостный строй гитар, яростный стройотряд...»

1974-2024

Исполнилось 50 лет с начала строительства легендарной Байкало-Амурской магистрали. В 1974 году я ещё ходил в школу. О стройке века слышал на полиинформации в школе и в телевизионной программе «Время». По радио звучали репортажи и песни, посвящённые людям, строившим эту дорогу. Конечно, хотелось оказаться в тех местах, попробовать свои силы, но я и представить не мог, что моя мечта когда-нибудь осуществится.

И вот, во время учебы на архитектурной кафедре Кишиневского политехнического института, мне посчастливилось дважды побывать на БАМе в составе студенческого строительного отряда «Лазовец». В 1981 году в поселке Звёздный (СМП-266) я рисовал портреты передовиков для галереи дома культуры «Таёжник», а в следующем году на станции «Алонка» («МолдавстройБАМ») трудился и как оформитель, и как разнорабочий.

До места будущей работы из Москвы мы добирались самолётом. Летели на высоте 10 тысяч метров. Внизу лежала земля Ханты-Мансийская, покрытая кружевом озёр, в которых отражалось ослепительное солнце. В вышине небо было тёмно-синим, а линия горизонта казалась выпуклой. Под крылом угадывались очертания Енисея, который на пределе видимости множеством рукавов впадал в Северный Ледовитый океан. Здесь я осознал масштаб великого Советского Союза, где гигантская Сибирь являлась лишь частью колоссальной России.

Я был потрясён красотами тайги и по возможности рисовал, стараясь запечатлеть характерные черты стройки века и окружающие её фантастические пейзажи, фотографировал, вёл дневник, записывал рассказы старожилов. Теперь я с гордостью могу сказать, что причастен, пусть и самую малость, к одному из самых грандиозных проектов Союза.

В девяностом году я махнул на БАМ ещё раз – на этюды к другу, художнику из Усть-Илимска Ивану Малащенко. Мы проехали по Магистрале до Витима, увлечённо рисовали. На моих картинах того времени есть и Ангара, и Даванский перевал, и «священный Байкал», и Баргузинские горы, и речка Слюдянка.

А через много лет, в 2014 году, в московском издательстве «Художественная литература» у меня вышел почти автобиографический роман «S Золотой рыбы», где несколько глав посвящены моему пребыванию на БАМе, его удивительным, мужественным и светлым людям – строителям Магистрали.

К полувековому юбилею Всесоюзной стройки я организовал в Кишинёве несколько экспозиций моей Сибириады, часть работ с которых, по просьбе инициативной группы составителей, в качестве иллюстраций попала в сборник стихов о БАМе «Жизнь начинается с дороги...» (Москва, 2024), изданный Общероссийской общественной организацией «Бамовское содружество». Впоследствии я был включён в состав пассажиров специального Юбилейного поезда, следующего в Тынду – столицу БАМа. Конечно, вновь совершить такое путешествие, познакомиться с настоящими героями, увидеть спустя столько лет знакомые с юности места для меня было и почётно, и радостно одновременно.

«До отправления поезда осталось пять минут...»

Время (МСК), 1.07.2024

На Ярославском вокзале нас торжественно провожали с оркестром. От орденов и медалей собравшихся на перроне бамовцев рябило в глазах. Под рельефом «Комсомольцам – строителям БАМа» и мне была вручена юбилейная медаль «50 лет начала строительства Байкало-Амурской магистрали», переданы «Диплом Почётного пассажира» и специально разработанная к празднику, эксклюзивная форма одежды! Тут же Тамара Андреева – журналист, член Союза Писателей России, а также редактор-составитель сборника стихов – подарила мне авторские экземпляры книги, на страницах которой от имени бамовцев мне была выражена благодарность за художественное оформление и отмечено: «Живопись и графика Сергея Сулина – дар в честь 50-летия великой стройки».

«Старый мотив железных дорог...»

Маршрут Москва – Тында

Поезд оказался суперсовременным, комфортабельным, оснащённым душевыми кабинами, кондиционерами и информационными экранами. Ветеранов-железнодорожников и бамовцев ехало около трехсот человек. Проводниками в нашем пятом вагоне работали Артём и Полина, молодые ребята из Студенческого отряда проводников (СОП). Они были предусмотрительны, вежливы, аккуратны и оперативны. Весь «хозяйственный» организм состава действовал чётко, как часы!

«Словно степной пожар, песен костры горят...»

Киров, Пермь. Время (МСК+2), 2.07.2024

На вокзалах многочисленных больших и малых городов нас встречали хлебом и солью, спонтанно проходили митинги и самодеятельные концерты. На встречу с нами приходили и стар и млад. Зачастую на перроне сходились друзья, давно не видевшие друг друга. Наравне с государственными флагами России повсеместно развевались красные и звучали шлягеры семидесятых. Ощущение было такое, словно мы постепенно возвращаемся в прошлое. Мои попутчики на глазах молодели и пускались в пляс наравне с поколением внуков.

В перерывах между остановками, фотосессиями, селфи, видеорепортажами домой я знакомился со своими соседями. Расспрашивал о прошлой – бамовской – и нынешней жизни – и сам делился воспоминаниями.

Где-то в прессе прозвучало, что этот маршрут – один из красивейших в мире. И это правда! Всю дорогу я не отлипал от окон вагона, стараясь запечатлеть на фото и в памяти каждое мгновение нашего удивительного путешествия. Привёз домой более 14 тысяч фотографий, на которых тайга, восходы и закаты, облака и туманы, сопки, скалы, перевалы и хребты, тоннели и мосты, бесчисленные реки (полноводные и сухие), плотины, большие города и маленькие поселения, станции, разьезды и, конечно, места, связанные с юностью, такой теперь далёкой и одновременно близкой. Очень сожалею, что дорогой не имел возможности рисовать...

Мы все дальше и дальше от Москвы. До Тынды около 5000 километров. Будем там через семь суток. Почти каждый день у нас меняется часовой пояс – к московскому времени прибавляется ещё один час. Хорошо, что телефон это фиксирует и разом выдает столичное и местное время. Когда в 1990 году возвращался домой поездом и часы мои встали, я с трудом выяснил точное время – у всех пассажиров показывало по-разному.

«А нынче нам нужна одна победа»...

Екатеринбург. Время (МСК+2), 2.07.2024

У меня в телефоне есть программка, которая показывает моё местоположение в пространстве. Сегодня значок с моим фейсом завис на меридиане «Каменного пояса». Мы в Екатеринбурге – столице Урала. В противоположном углу экрана Кишинёв – столица Молдавии. Там остались дорогие мне люди – жена и дочери. Я делаю скриншот и отсылаю домой со словами приветствия!

Здесь интернет пока только в населённых пунктах, и это хорошо, иначе уткнулся бы в экран, отслеживая международное положение, и пропустил самое интересное.

После традиционного группового снимка на фоне вокзала прошёлся по перрону, вышел на площадь, поел мороженое. В отдалении прошла группа молодых солдат в новенькой форме, с баулами на плечах. За ними следовали гражданские – видимо, провожающие родственники. Я нахмурился – поездка в тепличных условиях расслабляет, забываешь, что творится на свете. Ветераны-бамовцы это помнят – собирают гуманитарку, закупают экипировку, санитарные машины и дроны, выступают с концертами для раненых, даже во время нашей поездки умудряются делать маскхалаты.

Интересное кино получается.

Омск. Время (МСК+3), 3.07.2024

Мой сосед Иван П. – мостостроитель, орденоносец, ныне бизнесмен средней руки из Прибалтики – интересный человек, душа компании, автор ряда документальных фильмов о Магистрале и бамовцах. Материал эксклюзивный – он сам его когда-то снимал. Фоном видеоряду служат стихи и песни местных поэтов. В купе мы вдвоём – так получилось. Целыми днями Иван «крутит кино» на своём ноутбуке. Посмотреть приходят со всего поезда. Во время «сеансов» ветераны перебрасываются репликами:

– Гляди, гляди, это я! Боже, какая хорошенькая!
– Первая свадьба в Звёздном. Регистрироваться в Усть-Кут ездили.
– Митинг на майские... Мамки с колясками...
– Мост через Лену... Вот и состав первый ползёт...
– Похороны... Бригада с просеки возвращалась. Остановили попутку, та перевернулась...
– Ребята из театра «Молодая гвардия» репетируют в клубе. Хватало же сил после работы!
– Дин Рид поёт... Молдаване с концертом приехали... Космонавт Леонов!
– Поезда столкнулись... Люди погибли...
– Иван, ты, что ли? Какой молодой... и бороду отпустил... Девки, небось, табунами бегали?

«Пусть повезёт нам в большом пути от равнодушия себя спасти!»

Новосибирск. Время (МСК +3), 3.07.2024

Одна из наших попутчиц не успела вернуться в вагон при отходе поезда, и тогда проводница Полина, не колеблясь, нажала на стоп-кран. Возможно, это и не подвиг, но, как говорится, что-то героическое в этом определённо есть.

Девчонке грозила капитальная взбучка от начальства, и несколько убеждённых сединами орденоносцев отправились в штабной вагон с петицией в её защиту. Я же, в знак уважения, подарил девушке «Дуэт в подземном переходе» – нашу с женой совместную книгу стихов и графики...

Настыках рельсов тихо стучат колеса. В полуоткрытую дверь доносятся разговоры и смех моих спутников. Время вечернего чаепития. Желающие собираются у кого-то в купе, не поместившиеся толпятся в проходе. Молодые старики попивают круто заваренный чай из гранёных стаканов в фирменных подстаканниках РЖД, вспоминают былое, торжественно вручают недовручённые медали, поют под аккордеон, иногда танцуют в коридоре. В общем, развлекаются как могут.

«БАМ – это колокол наших сердец молодых!...»

07.1981

Достаю из чемодана свой старый дневник, который прихватил в дорогу. На потрёпанной обложке изображены разноцветные кольца и символ московской Олимпиады – «ласковый мишка». Устраиваюсь на верхней полке, читаю:

От Усть-Кута до места работы добрались на автобусе. Звёздный – это первый рабочий поселок на западном участке Магистральной у слияния рек Нии и Таюры. На склоне сопки располагаются несколько десятков сборно-щитовых домов, клуб, магазин, больница, почта, баня, столовая, школа, библиотека, детсад и вертолётная площадка. Есть музей первопроходцев. Невдалеке ж/д станция – вокзал и небольшой поселок городского типа, построенные ребятами из Армении. А вокруг глухая тайга – сопки, реки, ползучие туманы и небо, то в сполохах закатов, то в разрядах молний. Словом, раздолье для художника...

Нас поселили в старом клубе «Таёжник» на самом берегу Нии. Рядом железная дорога – посуда дребезжит, когда проходят редкие составы. Условия самые спартанские – спим на нарах, умываемся в речке, кашу варим на костре. Экзотика!..

Июль – самый разгар лета – днём стоит жара, а ночью ощутимо холодно.

Ния – река мелкая, но быстрая, вода в ней тёплая, всё дно в валунах. Днём с ребятами купались. Ободрал колени, спина вся в ссадинах...

Народа в поселке сейчас мало. Остались в основном женщины и дети. Стройка здесь идёт к завершению. Работяги нужны на других участках Магистральной...

Много иностранной техники – например, немецких самосвалов фирмы «Magirus» и японских колёсных кранов «КАТО» ...

Были в конторе. Начальство поставило перед нами задачу облагородить внешний вид Звёздного. Приближается сдача этого участка БАМа, а у рабочего посёлка слишком будничный вид. Ребята возьмутся за наглядную агитацию, девчонки будут разрисовывать весёлыми картинками детский сад. Помимо портретов я займусь проектом реставрации памятника первопроходцам (стела и вездеход на постаменте) при въезде в посёлок...

Под мастерскую мне выделили комнату на втором этаже нового клуба. Вид отсюда – потрясающий. Сегодня с утра писал портрет столяра Волкова, на левой руке у него не хватает трёх пальцев – два потерял еще на Великой Отечественной, один уже здесь, на стройке. После обеда делал эскизы памятника, потом ходил по адресам, искал кого-нибудь из списка для вечернего сеанса. Оказалось, что у всех внезапно образовались срочные дела. Плюнул и занялся этюдами – благо что летом здесь темнеет поздно.

Провёл очередную ночь за мольбертом. Поскольку работяги ходят позировать неохотно, и время к тому же поджигает, пришлось выкручиваться – писать портреты с фотографий, которые на доске Почёта перед конторой.

Под утро помыл кисти и отправился спать. На улице занимался рассвет, было безветренно и пустынно, над рекою стелился туман. На станции просигналил локомотив. По дороге вернул очередное фото на место, потом зашёл в пекарню и купил у девчат ещё горячий, душистый хлеб. Жуя на ходу, вышел на берег Нии.

Через реку переброшен подвесной мост, сооруженный ещё в 1974-м. Он скрипит и раскачивается в такт шагам. Настил из старых досок, и кажется, что он вот-вот рухнет. На другом берегу стоят биваком рабочие из Молдавии. Говорят, к ним медведица с медвежонком на кухню приходят, и они её кукурузными лепёшками подкармливают...

На самом берегу реки растут высокие ели. Весной грунт подмыло и некоторые наклонились к воде. В наплывающем сизом тумане они кажутся былинными богатырями в островерхих шлемах, остановившимися здесь после боя, чтобы напиться».

«Наше время на циферблатах!...»

СССР – 1981

Я отложил дневник. На улице темно. За окном видна только большая кунджиевская луна, которую то и дело заслоняют мелькающие кроны деревьев. События того далёкого года постепенно всплывают в моей памяти: полёт советского космического корабля Союз-Т, гибель Валерия Харламова, премьера рок-

оперы «Юнона и Авось», Чемпионат Мира по хоккею (наши победили!), выпуск первого в СССР прототипа персонального компьютера... А ещё – полное солнечное затмение, которое я наблюдал 31 июля в Звёздном, стоя на ступенях клуба.

Это было то время, когда мы свято верили в светлое будущее, в необходимость космических полётов и дружбу народов во всём мире, а поражение хоккейной сборной переживали, словно проигранную битву. Тогда, с юношеским восторгом глядя на захватывающий таёжный пейзаж с розовыми сопками, освещёнными первыми лучами восходящего солнца, с синими туманами, блуждающими по излучинам рек, и бескрайними просторами моей страны, простирающимися на все четыре стороны, я записал в свой блокнот:

«За деревьями промелькнул мчащийся по Магистрالي поезд. Он направляется туда, где будут возведены новые города, укрощены бурные реки и напоены пустыни. Дух захватывает, когда думаешь, сколько работы ещё предстоит. К счастью, всё это выпадет на долю моего поколения».

Может, сейчас это звучит и пафосно, но в ту пору я чувствовал себя, словно космонавт перед полётом. Вот-вот должна была прозвучать команда: «Ключ на старт!» – и начаться беспрецедентное путешествие к сияющим высотам. Но случилось так, что я вместе со всей страной отправился совсем в ином направлении – туда, где безмозглый попугай старого пирата не устаёт повторять: «Пиастры, пиастры, пиастры!..» История сделала мёртвую петлю, и мы вновь оказались в пещерах, за стенами которых слышен рык обнаглевших от вседозволенности хищников.

«Окрыленная молодость наша повторилась в судьбе сыновей!»

Время (МСК +5), 5.07.2024

Не сбавляя хода, мы проскочили Звёздный. Я только и успел что снять минутный «ролик» – и теперь пересматриваю его в который раз. На экране мелькают фермы железнодорожного моста через Таюру. За ними – новый мост автодублера БАМа. Как во сне пронеслась сопка Любви. Ни одного здания, только заросшие высокой травой и иван-чаем бывшие улицы рабочего поселка, да на постаменте тот самый вездеход стоит памятником самому себе. Вот и всё! Нет больше моего Звёздного, нет легенды, которая грела мне душу все эти годы!

А могли ведь устроить здесь музей под открытым небом, туристы бы со всего света валом валили. В домах бы гостиницы открыли пятизвездочные, в «диоге-новских бочках» – хостелы, а в клубе «Таёжник» спектакли по Вампилову ставили и фестиваль авторской песни проводили. И на сопке Любви тоже бы нашли, что делать, чай не маленькие!

Я бы пошёл работать гидом. Рассказывал молодёжи о делегатах XVII съезда комсомола, о простых советских людях, построивших тысячекилометровую Магистраль, новые города и посёлки, о знаменитостях, которые сюда приезжали. А потом бы ребят обязательно повел в баньку – в нашу настоящую, русскую, и на зимовье – в Нии купаться голышом да через костер прыгать (ну и что, что холодно, мы же в своё время не простудились!).

Далее предложил бы для самых дерзких (вытягиваю руку и провозглашаю, слегка грассируя): «Товаици, кто хочет незабываемые впечатления, за мной!» – и веду экскурсантов из светлого дня в темноту ночи.

По узким стальным ступеням, подсвечивая фонариками, мы поднимаемся на самую верхотуру железнодорожного моста через Таюру. По дороге я повествую про первопроходцев, проложивших лютой зимой 1974 года зимник от деревни Половинка, что рядом с Усть-Кутом, до этого самого места.

Затем осуществляю свой замысел, в который входят: встреча скорого поезда (металлическое чудовище, ослепляя мощными прожекторами, проносится под нами), созерцание рассвета над тайгой (переливы красок просто обалденные), прыжок с тарзанкой (десять секунд свободного падения – и патриотическое воспитание обеспечено).

Будь моя воля, я бы сюда школьников на каникулы привозил и реконструкцию тех героических событий пятидесятилетней давности организовывал. Согласитесь, это покруче, чем Диснейленд!

Эх, не умеют ещё наши использовать свои достижения в воспитательных целях. Только бы всё снести до основания, ничего святого!.. Впрочем, станция, почти полвека назад облицованная розовым туфом из Армянской Социалистической республики, стоит, и имя дорогого моему сердцу Звёздного увековечено.

Ночной променад. Северобайкальск

Время (МСК + 5), 6.07.2024

Среди ночи поезд останавливается. Народ с шумом покидает вагон. Решаю размять мышцы и тоже выбираюсь на перрон. «Северобайкальск» – сияет на здании вокзала. Вот, значит, где мы, а я едва не проспал столь замечательное событие. Примечаю в конце перрона кого-то из наших и двигаю следом. По пешеходному мостику перебираюсь на другую сторону путей и попадаю на освещённую фонарями аллею. Впереди маячат знакомые силуэты, большинство – с полотенцем на плече. Теперь понятно, куда они направляются, пристраиваюсь в хвост процессии. Проходим через арку, на которой начертано «Заповедник», за ней смотровая площадка, а дальше – непроглядная тьма.

Так, почти через тридцать пять лет, я вновь оказался на Байкале. По крутой лестнице все спускаются на берег Озера. У самой воды, рядом с баркасами, кто-то уже разжёг костер. Самые отчаянные устраивают заплыв. Пробую ногой воду и с деланым сожалением сообщаю окружающим, что забыл плавки, ядрёный перец!

Силы фотовспышки на моем телефоне явно не хватит запечатлеть Байкальский хребет и Баргузинские горы, однако вполне достаточно сделать селфи себя любимого по щиколотку в холоднющей воде «славного моря». Ничего, на обратном пути совершу омовение...

Время нашего пути пролетело невероятно быстро и радостно! А в столице Байкало-Амурской магистрали – Тынде, конечном пункте следования, нас уже ждали праздничные торжества.

«Веселей, ребята, выпало нам строить путь железный, а короче – БАМ»

Тында. 8.00 (МСК + 6), 7.07.2024

В центре города на митинг собрались ветераны БАМа со всех сторон света – ведь после исчезновения СССР многих разбросало по земному шару!

Параллельно нашей «сходке» в Москве проходило торжественное собрание по случаю 50-летия с начала активного строительства Магистральной. Президент России поздравил присутствующих с Днём бамовца и объявил о планах дальнейшего развития Байкало-Амурской магистрали. И в Москве, и в Тынде слова гаранта конституции были восприняты с большим воодушевлением.

Затем под гром аплодисментов открыли памятник первостроителям. Мы с флагами и транспарантами прошли торжественным маршем по центру города, жители которого искренне приветствовали героев и рядовых великой стройки. А вечером состоялся грандиозный концерт, в котором участвовал и прославленный Хор Турецкого. Когда зазвучало попури из советских, таких родных, песен, люди на площади плакали – улыбаясь и подпевая! Завершил этот знаменательный день красочный салют...

«Вечная молодость рельсовых строк...»

9.07.2024

После окончания торжеств, переполненные впечатлениями, мы снова заняли места в нашем поезде и отправились «домой», в Москву! На обратном пути нам также хватало приключений.

Видели мы и медведя, из зарослей черники провожающего наш состав задумчивым взглядом, и горящую тайгу, когда сквозь дым едва просматривался Кодарский хребет, и лежащие на земле облака, словно светящиеся изнутри в лучахходящего солнца.

А застрять в глухой тайге за сотню километров до ближайшей станции вам не доводилось?

Благородное собрание

11.07.2024

Неожиданно свет замигал и погас. Состав сбросил скорость и вскоре остановился. Скорее удивлённые, чем встревоженные, пассажиры, подсвечивая себе телефонами, высыпали в коридор. Вглядываясь во тьму за окном, кто-то вспомнил Маршака: «Что за станция такая – Дибунь или Ямская?» – ему ответили сдержанными смешками.

По коридору пробежал луч фонаря – это наши проводники направились за разъяснением к начальству.

Я последовал за ними. Не каждому доведётся оказаться в таком форс-мажорном положении, и, конечно, мне как сочинителю хотелось быть в гуще событий.

Пропуская очередную группу ветеранов, ощупью идущих в ресторан (авария аварией, а ужин по расписанию), я отступаю в приоткрытую дверь какого-то купе.

– Ну, чего ждем? Наливай, рассказывай! – слышу у себя за спиной знакомый голос.

– Ничего не видно, – отвечает другой, тоже знакомый. – Посвети!

Я оборачиваюсь.

– Серега, ёжик хвост! – констатирует человек за столом.

– Не стой столбом, садись, – предлагает второй.

Это были герои моего романа «S Золотой рыбы» – Яков Егорыч и Ион Иванович.

Между мужчинами стояли початая бутылка беленькой и миска с малосольным омулем. Яков протянул твердую, как дерево, ладонь, а мош Ион, добродушно кивнув, поставил на стол ещё один стакан и разлил водку. Был он, в отличие от своего коренастого и лысого приятеля, высок, широкоплеч и волосат.

Оба мужика, сами себя в шутку именовавшие «первопроходимцами», всю свою нелёгкую жизнь добросовестно проработали на стройках социализма. Как и большинство действующих лиц романа, имели свои прототипы и очень этим гордились. Только вот реальный Яков Егорыч уехал с семьёй в Германию и там недавно умер, а вваправдашний Ион Иваныч никогда не был на БАМе.

Сам же роман уже много лет скромно пылился на полке нашей городской библиотеки и в сети на proza.ru. Его герои уже давно зажили своей собственной жизнью, и повода для общего собрания вроде бы не наблюдалось. Что же касаемо моего желания продолжить повествование, так это, извините, личное дело.

Включилось аварийное освещение. Егорыч отодвинул бутылку и выложил на столик любительские чёрно-белые фотографии, собранные им за долгие годы скитаний по стране. Вот он на своём верном бульдозере среди песчаных барханов роет котлован для будущего моря. Вот в кабине могучей машины, увязнувшей по самые гусеницы в болоте, прокладывает новое русло для северной реки. Вот прогревает двигатель среди бескрайних снегов Заполярья, где строится новый город.

– Я же с первого дня на трассе – ударился он в воспоминания. – Был среди тех, кто зимник до Таюры прокладывал, место для поселка выбирал. Вместо недели месяц пробивались через тайгу, шли по самому гребню сопки. Снег, мороз под 50, техника на обледеневшем склоне скользит. Всё время что-нибудь да ломается. Сами же и ремонтировали. За металл взяться невозможно – обжигает пальцы, болты и гайки приходилось прогревать на костре. Электричество было с перебоями, с подвозкой горючего швах, с питанием, – маялись животами, опять же шатун рядом бродил – не дай Бог столкнуться! Это потом во всех газетах писали про комсомольцев-добровольцев. Мол, прямо со съезда, посёлок Звёздный... А кто им лагерь разбил, сортиры тёплые поставил, сопку Любви показал? Помню, когда приказ получили просеку до реки проторить, у нас даже карты не было – местное начальство зажало. У них там, видишь ли, свой интерес был – с баней, водкой и бабами. Так мы сами управились, на ощупь тропку протоптали...

Мужики схлестнулись по поводу действительной даты начала строительства БАМа. Потом просто перебрасывались общими воспоминаниями.

– А помнишь, как зимой шли колонной через Таюру, по льду пошли трещины, и никто из ребят не сдрейфил?

– А как медведь парторга всю ночь в нужнике продержал?

– А тот пожар недалеко от посёлка, который наши ребята три дня тушили?

И хотя этот диалог я когда-то сам написал, основываясь на воспоминаниях старожилов, мне было кайфово рядом с бродягами. Я словно опять угодил в те славные времена, когда сочинял роман... или сам работал на БАМе.

В дверь купе постучали. На пороге стояла, радостно улыбаясь, Олсе собственной персоной – тонкая и звонкая «принцесса» из книги, из самого её пролога, прообраз которой – моя королева – ждёт меня дома за семь тысяч километров.

– Привет, мальчики! А я вам котлет наготовила.

– Остальные тоже здесь? – обречённо поинтересовался я.

– Само собой, – ухмыльнулся Иваныч. – Ной и В.И. помогают ремонтировать локомотив, а Жук в соседнем вагоне что-то дамам втирает за НЛО.

– А... эти? Не к ночи будут помянуты.

– Апишкульк и Кипишочек? – Егорыч кивнул на пустые верхние полки, там кто-то завозился.

Я вздохнул и достал свой «волшебный» карандаш. Все с подозрением уставились на меня. Благодаря самоуправству героев пришлось тут же вносить некоторые изменения в черновик моей рукописи, а я это ой как не люблю!

В купе ввалились Ной с гаечным ключом в руке и перемазанный сажей Валентин Иванович.

– Тяговый генератор сдох, – сообщил капитан.

– Электровоз подгонят и дальше двинем, – пообещал старый учитель рисования. «Появляется Жуков с фужером "Белого аиста"», – скорректировал я «сценарий».

В проходе возник Жук, допил свой любимый коньяк, крикнул и уставился на меня:

– «Во, барин, из Парижа приехал», кружка медная! – заорал он.

– Из Тынды, – поправил я.

Для полного комплекта пришлось вытащить из подпространства и недовольных ангелов. Свободного места в купе не осталось. Запахло курятником, полетели пух и перья. Я оглядел благородное собрание и устранил проблему.

Когда все расселись, я потребовал объяснить, что происходит?!

– Стало известно, что ты работаешь над продолжением нашего романа, – нахмурившись, сказал Егорыч.

– Это *мой* роман, – мягко заметил я. – Кто наябедничал-то?

Ангелы сосредоточенно занялись обследованием своего оперения.

– Неважно. Ты придумаешь всякую хрень и в кусты, а нам с ней жить, может, тысячу лет.

– Что же вы хотите?

– В тексте никаких личных драм, – заявил Ной.

– И общественно-политические катаклизмов, – буркнул Жук.

– И техногенных катастроф, – сказал Иваныч.

– И природных бедствий, – подумав, добавил В.И.

– А можно побольше любви и творчества? – потупившись, восхотела Олсе.

– Ещё у кого что есть? Давайте сразу, чтобы потом не возвращаться.

– Конечно, есть, – донеслось с верхней полки.

– Нельзя ли вернуть, как было до сотворения человека? – послышалось с другой.

– Можно, – вздохнув, сказал я и занёс пожелания крылатой общественности в записную книжку.

Тут же всё исчезло – и поезд, и непроглядная ночь, и водка с котлетами. Мы оказались парящими в розовой патоке. По пустынному пляжу розового океана ползали розовые трилобиты. Не обращая на нас внимания, они все активно занимались любовью и творчеством...

Под стук колес**12.07.2024**

Вы когда-нибудь обедали в вагоне-ресторане, проезжая через Северо-Муйский туннель, самый длинный в России? Вот тогда-то я и подумал, что у меня больше никогда не будет такой возможности – серьёзно представиться друзьям-бамовцам – и предложил моим необычным попутчикам «литературно» провести вечер.

На следующий день я представил ветеранам свой роман, рассказал о событиях жизни, которые послужили материалом для его создания, стали «живым» фоном для главных героев. Такими событиями были и работа на БАМе, и на ЧАЭС, и пережитые со всей страной разрушительные девяностые. Все это нашло своё отражение в моём творчестве – и изобразительном, и литературном. Под конец зачитал присутствующим главы романа, посвящённые труженикам магистрали. Накануне очень переживал, как отнесутся участники тех событий к моей прозе. К большой радости, она понравилась!

Особенно активно хлопали мне устроившиеся у стеночки на самой «камчатке» герои моего романа. Пожалуй, это была самая необычная творческая встреча в моей жизни – под стук колёс!

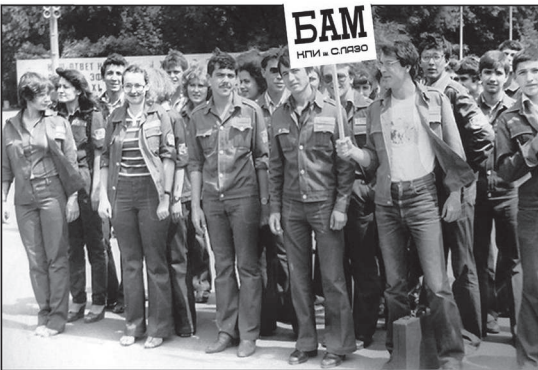
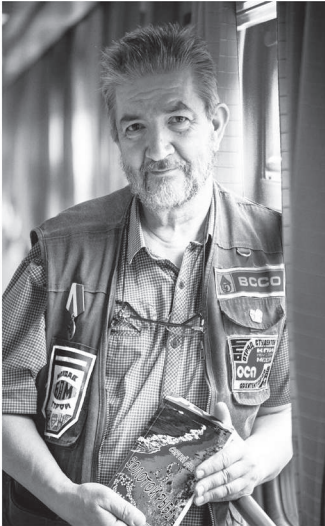
(Продолжение следует)

В тексте использованы строчки из песен ушедшей эпохи поэтов

Н. Добронравова, Р. Рождественского, Б. Окуджавы, В. Семернина.

1. Творческий вечер. Поезд «Москва – Тында». 07.2024
2. На Ярославском вокзале. 1.07.2024
3. Обложка сборника стихов «Жизнь начинается с дороги». Москва, 2024.
4. Сергей Сулин. В юбилейном поезде. 07.2024.
5. Роман Сергея Сулина «S Золотой рыбы». Изд. «Худ. Лит.», Москва, 2014.
6. ССО «Лазовец». Митинг перед отправкой на БАМ. Площадь Победы, Кишинев. 07.1981.
7. Тында. Марш ветеранов БАМа. 7.07.2024
8. Участники открытия выставки Сергея Сулина «Слышишь: время гудит – «БАМ»!». «Русский дом», Кишинев. 10.2024

1, 4, 7 – фото Григория Лободы, члена Союза журналистов СССР. 07.2024

Байкало-Амурская Магистраль (краткие сведения)

БАМ – железная дорога протяжённостью 4324 км, проходящая через Восточную Сибирь и Дальний Восток России. Одна из крупнейших железнодорожных магистралей мира.

Большая часть БАМа проложена в зоне вечной мерзлоты. Строительство проходило в сложных геологических и климатических условиях. Железная дорога пересекает одиннадцать полноводных рек, а всего более 3500 водотоков, через которые проложено 2230 больших и малых мостов. Проходит через 7 крупных горных хребтов, которые пронизывают десять тоннелей.

Магистраль короче Транссиба и расположена значительно севернее. На её строительстве за всё время работало два миллиона человек. Здесь отметились ударным трудом представители всех братских республик Советского Союза. Стройка стала воистину всенародной. Главная задача БАМа – помочь освоению природных богатств Сибири.

Проект обсуждался ещё в конце XIX века, однако топографическая разведка местности началась только в 1926 году. В 1932 году на строительство БАМа были брошены силы заключённых. С началом Великой Отечественной войны работы остановились. Основной этап строительства Магистрали пришёлся на 1974–1984 годы. На стройку была привлечена молодёжь (комсомол). Западный и центральный участки сооружали гражданские строители, восточный участок – железнодорожные войска. Магистраль проходит через более чем 200 железнодорожных станций и разъездов. При строительстве БАМа было основано 60 новых населённых пункта и 3 города: Северобайкальск, Тында и Февральск.

Железнодорожная Магистраль стала одним из самых дорогих инфраструктурных проектов в истории СССР.

Сергей СУЛИН – Мастер искусств Республики Молдова, член СХ Молдовы, Ассоциации русских писателей РМ, Союза Российских писателей.

Председатель Товарищества русских художников РМ «М-АРТ».

Бамовец, ликвидатор последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР

СЕРГЕЙ ПИЛИПЕЦКИЙ

О ПОСТАНОВКЕ «АЛЕКО» С. РАХМАНИНОВА НА СЦЕНЕ КИШИНЕВСКОЙ ОПЕРЫ

ЗАПИСКИ РЕЖИССЕРА

Дипломным моим спектаклем по завершении обучения по программе переквалификации «Режиссёр музыкального театра» в Российском государственном институте сценических искусств (Санкт-Петербург) стала опера «Алеко» Сергея Рахманинова.

На выбор произведения для постановки на сцене Национального театра оперы и балета имени Марии Биешу повлияло несколько факторов. С одной стороны – ряд важных юбилейных дат. В 2023 году в рамках вечера, посвящённого 150-летию С. Рахманинова, силами Оперной студии Академии музыки, театра и изобразительных искусств Молдовы, которой автору этих строк довелось руководить до недавнего времени, было организовано концертное исполнение фрагментов из «Алеко» под рояль. В 2024 году к 225-летней годовщине со дня рождения А. Пушкина решили показать уже разученный материал в театральной постановке. Кроме того, в этом же году исполнилось 200 лет поэме «Цыганы». С другой стороны – острая необходимость премьеры русской оперы для местной публики, истосковавшейся по таким произведениям из-за нынешнего негласного их запрета в Молдавии. Пользуясь тем, что сюжет оперы разворачивается в Бессарабии, перенеся его во временные рамки периода Королевской Румынии, а также определив главного персонажа Алеко как русского белоэмигранта и внедрив в постановку правдоподобную идею о молдавском влиянии на культуру и быт цыган, удалось убедить руководство театра о целесообразности постановки «полунациональной» оперы, написанной композитором – прямым потомком молдавского господаря Стефана Великого.

Оставив в стороне политические моменты, не менее важным оказалось желание поставить произведение о современном, одиноком и «падшем» человеке, который не справляется с обуревающими его страстями и разрушает тот лучший мир, в котором живёт.

Для спектакля «Алеко» площадка Национальной оперы была выбрана неслучайно. Это единственный музыкальный театр Молдовы, культурное заведение с большой сценой и мощной технической базой, позволяющей проводить мас-

штабные оперные проекты. За время существования театр уже выпускал «Алеко» в 1973 году, к 100-летию юбилею С. Рахманинова, ещё в старом здании меньших размеров, а также давал в 1990–2000-х гг. несколько представлений в концертном исполнении. Выпуск 2024 года является второй полноценной премьерой. Хотелось поставить «Алеко» именно в Молдове, где разворачиваются сюжетные события оперы, а местным артистам близка по духу её тематика.

В наше время, когда приоритеты расставлены не всегда в пользу начинающих специалистов, было непросто уговорить директора Н. Дохотару доверить нам постановку. Театр располагает только основной большой сценой, экспериментальных площадок не существует. Решение было найдено: малобюджетная одноактная опера будет ставиться в рамках соглашения с Академией музыки, театра и изобразительных искусств, поэтому вместе с солистами театра в ней будут участвовать стажёры – выпускники и студенты. В таком случае возможный неуспех можно списать на неопытность постановщиков и участников.

Режиссёрский замысел решён с помощью приема «ретро», когда действенный ряд разворачивается на основе главного (конечного) события. Романтический герой Алеко одиноко стоит у левого портала, отделённый от основной сцены мраком. Он вспоминает собственную жизнь в таборе, в который он входит затем на ре-мажорной теме Земфиры из оркестрового вступления (так проводится мысль о том, что она его туда приводит). Цыгане неподвижны в различных рабочих позах и подсвечены как серые тени умерших людей. Алеко их разглядывает с сожалением и грустью, в том числе и жену, которую зарезал. Оцепенение нарушают вбегающие дети, они окружают в погоне друг за другом главного героя. самого маленького Алеко хватает, поднимает вверх и кружится с ним, тем самым совершается переход в реальность прошлых событий. Табор оживает, заканчивая вечерние работы. Ощущая воздух цыганской свободы, Алеко в первые минуты сбрасывает сковывающий его пиджак.

Большой начальный хор, рассказ старика, танцы решаются как бытовые, персонализированные массовые сцены, в которые были введены второстепенные персонажи из статистов и хора. Здесь используется пушкинская мизансцена бедного ужина в семье старика. Стоит отметить, что, учитывая юбилейный год, в постановке процитированы эпизоды из «Цыган», что сближает её концепцию с атмосферой пушкинской поэмы. Всем известно, что Пушкин – лучший режиссёр!

Танцы с национальным колоритом трактуются как жанровые сценки с внутренним сюжетом и молдавско-цыганской символикой, реализованной хореографическими приемами: мягкие женские руки, распутившийся цветок, понукание кнутом коня, состязание парней в пляске и т. д. Главная идея – соединение молодых пар, включая Земфиру и Молодого цыгана.

В хоре «Огни погашены...» и в дуэтино сопрано и тенора реализован переход от бытовых сцен к ночной романтической фантастике, мистически разворачивающейся у порога древнего скифского кургана, которая пагубно воздействует на уставшее от ревности, больное от догадок и самолюбия сознание Алеко. Сцена у люльки решена как его кошмарный сон по аналогии с ночными видениями героя в поэме.

Каватина Алеко, как и последующие сцены, – продолжение бытовой трактовки, в ней была сделана попытка снижения концертного пафоса знаменитой арии через нестандартные для этого номера мизансцены: пение на коленях и лёжа.

В финале снова заимствованы несколько сцен из поэмы А. Пушкина: Алеко пинает ногой в плечо мёртвого цыгана, сбрасывает в пучину «спящего врага». Также показано временное сумасшествие Алеко через попытку узнавания Земфиры, которая уже мертва, в девушках из толпы (перекликается со сном героя пушкинской поэмы). Уместным показалось использование молдавского ковра, на котором традиционно изображены цветы на тёмном фоне, напоминающие местную чернозёмную степь весной. На него были положены трупы, что символизировало погребение безродных цыган в бессарабской земле.

В финале спектакля необходимо отрезвить героя, вернуть его в горькую действительность: вводится мизансцена, в которой мальчик приносит Алеко пиджак, обнимает и уходит, оставляя одного. Табор прощает его. Он, облачаясь, становится в исходную точку у портала, чем проводится арка всего спектакля. Символы одиночества присутствуют и в самом конце: редкий весенний снег на фоне удаляющихся цыган и обнажённых остовов палаток.

Была предпринята попытка создания современных характеров главных героев. Алеко (исполнители В. Мачунский, Г. Северин) – молодой двадцатипятилетний человек приятной внешности, беглый богатый аристократ по имени Александр (в таборе имя приобрело бессарабское звучание Алеко), в некоторой степени авантюрист, самовольно оказавшийся «женатым» на цыганке. Он оказался неспособным принять законы и нравы ромов, хотя поначалу наивно видел в них идеал. Эгоистичен, высокомерен, способен любить Земфиру только ревностно и страстно. Органично, с точки зрения быта, вписался в общество цыган, однако не смог принять их стихийного образа жизни. Открыт людям. Блондин, на нём модный пиджак довоенного времени, богато украшенный ремень и дорогие сапоги.

Молодой цыган (исполнители В. Новицкий, Р. Кёкю) – парень примерно шестнадцати лет, он свеж и статен. Несмотря на молодость, совсем не робок, не инфантилен. Хваткий, отменно обученный цыганским традиционным делам, участник вылазок. Сын Старой цыганки, воспитанный ею без отца. Земфира – его первая женщина. Одета в национальную молдавскую рубаху и жилетку, по одежде радикально не отличается от остальных молодых мужчин табора.

Старику-кузнецу (исполнители В. Згардан, М. Михаеску), отцу Земфиры, около сорока пяти лет. Мастерством, мудростью и добрым нравом он снискал уважение всех, включая богачей и барона. Искренне полюбил зятя, хотя знает его непростой нрав и предугадывает его поведение. Среднего достатка, живёт трудом. Однолюб, имеет единственную дочь от покинувшей его цыганки Мариулы. Исповедует христианство. Выглядит просто: рубаха из конопли и молдавская жилетка из овчины.

Земфира (исполнительницы К. Гончарова, А. Слободянюк) – классический образ цыганской молодой женщины, ей приблизительно двадцать лет. Она красива, свежа, с крутым нравом, унаследованным от матери, которую не помнит. Решительна в поступках, категорична. Привела в табор иноплеменника Алеко, став предметом его романтической губительной страсти. Тяготится давлением, которое оказывает на неё супруг. Воспылала страстью к юному цыгану. Испытывает к нему полуматеринские чувства, так как её брак бесплоден. Способна рачительно вести хозяйство. Одевается просто, со вкусом: в белую вышитую кофточку и чёрную юбку с цветочным принтом, волосы собраны, босая.

Старая цыганка (исполнительницы Т.Караман, Д.Лысенко), мать Молодого цыгана – второстепенный персонаж. Ей около тридцати пяти лет. Недовольна связью сына с Земфирой, предчувствует трагедию. Одинока. Ведунья и гадалка. Имеет влияние на молодежь и стариков, которые к ней прислушиваются, включая барона. Магический духовный лидер полуязыческих цыган. Хороша собой, в богатом одеянии.

Немая роль барона (исполнитель Ю.Стамати) была введена для придания ясности структуре внутренних социальных отношений табора. Предводитель цыганского общества с беспрекословным авторитетом. Полный, богатый человек,

имеющий несколько жен и много детей. Главарь мафиозной цыганской организации, способный решать любые дела и споры. Контролирует денежные потоки внутри табора и за его пределами. Блюстителю порядка внутри сообщества. Дорожит каждой жизнью. Способен веселиться, нежен с детьми.

С точки зрения технического воплощения выпуск «Алеко» оказался несложным. Важной задачей было заручиться поддержкой художника-постановщика Ю. Матей, который является одним из ведущих живописцев страны и специалистом в области сценографии. Были предложены самодельные макет и рисунки, простые в реализации, которые Ю. Матей одобрил. Ему удалось создать минималистичные, удобные для построения мизансцен декорации, передающие атмосферу молдавской «райской» природы в пору весеннего цветения, а также нейтральное реквизиторское оформление бытовых сцен.

В сценографическом плане параметры сцены молдавского театра выгодны для данной постановки благодаря наличию огромного, вытянутого по горизонтали планшета с двумя поднимающимися плунжерами, способными полностью этажировать до 3,5 метров заднюю половину сцены. Это помогло создать холмистый рельеф с курганом. Оказалось возможным органично расставить по точкам около 60 поющих артистов и 15 статистов по горизонтали и по вертикали.

В данной постановке свет мыслится как главный фактор в создании атмосферы. Действие спектакля происходит в течение полусуток, от заката до рассвета, поэтому предпочтительны приглушенные красные и голубые программы, а также чёрно-белые комбинации. Однако в театре нет современного цифрового света, поэтому оказалось невозможным реализовать важные задумки, приходилось экспериментировать со старыми галогеновыми лампами. Относительно хорошее техническое и световое оснащение дало возможность, не прибегая к помощи экрана или проекций, достичь нужных эффектов, например, добиться присутствия луны, о которой часто упоминается в опере, отказавшись от её буквального показа (всего лишь отблеск светила на поверхности каменной стелы), или передать порыв ветра, который сбивает с ног Алеко, бегущего на курган. На фоне звучащего интермеццо были реализованы сцены пробуждения Земфиры в туманных утренних сумерках, созданных посредством дым-машины, и её встречи с Молодым цыганом на кургане в контражурном освещении. В конце спектакля использовалась снег-машина.

Хотя художник по костюмам А. Ротару не обладает большим профессиональным опытом, она постаралась выполнить работу качественно, прислушиваясь к пожеланиям режиссера. А. Ротару удачно подобрала стиль костюмов к сценографическому оформлению. Общее цветовое решение – по-петербургски нейтрально-спокойное, с минимальным привлечением ярких тонов и полным отказом от выраженного красного – исходило от колористики довоенных чёрно-белых фотографий цыган. Ей удалось приблизить одежды ромов к молдавским образцам в духе времени и места, а также избежать излишне нарочитой театральности в образах главных персонажей, выделив и противопоставив им стильный городской облик Алеко. Костюмы и головные уборы оказались удобными для исполнения танцевальных номеров, артисты смогли облачаться в них без посторонней помощи, минимизируя время для переодевания за кулисами во время спектакля.

На должность балетмейстера-постановщика нами был предложен молодой преподаватель Академии музыки, специалист по народным молдавским танцам, бывший солист ансамбля «Жок» Ш. Исак. Появилась идея исключить не только классическую хореографию, но и театральных танцовщиков с академической выправкой. Если хор представляет цыганский народ, пусть его молодые артисты попробуют двигаться в танцах, изображая молодежь, разбивающуюся на пары. В качестве двух мужчин-солистов были приглашены студенты Ш. Исака. Балетмейстер раскрыл особенности художественных образов Земфиры и Молодого цыгана, девушек и парней средствами пластики, используя стиливые особенности разнопланового музыкального материала.

Существенной проблемой оказалась ситуация с дирижёром. Изначально был назначен замечательный белорусский музыкант В. Чернухо-Волич, временно работавший в Кишинёве. Маэстро, прекрасно зная партитуру, не раз дирижировал «Алеко» и с рвением взялся за дело. Проведя всего одну репетицию с концертмейстерами, он, получив приглашение на постоянную работу за границей, вынужден был уехать. Два театральные дирижёра отказались из-за занятости в текущем репертуаре и на гастролях, возможно, не веря в успех молодежного спектакля. Более месяца певцы простаивали без музыкального руководителя, пока не удалось найти одессита И. Знатокова – отличного инструменталиста, не так давно окончившего обучение по дирижёрской специальности в родном городе. По нашей рекомендации его приняли на работу. С поставленной задачей он справился настолько блестяще, что ему предложили остаться в театре в следующем сезоне.

Постановка дипломного спектакля оказалась сложной задачей, несмотря на официальные распоряжения и личную поддержку директора. Со времени распада СССР театр занимался организацией недорогих зарубежных гастролей, эксплуатируя, за небольшими исключениями, ещё советский, потерявший актуальность репертуар. Солисты и дирижёры ориентированы на заработки в турне, а цеха почти полностью превратились в лавочки по обслуживанию заказов со стороны. Театр как организм, осуществляющий серьёзные постановки и премьеры, оказался мёртвым, а художественный персонал, если учесть негативный опыт предшествующих лет пандемии, обленившимся. По истечении безвременья театр во всех сферах наполовину утратил сотрудников с прочными профессиональными образованием и навыками. Для остро необходимой реализации «Алеко» и мотивации коллег нужно было пустить в ход старые добрые связи, обещание премий, небезосновательное выражение восхищения профессионализмом, демонстрацию увлеченности и т. д. Было непросто добиться желаемого качества, однако всех объединяла положительная черта: почувствовав творческую атмосферу, они старались делать всё, как нам хотелось.

Некоторым препятствием оказалось неверие части назначенных солистов не только в удачу проекта, но и в его формальное завершение. Отказались несколько народных и заслуженных артистов, а также трое солистов, нередко выступающих на Западе. Безусловно, они могли бы украсить спектакль, поддержав тем самым начинающего режиссёра. В итоге едва удалось собрать два состава вместо трёх, включая студенческий, в основном из числа собственных друзей. Большим воз-

награждением было то, что после успешной премьеры многие отказавшиеся выразили намерение в будущем участвовать в спектакле.

К сожалению, приходилось отбивать атаки интриганов. Дипломный спектакль, ещё не родившись, был фактически отобран другим режиссёром. К счастью, в мою поддержку негласно выступил коллектив, которому хотелось поработать с новым человеком. К тому же администрация выделила предельно малое количество световых и технических репетиций на сцене в готовых декорациях. За два дня до выпуска «Алеко» был показан давно не шедший, сложный спектакль «Отелло» Дж. Верди, изрядно измотавший хор и оркестр. Некоторые солисты из готовивших выпуск также были заняты в нём.

Подводя итог, отмечу, что, пройдя через трудности в течение сложного полугодового времени подготовки, премьера прошла дважды при аншлаге. Постановка, в которой ставилась задача приближения к атмосфере пушкинской поэмы, имела громкий резонанс. Главным результатом проделанной работы стало то, что «Алеко» взят в репертуар театра. Осуществляя данный проект, удалось приблизиться к решению других задач, главная из которых – популяризация русской оперной классики в Молдове, а в узком профессиональном контексте – повышение квалификации молодых солистов, постановщиков и студентов АМТИИ. Благодаря новому репертуару и свежим режиссёрским решениям был сделан шаг по созданию условий для переформатирования художественной работы театра, объединения и сплочения актерской труппы. Немаловажным фактором оказался выход проекта на самоокупаемость, появилась вероятность будущего проката спектакля на разных площадках республики в целях привлечения новых зрителей.

Во время работы над спектаклем автор встретил существенную поддержку в

лице мастера курса по профессиональной переподготовке в РГИСИ В. Шестакова, проректора, ведущего театрального критика Е. Третьяковой, администрации кишинёвского театра, его артистов, мастеров и работников закулисной сферы, благодаря которым удалось счастливо завершить дипломный показ. Хотелось бы отметить большую роль помощи консультантов, выделив среди них петербургских коллег: солистку Мариинского театра Д. Росицкую (с ней мы отработали концепцию и ключевые мизансцены будущего спектакля) и И. Осипову – представительницу этнических ромов, артистку театра «Ромэн», которая со скрупулезной точностью проследила за психо-поведенческой стороной в трактовках образов цыган. Автор выражает всем глубокую благодарность за искреннюю вовлеченность и интерес к проекту.

Сергей ПИЛИПЕЦКИЙ, доктор искусствоведения. Родился 3 декабря 1981 года в городе Флорешты (Молдова). В 2003 году закончил Государственный университет Молдовы по специальности «История», в 2004 году – Академию Музыки, Театра и Изобразительных искусств в Кишинёве по специальности «Академическое пение». Прошёл ассистентуру-стажировку и закончил аспирантуру в Хоровой академии имени В.С. Попова (Москва, 2020), стажировался в Германии и Румынии.

Солист и режиссёр в Национальном театре оперы и балета им. М. Биешу (Кишинёв). Лауреат международных конкурсов.

Преподаватель Высшей дидактической степени. Руководитель хора мальчиков «Признание» в теоретическом лицее им. К. Сибирского.

ПРОЗА

Поле притяжения

ВЛАДИМИР ЕДАПИН

МИНИАТЮРЫ

Эту повесть никто не...

После некоторых раздумий Автор, наконец, забарабанил по клавишам своего старого напарника – ноутбука:

«Я живу на окраине...»

Пауза.

«...маленького городка...»

Пауза.

«...за железнодорожным переездом, на котором лишь изредка прорычит и быстро исчезнет какой-нибудь старенький локомотив...»

Я живу в маленьком городочке – в маленьком домике – в маленькой комнатке – сижу на маленьком и низеньком стульчике – за маленьким столиком и пишу...

«...а эту историю никто и никогда не...» – Какая же всё это е-рун-да!

Пауза.

Скука.

«Скука. Тоска. Печаль. Всё одно и то же. Из дня в день. Ничего не происходит. Ничего не меняется... Ааа!...» – текст – в блокнот писателя. Вдруг пригодится?

По стёклам окна зацарапали ветки старенькой ивы, жившей по соседству, нет – бок о бок с домом. Неизвестно, кто ещё поселился здесь раньше – дерево или первые жильцы. Кто знает... Я за переездом – новенький.

Новенький, старенький, маленький... Что за сплошные уменьшительные прилагательные сегодня?

Ветви царапают стёкла, это всё ветер: «Ну, поговори, – словно упрасивает он ивушка, – поговори с ним. Ты тут стоишь, он там – сидит... Одиноко же! Поговори, а?»

Старый сводник! А она и царапается, осторожно, застенчиво так, даже нехотя: «Вот пристал, прямо заставляет. А я бы сама ни-ни! Ни за что!»

И стучит... Стучит?!

– Кто там?

– Почтальон Печкин, – раздаётся за окном. – Принёс заметку про вашего мальчика!

Тааак. Ещё интереснее!

– Ну? – не унимались «гости». – Сам же был: «скука, тоска, печаль!»! Теперь не весело, что ли?

– Вы кто?! Что вам надо?! – перешёл я на устрашающий крик. Пусть и севшим и слегка дрожащим голосом. – Не открою!

«Не открою!» – сказал я. И – двери открылись сами. На моём пороге – стояли... гости из сказок.

– Звал? – спросили с ухмылкой.

– Ну как, звал... Помечтывал. Иногда.

– Ну-ну, иногда, – заулыбались они: лешие, кикиморы, коньки-горбунки, бабы-яги, Иваны-дураки и прочие-прочие. – Так вот мы, пришли.

Они – пришли и – наобещали: жизнь – весёлую, богатую, счастливую, три жены, три дома, море денег, а главное – всё сразу и быстро, буквально мигом, – заберём с собой, за тридевять вселенных скоренько слетаем, там время по-другому идёт – минута покажется вечностью...

Автор закрыл ноутбук. Вздохнул. «Фантазёр...»

За окном царапалась ива.

Дай мне руку, друг мой...

«Что это за проза у вас такая? Грустно пишете, печально!» – скажет кто-то.

Да, наверное. Иногда грустно, иногда печально. Как есть. Как в жизни. Ну и что? Кому-то и где-то сейчас тоже наверняка грустно или печально, тоскливо, непросто, нелегко, нехорошо – «на душе», в жизни. Зато он (или она) прочтёт – это – и подумает: «Ну вот, не мне одному (или одной) так... Кто-то и где-то – тоже грустит, печалится, тоскует...»

И ему (или ей) – станет легче. Не оттого, что грустно или плохо ещё кому-то кроме него (или неё). А оттого, что он (или она) в этом не одинок (или – не одинока). Просто – так бывает. И это – непременно пройдёт.

*Дай мне руку, друг мой, дай мне руку,
Я дарю тебе – все эти строки!
Позабудь, прошу, унынья муку –
Мы с тобой теперь – не одиноки.*

Выпить крепкого чёрного чая

Быть.

Любить.

Помнить.

Утром – разрываться между «пора вставать» и «не надо вставать вообще, а просто продолжить видеть свои сны».

Всё-таки встать.

Разрываться между двумя крайностями: не есть по утрам вообще или – пообедать... утром. Не дома. В кафе.

Потом – так, между делом, – посмотреть в окно и вдруг – увидеть стоящую во дворе дома «вынырнувшую» из далёкого Люксембурга (и прошлого) дочь. Не

одну. С её Максом. Причём они оба – как раз в этот же момент смотрят вверх, на окно твоей (когда-то – нашей) квартиры, и тоже видят тебя. Помахать им рукой.

Внутренне содрогнуться от осознания того, что корзинка для печенья – пуста. Уже давно. Даже ни крошки. Заволноваться из-за этого.

Снова глянуть в окно. Никого там не увидеть (прямо как во сне: тут было, а тут раз – и не стало). И ждать – минуту, две, три, пять... А потом – прочесть пришедшее на телефон сообщение: «Просто хотела показать Максу наш двор, дом... Мы ненадолго. Поехали к маме».

А, ну да, ну да... Закивать, мысленно. «Просто показать Максу дом». Ага, да, понимаю. Не ко мне, значит. Ясно.

Написать: «Окей». На самом деле расстроиться. Сильно. Будто сердце оборвалось и рухнуло, провалилось куда-то вниз, под самые ноги, на пол.

«Ты не обиделся?» – прочесть.

«Нет», – соврать, конечно.

Клясть себя за то, что не вовремя выглянул в окно, что махал рукой, да ещё и улыбался, как последний дурак!

Вспомнить (слова дочери): «Никогда у нас не нравилось. Всегда хотела уехать».

В пятьсот двадцать седьмой раз пожалеть, что ты... не «спец по откупориванию бутылок».

Поставить чайник.

Подумать о том, что в следующий раз (когда бы он ни наступил) корзинка для печенья будет полна. Печенье будет свежим и вкусным. А в гостиной на журнальном столике гостей будут ждать семейные альбомы с фотографиями... из прошлого.

Выпить крепкого чёрного чая.

Быть дальше.

Помнить.

Любить.

Кофе

Оставшийся кофе затвердел, собрался в комочки и прилип ко дну и к стенкам металлической банки. Около четверти из пятидесяти граммов растворимого «100 % индийского натурального» теперь придётся «добывать» исключительно «методом отковыривания».

Выражение лица (или лика) изображённой на банке индийской богини (или просто девушки, что в определённых случаях практически одно и то же) с неестественно круглыми грудями казалось безучастным.

«Я – ни при чём», – словно говорила она.

Её изящные, «пойманные» в танцевальной позе тело и руки сообщали, что юная красавица пребывает в состоянии транса и своими мыслями она недоступно далека для всех земных проблем и чьих бы то ни было потребностей.

Ещё лет сорок назад такая баночка была бы «на вес золота» и вообще «чудом

заморским» (одним из них) и после полного опустошения непременно заняла бы почётное место где-нибудь в бабушкином серванте.

А ещё – все члены семьи (и я в том числе), конечно же, опускали бы в неё монетки – достоинством в одну, две, три, пять, десять, пятнадцать, двадцать и даже пятьдесят копеек.

Когда банка из-под кофе, ставшая копилкой, утратила бы способность звенеть своим содержимым, она превратилась бы в самый настоящий клад. Так много чего на собранную в ней сумму можно было бы купить.

В тот счастливый день, «когда баночка перестала бы звенеть», индианка с большими и неестественно круглыми грудями смотрелась бы богиней изобилия... Или радости. Или – того и другого вместе.

Я раскалываю самый большой кусочек кофе и отправляю свою «добычу» в чашку.

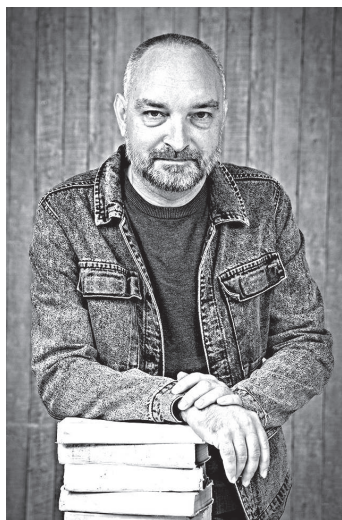
Затвердевший комок смешивается с несколькими чайными ложками сахара, горячей водой из электрочайника и – становится моей своеобразной «радостью».

«Ммм, – моргает глазками танцовщица, – какой приятный комплимент. Спасибо!»

Да не за что.

В наши дни баночка скорее всего стала бы «сборником» для использованных спичек... Или, что ещё хуже, – зловонных окурков. Но я ей об этом не расскажу. Даже богиням иногда лучше не знать всего.

Кусочек Индии. «Кусочек изобилия». «Кусочек» времени – с чашкой кофе – от танцующей индийской богини (или просто девушки, что в определённых случаях практически одно и то же).

Владимир ЕДАПИН. Прозаик. Публиковался в газете «Русское Слово» (Кишинёв), в литературно-художественных журналах, альманахах и коллективных сборниках: «Три Желания» (Рязань), «Автограф» (Рязань), «Край Городов» (Санкт-Петербург), «Междустрок» (Минск), «Странные тексты» (Минск), «ЛитОгранка» (Новокузнецк), «Русь моя» (Москва) и других.

В 2013 году издал сборник короткой прозы «Мысли прохожего» (издательство «Союз писателей», Новокузнецк).

Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси» в номинации «Проза» (Москва, 2013).

Победитель VIII Республиканского конкурса на лучший святочный рассказ (Кишинёв, 2024).

Шорт-лист XXV Купринского творческого конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Литература. Малый эпический жанр: рассказ, очерк, эссе» (Пенза, 2024).

С 2024 года – член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

НОВЫЕ КНИГИ

А ГОЛУБКА ЛЕТИТ...

Несколько дней хожу с ощущением небывалого подарка и праздника.

Оказавшись невероятно созвучной по мироощущению, рукопись новой книги Марины Сычёвой меня увела за собой, заставила горячо сопереживать, выписывать «афоризмы», спорить и удивляться совпадениям в осознании произошедшего со всеми нами. Вот ведь какая штука – живём на разных берегах, в абсолютно противоположных социально-политических условиях, а отмечены, как близняшки, – одним набором «генов» неизбывной привязанности к прошлому. Почти каждое стихотворение содержит вопрос, попытку идентифицировать себя после того, как то, чем гордилась, чем жива была Марина, преданная своей стране, – вере в свою страну! – исчезло; после того, как на продажу, на распыл клеветы и шельмования швырнули всё, чем дорожили поколения её близких. Кто же теперь этот, бывший прежде единым, народ – развеянный по удельным «квартирам»?

*Пуговки-человечки,
сколько нас под комодом?*

Отказавшись в качестве названия от исходного пафосного «Воспоминания о взмахе», от набивших оскомину романтических «Крыльев» и множества их вариантов, Марина назвала свою книгу очень точно: «Не бойся, девочка!». В этом – беззащитность искренности и дерзкое саморазоблачение: да! я – родом из детства, и наивное, неуместное вопрошание (иной читатель и поморщится досадливо: ах, да когда ж они были, эти пионеры?!), по сути, вовсе не наивное, очень честное и горькое:

*Пионерская зорька ясная
алым галстуком на груди
зацепилась. Ужель, напрасное
было детство моё?..*

Да разве ж только детство? (Сегодня нам внушают, что всё-всё-всё было зря и напрасно. Все нечеловеческие жертвы, Великая Победа над фашизмом, созидательный труд и радость коллективного мирного сотворчества нашего многонационального народа,

сумевшего через шестнадцать (!!!) лет после самой кровавой войны в мире запустить в космос человека!) Образы потери, сквозной осени, утраты – неотступны. В живой, некогда понятный и родной мир вторглись ушлые неумолимые силы распада и растрепания.

*Так приходят упадок и разрушение.
Умирает звезда, решив: ни к чему
освещать это небо. И жрёт затмение
человеческий мир – и любовь, и войну.
Угасает звезда. Обрываются нити,
прячется история в крысиную нору,
где в хаосе гибнут миражи событий.
... И рифмы полощутся на ветру.*

В книге пламенеет не привычная для женской лирики потеря любви (в рухнувшем мироздании любовь – не востребована:

*И зрящая душа не находит тепла,
тицетно прислоняясь к себе подобным.
И птица-любовь, расправляя крыла,
парит над Землёй, и опять бездомна),*

но – любимой страны, память о которой не остывает. Время не зарубцовывает раны («Нет, время не река. Оно – пески, что носит ржавый ветер по пустыне!»), они саднят днём и ночью, зашифрованы даже в самых обыденных картинах:

*И пахнет весенним коротким дождём.
А день, простывший, стоит за дверью
и смотрит, как мы в авоське несём
великую память... Друг другу, не веря.*

Поэзия Марины Сычёвой до предела заряжена болью. Не пёстрая, протяжная, уводящая журавлей, осень, не молдавская квёлая зима с дождевой взвесью вместо метелей, не густые туманы с их безнадёжной печалью, не сквозняки, уносящие напрасные рифмы, – не они причиной ощущения безвременья. Но однажды пережитый ужас исчезновения Родины, но сегодняшняя изматывающая тревожность и зыбкость, – понимание, что вот-вот, и земля может уйти из-под ног навсегда!

Скупы и исчерпывающи описания родных пейзажей, и так ждёшь снега, снега – как Вести, как награды, как избавления... и тянется взгляд за спасительным всплеском крыльев верной небесам птицы:

*На красном песке белая птица.
Нежная, чистая. Два крыла.
Господи, светом твоим напиться,
словно голубица, и я смогла.*

Ага! Парадокс смещения, совмещения идеалов – «пионерия» и вера в Бога – это как?! Ничего удивительного. Честное ищущее, смятённое, плачущее сердце непременно приходит к Нему. Счастье – если приходит!

Не случайно во множестве стихов Марины Сычёвой – аллюзии на ветхозаветные истории, псалмы и евангельские образы, обращения к Пресвятой Богородице, подводящие к неожиданно мощному Библейскому Циклу – прежде я не предполагала в авторе столь пристальных внимания и размышлений на эту Тему. Стихи, посвящённые осмыслению самого известного в мире сюжета – Распятия Богочеловека, заслуживает особой подробной рецензии. Я только замечу, что некоторые моменты и ключевые персонажи Евангелия мне, благодаря «версии» Марины Сычёвой, открылись по-новому. Нынче большая редкость – пристальный взгляд на время, окружение, личность Иисуса Христа, понимание всепроникающего Света Его! В русской же поэзии на обоих берегах Днестра подобный цикл – уникален.

*– Но я не вру. Сомнения, Фома,
всегда овладевали сердцем вольным,
рождая в нём вопросов легион.
Послышались шаги издалика.
Сад Гефсиманский колдовал тенями.
– Сюда идут, – едва шепнул Фома,
– За ним идут, Иуда!
– Нет. За нами...*

Наверное, символично, что пишу я вступительную статью к этой книге в канун Светлой Пасхи, и удивительно переплетается Новый Завет с нашей забубённой современностью!

Поэту Марине Сычёвой присущи сдержанность, скромность, поведка интеллигентного человека как можно меньше места занимать в пространстве, обострённое чувство ответственности, привычка во всём искать свою личную вину. Даже у Стены Плача автор не смеет «обратить на себя внимание» Господа больше, чем в привычной молитве: все спешат меж камней оставить записки с просьбами, «А я – не посмела». Вы от кого-нибудь ещё слышали такое признание?

«Курортные зарисовки» – эх, вот, кажется, где отдохнёт читательский взор от «вечных вопросов», – сбывшийся сон об отдохновении: близкий человек рядом, волны, пальмы, бриз, зажигательные танцы, экзотические напитки и восточные ароматы! А вот и нет! В строчках, озарённых солнцем дальних странствий, – образы недавних сограждан великой страны – туристов, одинаково тоскующих по единому пространству, по миру, по любви и пониманию! И чем обольстительнее декорации предлагаемых обстоятельств, тем острее мысли об ответственности перед будущим. Грозно звучат ёрнически перефразированные строчки Пушкина:

*Дети – бомбочкой в бассейн,
беспилотником в волну.
Дети, дети... Наши сети
притащили вам войну.*

Сколько же раз мы уже это проходили?! Ничему не учится человечество: «из огня – да в полымя!»

Обладая великолепным чувством юмора, Марина Сычёва умудряется посмеиваться над паническими атаками недавних ковидных лет собратьев по перу (и, конечно, ну, конечно, – собственными):

*Знай строчит, мол, всё потеряно,
загубили, мол, страну,
и неправильные лидеры,
и конец всему грядёт,
и в халатах белых киллеры,
и несладкий нынче мёд.
Пишет много, пишет истово,
вдаль пророчески глядит,
достигает звука чистого....
А голубка что?
Летит.*

Вот! Летит! «Если душа родилась крылатой – / Что ей хоромы – и что ей хаты!» (МЦ) Что ей исторические катаклизмы? Она останется собой. При всей женственности, тихом голосе и теплоте мягкого облика Марина – человек особого свойства – высоты, духовного полёта, человек, живущий по практически забытым законам чести. Откуда это, идущее вразрез установкам времени, качество?! Стихи – страница за страницей! – дают понимание этого. Дело в неотменяемой опоре, в корнях, в той самой «берёзовой ветке, что стучит в окно, будто хочет меня найти». Мне кажется, Марина и сама только со временем внятно осознала, почувствовала это! Опора – в Памяти непредающей («Каждому даны силы разбудить в себе память»), стоящей на нерушимом фундаменте родного языка русского, родовых установок, в коих непреложны законы совести и достоинства глубоко верующего, трудящегося человека!

Потому и обращён взор души Марины в далёкое детство, потому и находит там ответы на жгучие вопросы. И, оказывается, утраты – нет! Доверчивый безмятежный образ детства, его защищённость сильными, обстоятельными мужчинами семьи – Дедом и Отцом, спокойная уверенность в мудрости и всепонимании Бабушки, в беззаветной любви Мамы; голоса из прошлого – тогда такие обыденные, ныне – пророческие, – всё здесь, всё – в нас, ничего не ушло, все эти «родовые узлы» накрепко нас связывают с родом, Россией, с семьёй, с предназначением человека, а, значит, с Богом!

*...где мама молодая и папа живой,
где Ангел в куклы играет со мной
и шепчет, едва шевеля губами:
«Не бойся, девочка, Господь с нами».*

И невероятным счастьем веет от осторожного – единственного – упоминания о внучке – смысле жизни и её Продолжении. Всё повторяется. Детство – свято, оно – под надёжным крылом Марины!

...Потрясла меня эта книга!

У некоторых из смертных душа – не старится, а женская – подобна радостной светлой девочке, шагнувшей из материнских ласковых ладоней в железный, лукавый, блистающий продажный мир, – попробуй не пропасть, не отчаяться, не очерстветь, попробуй состояться, «сбыться»! – по словам тёзки автора Марины Цветаевой! И, знаете, я не боюсь лобового сравнения, потому что душа Сычёвой,

как человека, как поэта – сбылась. И тут спасением явились любовь и вера великая, – ведь главное, что нам говорит постоянно Господь: Не бойтесь! Радуйтесь! Я воскрес! Жизнь – вечная! Верьте! Однако должна пройти целая жизнь, чтобы услышать это и понять! А для многих-многих этого прозрения не наступает.

*просто всю жизнь мы сдаём экзамен
на чтение кровных узлов своих.
...Я сдать не могу. Получаю «неуд»
изо дня в день, из века в век.
Штопаю дырявый временной невод,
страшусь чудовищных его прорех.
Вынимаю из памяти слёзы-грёзы,
горькие разлуки в конце пути,
отеческий дом, где в окно берёза
стучится, пытаясь меня найти.*

Не бойся, девочка! Ты сдала экзамен на отлично!

03.05.2024

ПОВЕРИТЬ В ЧУДО

Дебютный сборник прозы Наталии Рогаткиной «Волшебница» вышел в кишиневской «Tipografia Centrala» в 2024 году. Книга включает в себя семь полноценных рассказов, каждый из которых – это отдельная история. Нет ни перекликающихся сюжетов, ни общих героев, однако во всех рассказах присутствуют объединяющие черты. Недаром они собраны под одной обложкой! Это и авторский голос, неторопливый, внимательный к мелким деталям. Динамичные сюжеты, яркие, запоминающиеся персонажи... Да и сами истории, очень похожие на сказки с обязательной доброй концовкой.

«Для семейного прочтения» – так написано в аннотации к сборнику. Это правда. Когда читаешь рассказы Рогаткиной, перед глазами естественным образом возникает картинка: сидящий на коленях мамы или бабушки ребёнок с книгой в руках. Чёткое понимание своей аудитории – ещё одна отличительная черта «Волшебницы».

Несмотря на простоту подачи в рассказах поднимаются совсем непростые темы. Это и дети-сироты, и одиночество пожилых людей, и забота о «братьях наших меньших». В рассказах Наталии нет привязки к конкретному месту, но наша реальность вполне узнаваема. И героям порой приходится совсем несладко! Однако отрицательные черты времени специально не муссируются, скорее лишь упоминаются – это жизнь, она разная, такая тоже, ничего с этим не поделать. Детям – настоящим и будущим читателям книги – надо знать и об этом. И пусть позитивная концовка, что присутствует в каждом рассказе, иногда кажется чуть притянутой за уши, даже сентиментальной, но наш мир так соскучился по доброте! Пусть она будет хотя бы на книжных страницах. Или так: вначале на страницах, а потом и в самой жизни. Читая книгу Наталии Рогаткиной «Волшебница», легко поверить в чудо.

Наталия НОВОХАТНЯЯ,

поэт, прозаик,
литературный критик, член Союза российских писателей,
член Ассоциации русских писателей Молдовы.

БЫЛЬ - НЕБЫЛЬ

СЕРГЕЙ ЗАМОЗ

СЛЕЗИНКА НА ПРОЩАНИЕ

(Феерическая повесть)

Демон или колдун? Люди не могли определить сущности Вража, как не знали и возраста этой нежити. Возможно, потому, что никто из живущих его никогда не встречал. О нём лишь слагали сказки предки предков. Люди строили домыслы, считая, что он появлялся из ниоткуда, представляли, что всегда выглядит одинаково: высокий, сухощавый, в тёмном балахоне, лицо своё скрывает под широким капюшоном. Будто так он прячет глаза, вернее, взгляд, которым способен убить каждого, кто случайно встретит его. Но всё обстояло несколько иначе...

Хоть древние легенды и доносили вести о пугающих возможностях сущности, Враж не умерщвлял! Он был одним из тех, кто подводит к последней черте, где отбирают всё, взамен оставляя либо немое забвение, либо добрую память. Он как будто испытывал сострадание ко всем, с кем должен был проститься навсегда, у последней черты, хотя нежити не положены чувства. Под страхом исчезновения им запрещено влиять на судьбы уходящих. Что же касается взгляда... В нём попросту сквозили печаль и усталость... Только и всего....

Существовала у этого загадочного существа своя, никому не ведомая тайна: больше всего на свете любил он свой сад, в котором, словно на кустах акации, крупными гроздьями цвели неисполненные мечты ушедших за черту. Сладкий дух кружил голову, и на волнуемый аромат слетались бабочки. Ими опылялись цветы желаний, из которых вызревали плоды тайн, сновидений и загадок. Именно эти плоды позже дарили новые мечты, каждому, кто вкушал их.

Насекомые отвлекали от постоянных забот. Умиляли их лёгкость и беспечность, порхание завораживало. Возможно, поэтому Враж тихо радовался, что к конечной черте их поведёт не он, а другие сущности.

— Не смог бы я с ними проститься, — ловил он себя на мысли. — Чем беззащитнее существо, тем роднее становится оно, а расставание всегда невыносимо. Жалко их.

Как-то в дивный сад Вража залетело пёстрое облачко. Невесомые бабочки перелетали с цветка на цветок, замирали над одним, отчего их хрупкие крылышки мелко и часто трепетали. О чём-то перешёптывались и весело смеялись, не обращая внимания на угрюмого хозяина, пока тот пытался разобраться, к какому виду принадлежат его гости.

– Радужные чешуйки с чёрными бархатными точками у основания крыльев... и все такие крохотные, быстрые, словно стремятся многое успеть... Они забавные. Живут, не задумываясь о смерти, – заключил Враж, не заметив, что на его плечо опустилась одна из бабочек.

Она отличалась от остальных тем, что была грустна и задумчива. Пока её родственницы лакомились нектаром, она наблюдала за ними с кроткой улыбкой, прислушиваясь к словам Вража.

– Нам ли думать о смерти, – вздохнула она. – Вся наша жизнь – краткий миг воздушного танца. Мы – однодневки и должны многое успеть... Меня зовут Аплик.

Обычно немногословный, привыкший к чужим откровениям, Враж взглянул на гостью и скупое ответил:

– Торопитесь жить...

– Если угодно, – качнула тонкими усиками бабочка. – Хотим насладиться жизнью, её прелестью и красотами.

– Немудрено, Аплик, – кивнул Враж. – Но время быстротечно – всего не успеть. Насладись лучше нектаром. В моём саду он особенный, твоим сестрицам нравится. Смотри, как резвятся.

– Они радуются моменту – нектар, должно быть, хорош: мы ведь не едим вообще, а сестрицы лакомятся. Но сытость не принесёт мне счастья. У меня иная мечта...

«Что может знать о мечте эта козявка?» – подумал Враж. Он видел многих несчастных, которые отправлялись в последний путь совершенно опустошённые, обиженные судьбой, и единственной нитью, что всё же связывала их с жизнью, была мечта. Та, что много-много лет согревает душу. Ведь, по сути, всё наше прошлое – это мечты. Без них жизнь замирает, теряет смысл. Но откуда взяться прошлому у бабочки-однодневки?

– Мечта, – грустно улыбнулся Враж. – Мечты отнимают много времени, с ними слишком хлопотно. И единственного дня жизни недостаточно для исполнения заветной мечты.

– Согласна, но без мечты жизнь бессмысленна! Родиться, чтобы объесться нектара и умереть сытой?! Стоило ли тогда покидать кокон?

Прелестная кроха рассуждала мудро, и это удивляло Вража.

– Ты говоришь смело, словно не боишься смерти. Потому что нечего терять?

– Боюсь, – прошептала в ответ бабочка. – Но ещё больше боюсь не успеть оставить о себе памяти!

Аплик говорила с еле скрываемой робостью, будто стыдилась собственного признания. Но короткая жизнь и неумолимое время заставили признаться в сокровенном. И Враж почувствовал это.

– Вы прекрасны, ваш полёт очаровывает. Разве этого мало? – спросил он.

– Как цветы на лугу: сорви любой – никто не заметит. А я хочу иного!

– Чтобы говорили только о тебе, восторгались исключительно тобою?

– Не так, – обиделась Аплик. – Чтобы, вспоминая, говорили: «Хрупкое тельце прилетело, чтобы подарить восторг!» И чтобы от встречи со мной радовались утру и вечеру, ласковому солнцу, самой жизни. Понимаешь? Не хочу быть порхающим цветком, но греть сердца красотой, чувствовать – хочу!.. Нужно успеть!

«Чтобы замечали красоту в малом... Не этому ли улыбались редкие счастливицы, переступая черту?» – задумался Враж, и на обычно угрюмом лице его скользнула улыбка.

– Другое дело, – кивнул он и неведомо кому повторил:

– Чтобы подарок остался на века...

– Было бы замечательно, – кивнула Аплик. – Кто-то восхитится, увидев меня, захочет поделиться добром с соседом, тот со своими детьми, они – со внуками. Тепло доброты будет согревать века, лечить выстуженные души!

Аплик вызывала улыбку наивными суждениями, но её искренность побуждала к откровению.

Нежители хотелось и помочь, и уберечь от разочарований милое насекомое.

– Подобное желание может вызвать зависть, если сбудется, – пристально взглянул на бабочку Враж. – Всегда ужалит чей-то злой язык, кто-то скажет: «Она прожила жизнь красивой пустышкой!» Стоит ли терять на это день?

– Но это не так! – смутилась бабочка. – Хочу радовать!

– Я знаю, что говорю. Зависть не признаёт ни богов, ни чужого успеха... а уж красоты тем более не прощает. Слова секут и после смерти. Не окажется ли напрасным твой полёт?

– Уж и не знаю, – качнула крылышками бабочка. – Лучше делать то, что велит сердце, чем бестолково красоваться.

Это было сказано настолько искренне, что Враж опечалился. Он поднял глаза к небу и увидел, как на пенных облаках уплывает сегодняшний день. За ним придёт другой, но уже без Аплик... И он поддался порыву – вопреки всему помочь этой милой, вызвавшей у него симпатию, доверчивой бабочке.

– И не будешь, – вновь улыбнулся Враж. – Тобой восхитятся, но там, где нет тебе подобных. Однако мы тратим время: миг твоей жизни – человеческий год. Пойдём-ка...

Враж прикрыл её ладонью, чтобы внезапный порыв ветра не унёс малышку, и поспешил туда, куда уходило на покой солнце, – за пределы сада. Через минуту они оказались у края пропасти, заиндевелившие отвесные стены которой уходили на невообразимую глубину. Оттуда, из крошечного мрака, выплывали странные звуки, схожие с шорохом или шёпотом. В темноте невозможно было различить, что таит в себе бездна, но звуки указывали на то, что неведомую, пугающую утробу кто-то населяет.

– Не пугайся, – щёлкнул пальцами Враж. – Сейчас вылетит хозяйка бездны – угрюмая Андус. Здесь собирают отчаявшихся, осмелившихся свести счёты с жизнью. Думаю, ты бы смогла удержать их от губительного поступка... Красота порой способна предотвратить роковую глупость.

После этих слов время будто остановилось: смолкло всё, и из мрачного жерла бездны раздались глухие шлепки крыльев.

– Кто здесь? – гулкое эхо донесло из глубины голос, и на поверхность вылетела странная длинноклювая птица с чёрным опереньем, плотным туловищем, грушевидной головой и большими, как у филина, глазами.

– А, это ты, Враж! – близоруко прищурилась она. – Зачем позвал? Неужели привёл постояльца?

Андус запрокинула голову и зашипела. Тело птицы судорожно затряслось от смеха, что, видимо, оскорбило гостя.

– Нет, – нахмурился Враж. – Я не толкаю в пропасть! Лишь провожу за черту! Мои спутники уходят с улыбкой...

– А я толкаю, – глумливо подмигнула птица. – В последний миг даже безнадежно отчаявшиеся цепляются за жизнь! Это забавляет...

Андус вновь зашипела.

– Ты всегда был излишне милосердным, – сипло произнесла она. – Потому к тебе и тянутся вереницы людей. Умеешь успокоить у порога забвения... Что ты им шепчешь?

– Прошу поделиться самым добрым, что было в их жизни, – простодушно ответил Враж.

– Жалеешь, значит. Вот почему к каждому своему гостю ты милостив – научился состраданию, а ведь оно заразно! Пойми же, палачей, – а мы и есть палачи! – никто не любит! Людей манит пропасть!

Злорадство птицы раздражало, но Враж смиренно сносил его. Не стоит ссориться, иначе желание помочь Аплик окажется напрасным.

– Всё же жаль твоих посетителей, – спокойно произнёс он.

– Набиваешься в помощники? – распушила хвост птица, заметив, однако, что гость что-то укрывает на плече.

– Что у тебя там? – прищурилась она и подобралась ближе. – Неужто подарок?

Враж приподнял ладонь. И птица увидела, как подрагивает крыльями Аплик.

Бабочка пыталась улыбнуться пернатой властительнице бездны, пока та её бесцеремонно разглядывала.

В чёрных бусинках глаз отражалось радужное тельце. Самой себе Аплик казалась несуразной и незащитной, как прелестная радуга перед наплывающей тучей.

– Красивая, – после недолгого молчания произнесла Андус. – Один взгляд чего стоит – в нём столько света! Кабы люди глядели в глаза бабочкам – исчезли бы самоубийцы!

– Именно поэтому мы здесь, – кивнул Враж. – Давай покажем её твоим постояльцам, и они передумают совершать глупости.

– А давай я оборву ей крылья, и в её глазах появится боль вместо радости! – мрачная птица раскрыла клюв, вытянув отвратительный змееподобный язык, и стало непонятно: смеётся Андус или готовится напасть.

– Даже дышать на неё не смей! Для надежды порой достаточно улыбки. Поверь, мгновение добра способно противостоять вековому злу!

– Зато зло помнится, а добро – редко!

– Но оно дарит жизнь и надежду, как рассвет.

– Я – птица тьмы, и в моей бездне рассвет не наступит никогда! Любую искорку проглочу! За полоской – мрак!

– Мрака нет, – прижал к груди бабочку Враж. – Пока тут живут мечты, там светло!

– Ты это своей козявке расскажи, – сомкнула брови птица. – Смотри, как глядит на тебя. Приручил «зверюгу». Уходите, пока я ей крылья не оборвала! А

лучше заморозь пигалицу, коль не чтишь своё ремесло. Уходите! Мне важна моя работа, а не души постояльцев!

Спор был начат напрасно. Ошибся Враж. Он накрыл плащом Аплик и спешно вернулся в свой сад, где по-прежнему резвились бабочки.

– Мы зря потеряли время, – виновато произнёс он, садясь на траву. – Птица птице – рознь. Не Гамаюн она, конечно... Впрочем... всем за всё воздаётся.

– Вы тоже не вечны? – удивилась Аплик. – Как странно устроен мир: и жертву, и палача за чертой ожидает одинаковая доля?

– У всякого начала есть конец, – кивнул Враж. – Даже сильные дряхлеют. Все сущности ...

– Смертны, – догадалась Аплик.

– Именно, – кивнул Враж. – Но не каждый кланяется смерти... Я – нет! Андус же остервенело исполняет работу, чтобы получить лишний век жизни. Те, что за чертой, помнят меня, они мои друзья. Жертвы Андус проклинают её. И еще: я никого не толкал в пропасть!

Лёгкий ветерок качнул ветку с душистым цветком, из которого вылетели несколько бабочек. Они были так же легки и беспечны в беззаботном полёте. Жаль, что идиллия так же скоротечна, как и век однодневок...

Спала жара. День подходил к концу и нежил бархатным теплом.

– Скоро вечер, – взглянул на солнце Враж. – Время неумолимо, Аплик.

– Но хочется успеть подарить счастье, пока страх не сковал мой полёт, – бабочка робко опустила глаза. Ей хотелось найти замену слову, которого стала страшиться. – Там же будет...

– Скоро ты окажешься у черты, из-за которой никто не возвращался, – перебил Враж. – Страшно ли там? Не знаю, но я провожал многих, у кого с губ не сходила улыбка.

– Думаешь, там весело? – насторожилась Аплик.

– Ты остра на язык, как и положено красавицам... Улыбаются те, кто оставили о себе тёплые воспоминания, – пожал плечами Враж. – Их помянут добрым словом, значит, жили они не зря.

– Боязно пускаться в неизвестность, – призналась бабочка. – И грустно. Обещай, что никогда не забудешь меня. Мне это важно.

Аплик грустно улыбнулась, доверчиво глядя на Вража. И тут он понял, почему нежити не дано испытывать чувства: добро и зло для смерти безлики и лишь красота нужна живущим – сочувствие нарушает законы мироздания! А ещё понял Враж, что к цветам в его саду может прибавиться ещё один – завязанный из несбывшейся мечты Аплик, но вкус у плода будет горьким...

– Я не знаю почему, но не хочется с тобой прощаться... Маленькая бабочка, а как привязала к себе... Наверное, потому, что велико твоё желание сделать этот мир краше. Я бы шагнул с тобой за черту, но меня никто туда не впустит. Имена палачей стираются башмаками идущих на смерть.

– Не говори так, – сложила в мольбе передние лапки Аплик. – Не говори! Потому что я тоже не хочу с тобой расставаться. И был бы у меня ещё день жизни в запасе, провела бы его с тобой. Но нет у нас этого дня. А уходить за черту бесполезной красавицей не хочется. Я мечтаю, чтобы именно мне сказали: «Спасибо». Помоги, если можешь...

– Могу, – поднялся с травы Враж. – Знаю место, где встретят тебя как чудо. Мы отправимся в Царство Вечной Мерзлоты. Сейчас же, пока не прошёл вечер!

– Мерзлоты, – испуганно повторила Аплик. – Разве в холоде возможна жизнь?

– В царстве снега живут непокорённые люди. Свет, тепло и красоту они особенно ценят!

– Красоту, – не могла поверить Аплик. – Неужели её нет в тех землях?

– Предостаточно, – возразил Враж. – Есть там неповторимое Северное Сияние, впечатляют и завораживают Ледяные горы и торосы, поражают забавные и неуклюжие звери, даже форма снежинок восхищает...

– Что же там делать мне? Я потеряюсь среди этого великолепия...

– Дарить тепло... в тебе его много, – Враж грустно улыбнулся. – Чуда, подобного тебе, люди Севера не видели. Они-то и расскажут о «Крохотном Тельце» своим детям. Ты станешь сказкой в Царстве Стужи, самой яркой легендой. Коренные народы узнают, насколько многообразен, но хрупок и неустойчив мир! Как нуждается он в защите! Поймут, что красоту, любовь и теплоту способна подарить даже слабая бабочка-однодневка!

– Но ты не успеешь донести меня, из-за дикой стужи я заледенею и разобьюсь! Мечта напрасна!..

– Вовсе нет, – уверенно ответил Враж. – Уходящие за черту дарили мне много тепла, и оно теперь легко согреет тебя! Главное – гляди в мои глаза, пока не растворюсь во времени...

– Я тебе верю, – шевельнула усиками Аплик. – Поторопимся... Может быть, хоть кто-то успеет заметить меня...

– Заметят! Я войду в гущу Северного Сияния, а уж оно донесёт во все пределы яркий и лёгкий образ бабочки.

Враж протянул руку с сидящей на пальце Аплик, и, обгоняя свет, понесся в Царство Вечной Мерзлоты. Туда, где из-за горизонта в торжественном свечении, переливаясь игрой огней, завораживающие сполохи собрали несколько десятков вольных зрителей – исконных жителей сурового края. Это были взрослые и дети. Все они восторженно глядели на чудо природы.

Арктические ветра, опаляющие морозы и колючие айсберги царапали плоть Вража, рвали на ошмётки его балахон, и от Ледовитого океана капли крови окропили плотный снежный наст. Но люди не знали этого и увлечённо глядели, как некая сущность несёт в своей ладони невидаль, о чьём существовании они знали лишь понаслышке.

«Это та, что дарит любовь», – вспомнил кто-то из собравшихся древнее пророчество.

«Да-да, – вторили тому соплеменники. – Трепетное насекомое, что погибнет, ради нашей жизни! Так поведали духи!»

И никто из этих людей не мог знать, что на самом деле это палач ведёт к последней черте жертву.

– Смотри мне в глаза! – слабеющим голосом напоминал Враж. – Смотри, иначе замёрзнешь!

– Мне тепло, – улыбалась в ответ Аплик. – И я слышу восторженные голоса!

– Это люди радуются тебе. Мы почти у цели, – прошептала сущность. – Я хочу поднять тебя выше. Туда, где переливается Северное Сияние...

– И потом я...

Но бабочка так и не договорила. Она на миг отвела взор от глаз Вража и изумлённо заметила, что сущность рассыпается на мелкие кристаллики, и те, касаясь земли, становятся сочной травой, выстилаясь тропинкой к пику Ледяной горы, на которую её, однодневку, вознёс мрачный Враж.

– Вот и всё, – чувствуя сковывающий холод, произнесла бабочка. – Сейчас я стану льдинкой и рассыплюсь. Прощай!

– Не хочу, – цепляясь за лёд, простонал Враж. По его щеке скатилась слезинка. Горячая капля упала на хрупкое тельце и обволокла его.

– Смерти нет, – бодрилась Аплик. И хотя её крылышки уже почти покрылись чем-то смолисто-вязким, глаза бабочки светились удивительным светом, способным зажечь огонь счастья. – Те, что дарят добро, будут жить вечно, потому что и добро вечно.

Чувствуя, что силы навсегда покидают его, Враж опустил Аплик на вершину айсберга, что покоился у самого берега, и упал. Израненное тело его стало длинной тропой, и выстилали её шелковистые травы, в которых качали разноцветными головками необычные цветы, похожие на бабочек с нежными крылышками. Только не видела уже этого Аплик. Она замерла со счастливой улыбкой на лице в прозрачно-жёлтом куске янтаря – застывшей смоле. Свет Северного сияния разносил её образ во все пределы студёного края. И этому радовались люди, ибо сбылось предсказание шаманов о том, что «прилетит сказочное существо, на которое можно смотреть вечно! И подарит красоту свою, чтобы не охладели сердца наши! И будет тропинка к этому чуду в вечнозелёной траве. И будет видна она каждому жителю нашего края – хрупкая и неповторимая.

Да не растопят её ядовитые людские языки! Да не выключают птицы мрака! Потому что панцирем ей станет слеза друга! Слезка на прощание! А это – нерушимая крепость, потому что не каждому дарят её!» Слезинка на прощанье – оценка всей жизни! В ней всё: и тепло прожитого времени, и любовь, и память близких...

Сергей ЗАМОЗ родился в г. Кишинёве (МССР). В настоящее время проживает в г. Бельцы (Республика Молдова).

Член АРП РМ, член Союза Писателей Северной Америки. Лауреат литературного конкурса «Золотое перо Руси».

Публикации: газета «Моя Семья», «Русское слово» (г. Кишинёв), сайт журнала «Работница», сайт альманаха «Снежный Ком», журнал «Великороссъ», журнал «Южная Звезда», журнал «Новый Континент», электронный журнал «Чайка», детский журнал «Электронные Пампасы», электронный журнал «Кольцо А».

ДЕТЯМ

Арысь-поле

НАТАЛЬЯ РОДИНА

ЛИСТОПАД

Осеннее солнце балует,
Листву в обе щёчки целует,
Румянит зелёный наряд.
Играет в лесу в листопад.

Укутается облаками
И в них пропадёт за лугами,
А листья вдогонку спешат.
Такая игра – листопад.

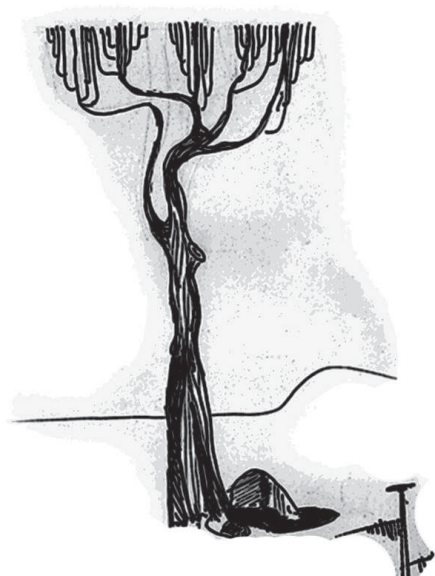
ДОЖДЬ-ОКТЯБРЬ

Дождь-октябрь стучит об лавки.
Наполняются канавки.
Словно плаксе-малышу,
Из окна ему машу.
Слёз его не замечаю,
Солнце-лампочку включаю.
Пошучу-ка я с тобой:
Мороси, уже слепой!

СЛУЧИЛСЯ СНЕГОПАД

Нежданно и негаданно
Случился снегопад.
– Погода нынче странная, –
В округе говорят.
А снег щеночком вертится
Внизу у самых ног:
Проказница-метелица
Резвится вдоль дорог
И подметает улицы
Позёмкою-метлой.

Идёт прохожий, щурится,
Торопится домой.
Он ёжится, он хмурится,
На губы липнет снег,
Спешит навстречу улица
И оставляет след.
А человек сутулится
За шарфом под пальто.
Душа морозом студится
И освещает улицу,
Указывая дом.

СНЕГОВИК ДОЗОРНЫЙ

Стал на страже Снеговик –
К снегопадам он привык!
От снежинки, от снежка –
Вырос до снеговика!
Чтобы заступить в дозор,
Нужен головной убор.
Снеговик дозорный
Носит шлем ведёрный.

ГДЕ ЖИВЁТ СНЕГ

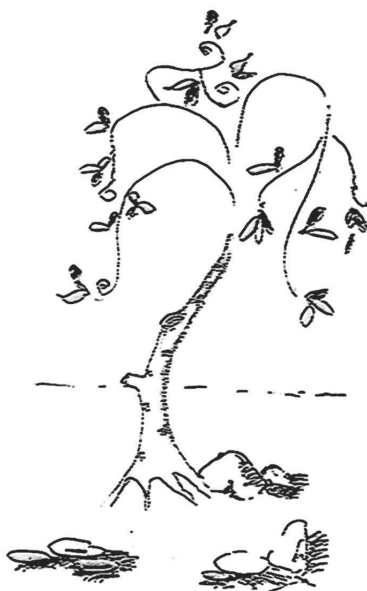
На деревьях чистота –
Ни единого листа.
Только первый снег прилёт
На пушистый белый бок.

Завалился за пенёк,
Притаился, как зверёк,
За морщинистой корой
И резвится с детворой!

Снег на крышах, на земле
И у дворника в метле,
Он в снежинках и снежках,
Прячется в снеговиках.

Им замечено окно.
Им тепло замечено.
Стает после зимних стуж:
Много снега – много луж!

Под окном скатаем ком.
Привезём на санках в дом.
Будем в холоде хранить,
Чтобы зимушку продлить!

СОСУЛЬКА

Растёт сосулька сверху вниз на крыше.
Отсвечивая небом и весной.
Она поёт, сверкает, тает, дышит
И разговаривает каплями со мной:
– Вы знаете, сосульки изо льда,
Сосульки – твёрдая, замёрзшая вода.
В морозы, стужу, холода
Нас не увидишь никогда:
Сосульки в виде снега
Сугробами до неба!
Пришла весна, и мы запели!
По всей земле звенят капли!
Зачем приходит в мир весна? –
Спросила весело она. –
Чтоб мастерить сосульки
И в лужах делать бульки!

ТОЧКА

Как мир велик,
Как я в нём мал.
Я сам себя нарисовал:
Один. В серёдке точка
В альбоме на листочке.
Я мал. А мир – огромный! –
И на листок альбомный
Посыпались ребята,
Щенята и котята,
Как точки и кружочки! –
Нет места на листочке!

ВЕСНУШКА

Я бережно несу
Веснушку на носу:
А вдруг она уснёт
И с носа соскользнёт?

ЁЖ

Радуюсь за ёжика,
Мокрого от дождика:
Вырастает в дождь
Из ежонка – ёж!

ЛОГОПЕД

А вы знаете, мой дед –
Логопед?
Наряжается в халат,
Дождается ребят.
Открывает карточки,
Выставляет галочки.
И ребята с ним при встрече
Делятся дефектом речи.
Принимает деда
Утром – до обеда.
Очередь с хвостом к нему
Потому.
Во врачебном кабинете
он сидит. И входят дети.
Учат с ним скороговорки:
О сороке-тараторке,
Про барана
с барабаном
И Егора каскадёра.
Для картавых только,
Шепелявых только
Дедушка ведёт приём.
Ждём.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВЕТРА

– Звёздами укрылись крыши,
Шу-шу-шу, Агу-малышик, –
Шепчет ветер за окном,
Убаюкивает сном.

Дремлют Мышка со Слоном,
И посапывает Гном,
Засыпающий колпак
Вторит ходикам: «Тик-так!»

В колыбели «шур» да «шур»,
В ней не спится малышу,
Спел: «Агу!», а ветер: «Шу-у-у!»
Подскажу».

Шепчет ветер: «Шу-шу-шу», –
Напевает малышу.
– Спи, я сон посторожу,
Шу-у, шу.

ЗВЁЗДОЧКА МЕЧТА

Опустил ресницы вечер,
Фей позвал ночных,
Повели они овечек
К озеру луны.
И щипали нежно звёзды
Облака-стада,
Падая, рождалась в росах
Звёздочка Мечта.
Спит мышонок в норке сладко,
Колобочком кот,
Детям тишину в кроватку
Ночка принесёт.
За окошком в чистом поле
Ходит Доброта.
Спи, душа, и Бог с тобою,
И твоя Мечта.

Наталья МУХИНА (псевдоним Наталья Родина). Родилась в Кишинёве в 1957 году. Закончила вуз по специальности «Архитектура». В настоящее время живёт в Праге.

С 1998 г. – член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Много лет была членом правления и ответственным секретарём АРП. Автор книги для детей «Секрет. Сказки-раскраски» (2001), сборника поэзии «Я знаю...» (2002), книги сказок «Радуга», книги духовной поэзии «Две Оси» (2017), сборника стихов «Женщина на Выданье» (2017), книги для детей с авторскими рисунками «Ду-гу-ду!» (2020), поэтического сборника «Половина «джонатана» (2024).

ТАМАРА АРТЕМЬЕВА

АБРИКОСЫ

Мы жили с другом в одном дворе, с трех сторон окружённом пятиэтажками. Раньше он был намного больше нынешнего: две детские площадки, горки. Но однажды приехали строители, быстро подняли фундамент, и никто из жителей опомниться не успел, как выросло ещё одно пятиэтажное строение. Именно в нём поселился Сенька. Нам было тогда по восемь лет. Вместе ходили в школу и были не разлей вода.

А затем началась перестройка, и спустя каких-то четыре года мы оказались совсем в другом государстве. Для многих наступили тяжёлые времена. Теперь всё изменилось. Дядя Виталий, сосед по этажу, академик, научный сотрудник химической лаборатории, в один день остался без работы. «А у него три рта, – говорила моя мама, – и всех надо кормить и одевать». Пришлось ему отправляться на «тучу», местный вещевой рынок, торговать обувью. Но торговля шла не бойко, так как ученому-химику воспитание не позволяло спихивать подпольно произведенную одесскую «саламандру» как фирменную.

Дядя Петя, работавший сторожем на продуктовой базе, раньше занимал двухкомнатную квартиру на первом этаже. Когда проходил дядя Виталий, он подобострастно склонялся к перилам балкона и со значением произносил одну и ту же фразу: «Добрый день, Виталий Валентинович. Каковы успехи у нашей науки?»

Теперь же дядя Петя стал обладателем ещё одной квартиры на этаже, и ему уже было не до пустых разговоров. В подвал дома заносили огромные тюки. Постоянно сновали какие-то неизвестные люди. Проходя мимо дяди Виталия, он снисходительно кивал. А его жена, тетя Клава, которую я запомнил с большой метлой в руках, в красно-зелёной цветастой шали, из дворничихи стала госпожой Клавдией. Парикмахерша, выходя из их квартиры, громко благодарила хозяйку за щедрость: «Какие люди, какие люди! Сами жить умеют и другим дают на жизнь».

Сенькины родители подрабатывали за рубежом, но там их не раз «кидали». Моя мама, всплёскивая руками, говорила с отчаянием: «Опять Сеня остался без тёплой куртки, обманули тетю Нину господу буржуи».

В их семье палочкой-выручалочкой была бабушка, которая обеспечивала основной доход. Наталья Никитична, бывший бухгалтер собеса, была очень деятельной несмотря на возраст – семьдесят восемь лет. Каждое утро они с внуком вытаскивали со двора гружённую доверху тележку. Сенька впрягался в неё и медленно тянул по тротуару к тому месту, где за газетным киоском громоздились картонные ящики. Тут же, на проходной части нашей улицы, Наталья Никитична раскладывала всякую бытовую мелочовку: спички, салфетки, мыло. Приторговывала семечками, а летом фруктами.

Сеньку во дворе дразнили извозчиком. Он привык и не обижался. Я старался помогать ему. Мне было проще. Мама ежемесячно получала зарплату, а папа подрабатывал на стройке. Да ещё и дедушка подбрасывал нам из «ветеранских».

Многие соседи разъехались в поисках заработка кто куда, оставшиеся жильцы выживали в это нелегкое время кто как мог.

Большинство нас, детей, это уже хорошо понимали. Мы быстро выросли, редко играли «в войнушку», чаще бесцельно и вяло гоняли мяч на площадке. Самым мудрым среди нас был Сенька. Я ещё кланчил у мамы деньги на мороженое, но никогда не замечал за подобным занятием друга. Он чётко знал – денег на еду не хватает. И все наши мальчишеские игры считал делом несерьёзным, баловством. Однажды утром Сенька зашёл за мной.

– Поехали на дачу, поможем папе собрать абрикосы. Мама сказала, что часть денег от продажи фруктов выделит мне на подарок.

Я отпросился у родителей, и мы отправились в пригород. Огород у Сеньки был ухоженным. Отец, большую часть времени не работавший, пропадал там дни и ночи. «Верно, стыдно жене в глаза смотреть, – говорила моя мама, – тётя Нина, бедная, не знает, как прокормить семью, так хоть с огорода помощь какая-то».

На участке стоял небольшой железный вагончик, где Сенькин отец ночевал и хранил инструменты. Но летом он сильно нагревался и больше был похож на раскалённую бочку, чем на дом.

Взобравшись на деревья, мы принялись собирать абрикосы. Поначалу всё шло мимо ведра в рот, однако, насытившись, мы быстро собрали шесть больших вёдер краснощёких плодов.

– Всё, – прокричал Сенькин отец, – слезайте, а то нам не увезти.

Мы с трудом впихнулись в автобус, заполненный дачниками с нехитрым урожаем в вёдрах и сумках. Теперь бабушке предстояло наши абрикосы продать. То ли у Натальи Никитичны были способности к торговле, то ли Бог помогал семье, а может, цена устраивала покупателей, но вскоре содержимое почти четырёх вёдер перекочевало в чужие сумки и пакеты.

– Сеня, – ласково сказала Наталья Никитична, – внучек, ты бы сменил меня. Продашь абрикосы – деньги твои будут.

– Ну да, мама заругает.

– Не заругает. Мы с ней решили выделить тебе деньги на рубашку, а это будет на подарок для души. Вот и Дима поможет.

Я молча ткнул его в бок, мол, что молчишь, соглашайся. Сенька, ещё не веря в своё счастье, принял у бабушки весы.

– Да смотри не продешеви, – наказала Наталья Никитична. – У меня цена и так ниже, чем у других.

Я помог ей отнести ведра и вернулся к Сеньке. Вскоре к нам подошла грузная дама с рыжими крашеными волосами, распущенными по плечам.

– Почём абрикосы, мальчики?

– Семь леев – ответил Сеня, – посмотрите, какие красивые! Только что собрали.

– А подешевле отдадите? Я возьму пять килограммов.

– У нас и так дёшево, – возразил Сеня. – У остальных по восемь, девять леев.

– А где вы их взяли? Небось, в чужом саду наворовали?

– Никто не воровал, – обиделся я за себя и Сеньку. – Мы их собрали на нашем огороде.

– Ну, ладно, только без обид.

Сенька набрал абрикосов и повернул весы даме. Она внимательно разглядывала каждое деление.

– Ну и зануда, – сказал я на ухо Сеньке.

– Что вы там шепчетесь? Так и хотите обмануть!

– Никого мы не обманываем. Не хотите – не берите. – Сенька выхватил кулек и высыпал абрикосы обратно в ведро.

– Вы только посмотрите, какой грубиян! – визгливо возмутилась дама. – Наворовали где-то и ещё грубят!

– Оставьте их, женщина, – вмешался в разговор пожилой мужчина, продававший разную мелочь, – они бабушку подменили.

Дама фыркнула и демонстративно пошла прочь. Мы с Сенькой молча посмотрели друг на друга.

Напротив нас резко затормозил серебристый мерседес.

– Пацаны, почём абрикосы? – произнёс молодой человек за рулем.

– Семь леев, – сказал Сенька.

– Давайте мне четыре кило.

– Вот, посмотрите, – подошел к открытой двери машины Сенька.

– Держи деньги, пацан. Я спешу. – И машина тронулась с места.

– А сдача? – Сенька оторопело смотрел вслед машине.

К нам подошла женщина с девочкой лет четырех-пяти. Спросила цену и молча покачала головой.

– Мама, купи абрикосов.

– Дорого, Надюша. Пойдём, дома есть вишенки.

Девочка вздохнула и с сожалением посмотрела на абрикосы.

– Подождите, возьмите по пять лей, – сказал Сенька, – мы и так дёшево продаем.

– Не могу, мальчик. Мне надо хлеба купить.

– Ну, хорошо. Возьмите для дочки. – Сенька быстро, боясь, что она уйдёт, стал накладывать абрикосы в кулек. – Возьмите по три лея, здесь почти два килограмма. Даже больше. «Берите», – протянул он кулёк женщине.

– Да что ты, мальчик! Я не могу купить так дёшево. Тебя будут ругать дома.

– Нет, – радостно засмеялся Сенька, – мы их сами собирали. И сами продаём, за сколько хотим и кому хотим.

Мне, сказать по правде, было жаль Сеньку. Пропал его подарок. А он, словно его прорвало на добрые поступки, вдруг предложил абрикосы подошедшей старушке.

– Берите, бабушка, вкусные абрикосы.

– Да нет, внучек, дорогие.

– А мы не продаём, мы так каждому даём, – вдруг сказал Сенька и насыпал бабушке полный кулек.

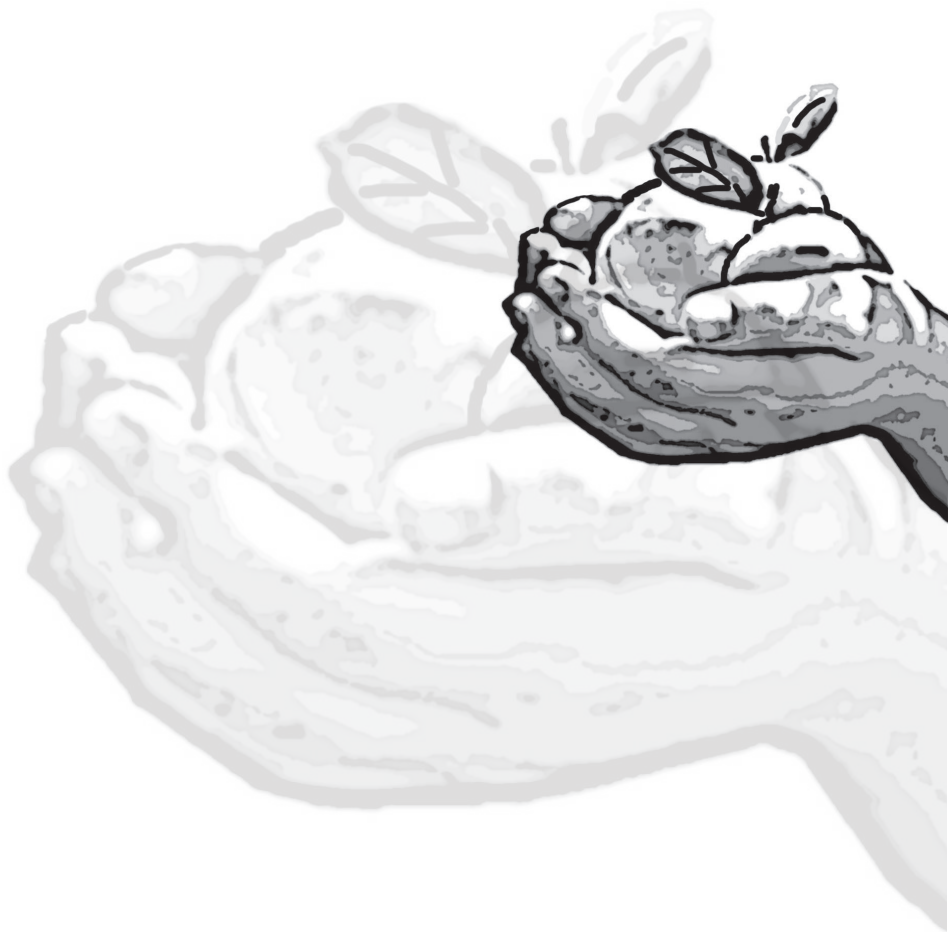
Старушка долго благодарила его.

– Неужели есть еще добрые люди? – спросила она продавца рядом.

– Раз дают, значит, есть, – улыбнулся сосед, – не перевелись, стало быть.

– А чего нам переводиться? – засмеялся Сенька и понёс кулёк с абрикосами соседу. – Угощайтесь!

– Обойдусь без подарка, – сказал по дороге домой Сенька, – пусть поедят витаминов. Мы с тобой вон как объелись! – Он вытащил из кармана полученные деньги и пересчитал их. – Я лучше куплю сестре набор детской посуды. Думаю, этого хватит!

Тамара АРТЕМЬЕВА родилась в Молдове, в посёлке Рышканы. Окончила Кишинёвский политехнический институт. По профессии экономист. Писать начала в 1992 году. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова с сентября 2003 года.

Автор книг «Лучистые сказки» на русском и румынском языках (2005), «Радуга» (2007, в соавторстве), «Где живет Чудо» (Москва, 2022), «Зов мечты» (СПб, 2024).

Публиковалась в журналах «Братина» (Москва, 2010), «Русское поле» (Кишинёв, 2010), «Страна Озарение» (Новокузнецк, 2011), «Союз писателей» (2012), в газетах в газетах «Столица», «Новое время», «Кишинёвские новости».

ГРИГОРИЙ ГАЧКЕВИЧ

ЗАГАДКИ О ВРЕМЕНАХ ГОДА

Согреваются денёчки
В тёплых солнечных лучах,
Снега твёрдые комочки
Растворяются в ручьях,
Появляются листочки
На деревьях и кустах,
Птицы – звонкие дружочки –
Стали реять в небесах...
Ясно всем: пришла она –
Долгожданная ...
(Весна)

Стали дольше дни и жарче,
Стал яснее небосвод,
Солнце светит утром ярче,
Спать спокойно не даёт.
Завершился год учебный!
На каникулы! – Ура!
Каждый день теперь волшебный,
Счастье – с самого утра!
Ждут нас реки и озёра,
А ещё морской прибой,
И подружимся мы скоро
С набегавшей волной.
Это время года с нами
От зари и дотемна,
Осыпает чудесами
За три месяца сполна!
Назовите время это:
Молодцы! Конечно, ...
(Лето)

Тише стали птичьи трели
В небе серо-голубом,
Тихо листья пожелтели
На деревьях за окном,
Засыпает вся природа,
И всё реже солнца свет.
Это что за время года?
... – правильный ответ?
(Осень)

Стало небо тяжелей,
День короче, ночь длинней,
И уже с утра мороз
Щиплет уши нам и нос.
Всё на улицах бело,
Чистым снегом замело
И деревья, и дома –
Это к нам пришла ...
(Зима)

СКОРОГОВОРКИ

1.

Штурман со шкипером шашки достали,
В шашки на шхуне при шторме играли,
Шанс завершить поединок был мал,
Шторм шестибалльный все шашки смешал.

2.

Под сосной пушистой в Чили
Две шиншиллы шубы шили,
Ткали шелковые шали,
Никуда не поспешали.

НУ И НУ!

1.

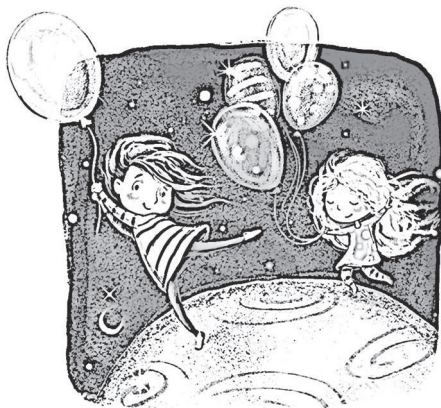
Я испачкал одеяло
 Посредине дня,
 «Горем луковым» ругала
 Бабушка меня.
 Это всё неправда, кстати,
 Расскажу я всем:
 Ел не лук я на кровати,
 А вишнёвый джем.

2.

Размышлял я день-деньской,
 Где гуляет «волк морской»,
 Если он – в лесу, не в море:
 Рыбам – счастье, зайцам – горе.
 Если всё наоборот,
 И по морю он плывёт –
 Рыбы, прячьтесь в глубине,
 Зайцы, радуйтесь вдвойне!

3.

– Посмотри-ка, мой родной,
 Начал дождь идти грибной.
 Руки я раздвинул срочно:
 Все грибы поймаю точно!
 Где же, бабушка, опята,
 Грузди, рыжики, маслята?
 Только капли надо мной –
 Разве это «дождь грибной»?

ШАРИКИ

Лето. Было очень жарко
 В эти выходные,
 Мы купили возле парка
 Шарики цветные.

И потом в квартире нашей,
 Как на карнавале,
 Мы с моей сестрёнкой Машей
 С ними танцевали.

Красный, желтый, голубой
 И зеленый с синим,
 Есть и шарик золотой –
 Он такой красивый!

Мы играли допоздна –
 В комнате летали,
 Но настало время сна,
 Да и мы устали.

Тихо в сумраке ночном,
Но на самом деле
Эти шарики потом
В сны к нам прилетели.

И бродили мы во сне
Вместе с ними по Луне.

КАК СНЕГ ИСКАЛ НОЧЛЕГ

Весь день шёл снег,
Всю ночь шёл снег,
Искал хоть где-нибудь ночлег,
Засыпал всех, укутал всех
В пушистый чистый белый мех.
Но вскоре мёрзнуть начал снег
И перешёл на быстрый бег,
Под утро он ночлег нашёл,
Уснул и стало хорошо.

НА МАРС!

Мы хотим лететь на Марс:
Не когда-то, а сейчас!
Это я и друг мой Мишка,
И его сестра Иришка.
Полетим к другой планете
На космической ракете,
Собрались у космодрома
На столе у Мишки дома.

Чтобы выстроить ракету,
Взяли мы по табурету,
Взгромоздились на столе
В табуретном корабле.
Прихватили по конфете –
Будем завтракать в ракете,
Стартовали утром в среду –
Мамы, ждите нас к обеду!

МУЖСКОЕ СЧАСТЬЕ

Солнцу я кричу: «Подъём!» –
И рукой машу с улыбкой:
С папой в море мы идём
За большой и малой рыбкой.

Ветер свеж, но не суров,
Волны есть, но небольшие,
А вообще-то я готов
К самой яростной стихии.

Лодка движется вдоль скал,
Мы забрасываем снасти,

И, хотя ещё я мал,
Знаю, в чём мужское счастье.

Счастье – с раннего утра
Встав уверенно к штурвалу –
Знать, что мама и сестра
Выйдут вечером к причалу.

И придёт обжора-кот
Непременно вместе с ними,
Он уверен наперёд:
Мы вернёмся не «пустыми»!

Рисунки Ксении Волошиной и Вари Череватенко

Григорий ГАЧКЕВИЧ родился в 1973 году в Молдавии. Окончил в 1994 году Молдавскую экономическую академию по специальности «финансы и кредит». Более двадцати пяти лет работает в финансовом секторе. Награждён орденом «Трудовая слава» и медалью «За гражданские заслуги». В 2023 году окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького (Москва). Автор семнадцати стихотворных книг для детей. Лауреат международных литературных конкурсов и премий. Живёт в Кишинёве (Республика Молдова).

ВРЕМЯ В СУДЬБАХ

МАРИЯ ЕВДОКИМОВА (БАХОВА)

МОЙ АЛТАЙ

У меня было хорошее детство. И юность. Мне часто снился один и тот же сон: я отталкиваюсь от большого замшелого валуна и лечу, лечу над огромной тайгой, над серебристой извилистой рекой, по берегам которой стоят бревенчатые дома. «Это картинки твоего алтайского детства. Ты растёшь», – говорила мне мама. Для меня Алтай – моя малая Родина, место, где я родилась, ходила в детский сад и была любима мамой, папой и старшим братом Петей. Я отказываюсь драматизировать своё детство на Алтае, куда были сосланы мои родители 6 июля 1949 года. Я не могу рассказать, как это всё было, я расскажу, как я это помню.

Шёл 1958 год. Мои родители, Георгий Петрович и Ольга Ивановна Баховы, стали собираться домой, в Молдавию. Мне было пять лет. Я не понимала. Почему они хотят домой?! Дом-то здесь, в селе Верхонуйск Горно-Алтайского края. Мне нравился наш тёплый дом, я любила возвращаться с братом Петей из детсада, громко петь выученные песни и слушать его рассказы. Он учился во втором классе, и я знала, что мой брат очень умный. В один из весенних дней мы проходили около вспаханного чернозёмного поля, и брат объяснил мне, что это наша земля. Попробовала её на вкус. Оказалась солоноватой и горькой родная земляца.

Наши родители работали в совхозе: мама в огородной бригаде, папа – шофёром. Настоящим счастьем было, когда папа сажал меня в кабину огромной машины ЗИС и вёз до околицы, а вечером привозил «хлебушек от алтайского зайца», пропахший бензином. Запах бензина мне родной – это запах моего детства. В нашем доме пахло вкусно, а летом повсюду – аромат мёда. У соседа была пасека и он угощал нас мёдом. Как-то летом мы с Петей сидели на лавочке, пели песни, и его укусила пчела за язык, который быстро распух. Сосед схватил Петю и понёс его в больницу, я бежала за ними, плакала и просила боженьку спасти брата. Всё закончилось хорошо, и я поняла, что боженька на свете есть.

По воскресеньям мама готовила вкусное болгарское блюдо «ихнийку»: мясо курицы с большим количеством лука, муки и перца. Петя мне рассказывал, что на реке Бия в Турачаке, где я родилась, они с дядькой Колей ловили руками вкусную рыбу налим. Дядьке Коле было тринадцать лет. Он был младшим папиным братом и жил с нами. Иногда мама варила жёлтую кашу, которую называла «мэмэлига», а мне она казалась – золотой. Взрослые пили бражку. В четыре года на какой-то гулянке я попробовала втихаря хваленую бражку, та оказалась сладеньким, вкусненьким и крепким напитком.

Мои детские воспоминания поддерживаются сохранившимися фотографиями. На фотоподлинниках мы с родителями, родственниками, соседями на

свадьбах, крестинах, прочих праздниках. Барбаровы – дядя Кузьма и тётя Аня, Калоевы – дядя Афанасий и тётя Парена, мои крёстные Менжеряны, я их хорошо помню. На одной из фотографий я с другом детства Ваней Калоевым на фоне нашей деревянной бани: оба в тёплой одежде, нахохленные, как зимние воробы. На мне праздничные вещи: плюшевое бордовое пальто с меховым чёрным воротником и бомбончиками, цветастое платье из байки, сшитое мамой, белые валежки с галошами, широкие чёрные шаровары. Кстати, по субботам мы парились в этой бане с берёзовыми вениками, причём зимой выбегали на снег и взрослые, и дети, а папа приговаривал: «Кто здесь сибиряк – с полки бряк!». И мы с визгом выпрыгивали за дверь бани в снег, потому что хотели быть закалёнными и крепкими сибиряками. На другой фотографии, сделанной в ателье, мы с братом – он с книгой в руке, я с букетом искусственных цветов, с атласным бантом. Есть два снимка от 11 ноября 1956 года в посёлке Турачак: на заднем плане – картина с хвойными деревьями, высокими горами, двухэтажными домами и мы, нарядные, с мамой и папой. Фотографии были отправлены родственникам в Молдавию. Помню, как фотографировались на грузовой машине с невестой, женихом и гостями: у меня болело ухо, но я должна была петь на этой свадьбе, поэтому тихо сижу рядом с Петей у борта машины в белом платке. Папа играл на гармошке, а я пела озорные русские частушки.

В семье говорили на русском. Мама с папой общались иногда между собой на непонятном языке. Брат объяснил: «Мы – болгары и говорят они на родном болгарском. Вот подрастёшь и тоже будешь говорить на болгарском языке. Но ещё мы – молдаване, потому что родители знают молдавский язык, и они родились далеко». И в Турачаке, и в Верхонуйске всех ссыльных из Молдавии называли молдаванами. Причём отцов в болгарских семьях называли «тете», а в молдавских – «татэ» и на Вы. Мы с братом отцу говорили «папа» и с родителями были на «ты».

Болгарский язык выучила за лето, когда возвратились в Молдавию, в село Московской Кагульского района, на родную для родителей улицу, где в основном жили болгары. В семье тоже стали говорить по-болгарски. Но с Петей и до сих пор общаюсь только на русском – на родном для нас с ним языке, и это на подсознательном уровне. Кстати, первый советский паспорт Петя получил в Молдавии с указанием, что он по национальности русский, хотя он, как и я, болгарин в четырёх поколениях. А получилось вот как. Во время пожара на Алтае сгорели наши свидетельства о рождении. Родители были очень расстроены и не сразу обнаружили, что они записаны в документе как русские. Брата спросили при оформлении паспорта, какой он национальности, и он решил, что раз так сложилось, то он останется русским. Мама и папа не возражали по поводу

Семья Баховых, 1956 год

Петинового решения. Теперь брат с болгарской фамилией Бахов и по национальности русский живёт на Украине.

Ехали в Молдавию долго, дней пять. Я быстро поняла, что в вагоне много народа и можно получить конфеты, печенье и даже яблоки за спетые русские частушки. В Москве на Казанском вокзале нам, детям, купили мороженое «Эскиммо» в серебристой фольге. Это было первое и самое вкусное мороженое в моей жизни. Но перед глазами горькая картина: на ступеньках вокзала, в снежной луже, в валенках без галош, в растопыренной шапке-ушанке, в тяжёлом потрёпанном чёрном тулупе стоит старенький дедушка Фома, отец дяди Мити Бахова, и плачет, плачет. Глаза у него были воспалённые и красные от горестных слёз и, наверное, от счастья, что едет домой. И ещё я там видела светящиеся звёзды на огромном здании вокзала, запомнила мелодичную и красивую песню «Подмосковные вечера». Впоследствии я красочно рассказывала про красные звёзды якобы Московского Кремля и исполняла понравившуюся мне песню своим новым друзьям на сельской болгарской улице с названием «Бурканская».

В моей памяти сохранился момент прибытия в Московей. Родители крепко держали меня за руки. Мне всё было в диковинку: овец называла маленькими коровками, пожилых болгарок в чёрных платьях и платках – монашками. Удивляло, что электрический свет в доме у родной тёти Марийки, у которой мы жили первое время, горел недолго, всего два часа, и купались они по субботам в корыте, а не в бане. Незнакомые люди при встрече с родителями почему-то плакали. Оказалось, что есть бабушка, дедушка, тёти, дяди, двоюродные сёстры и братья. Бабушка Миланья, папина мама, умерла год спустя после нашего приезда в село, как говорили «от горестей и страданий». Сосланы были «навечно» в Сибирь три её сына: старший, мой папа, в Горно-Алтайский край, средний, дядя Василий, – в Бурят-Монголию и младший, девятилетний дядька Коля, жил с нами. Но все возвратились в Молдавию спустя пять-десять лет.

Через два месяца мы выехали из Московей на Украину: нам запретили жить в Молдавии. Мы поселились в маленькой двенадцатиметровой комнате в большом немецком каменном доме на три семьи в селе Кульма Тарутинского района, недалеко от железнодорожной станции Бессарабка. Это немецкое поселение было переименовано в село Подгорное, там я пошла в первый класс. Учиться было интересно, но читать не любила. По настоянию брата читала книгу «Филиппок» Льва Толстого. Читала целый год. Рядом со школой стояла кирпичная немецкая церковь, которая за одну ночь стала сельским клубом. Иногда с одноклассниками ходили туда смотреть чёрно-белое кино. В этом селе родилась моя сестра Мила. Мне часто поручали нянчиться с ней. Быть нянькой мне скоро надоело, и в один из дней я стала её продавать за три рубля всем проходящим мимо нашего дома. Выглядывала из-за каменного забора и предлагала: «Дядя, тётенька, купите хорошую маленькую девочку!» Маме рассказали про мою «коммерцию», и она объяснила, что Милочка – моя родная сестра, а близких и родных надо защищать всегда. Вспоминается ещё одна история. Во дворе стоял очень высокий стог сена, и я предложила ребятам скатываться с него. Все трусили, а я прокатилась и... сломала правую руку. Долго лежала в гипсе в Тарутинской районной больнице. Кости срослись неправильно, и мама возила меня в другое село к известному ко-

стоправу, который на минуту отвлек моё внимание, резко дёрнул больную руку и вправил всё на место. Это избавило меня от инвалидности.

В Московской возвратились в цветущем мае, в 1962 году, в полуразрушенный дом на улице Бурканской, купленный родителями за одолженные немалые деньги. Все годы во время школьных каникул в этом доме мы с родителями и Петей шпаклевали, строгали, красили. Летом работали в школьной бригаде, заработанные деньги отдавали родителям. В отремонтированной большой комнате мама повесила на стенах в тёмных рамах фотопортреты наших дедушек и бабушек – Ивана Дмитриевича и Зиновии Дмитриевны Чевдарь, Петра Георгиевича и Миланьи Васильевны Баховых, а также копии с алтайских фотографий 1956 года, на которых я с Петей и она с папой. В той же комнате, в углу, она поместила икону Божьей Матери. В семье отмечали православные праздники. Вот тогда я узнала, что деда Ивана арестовали в декабре 1940 года за рассказанный политический анекдот, и у него якобы было много земли, которую обрабатывали семь членов семьи. Перед войной в 1941 году его расстреляли. Бабушка Зина умерла в ссылке на Алтае в 1953 году, когда ей было шестьдесят четыре года. Она жила с сосланной семьёй маминого брата – Бориса Ивановича Чевдарь в 60-ти километрах от села Турачак, но маме не разрешили поехать на её похороны.

В доме была ещё швейная ножная машинка «Зингер», от которой, мне казалось, всегда исходило какое-то тепло. Она сопровождала родителей из Молдавии на Алтай и обратно, при возвращении в родные края. Она пострадала во время пожара в год моего рождения в Турачаке: сгорела деревянная крышка, и её заменили. Во время ремонта дома на улице Бурканской мне доверили её отреставрировать: верхнюю деревянную часть покрасила солнечной светло-коричневой масляной краской, а металлическую нижнюю половину – чёрным лаком. Мама на ней часто шила и учила этому нас с сестрой Милой. Каждую неделю, убирая комнаты, я тщательно протирала все детали машинки и всегда её немножко жалела. Она была немой свидетельницей многих событий в нашей семье. Теперь «Зингер» согревает и украшает дом моего сына Дениса.

На многодетной Бурканской улице мы при помощи взрослых построили спортивную площадку. Вечерами мальчики и девочки играли в баскетбол, волейбол, футбол, а зимой – в хоккей. Летом организовывали концерты на нашей улице, предварительно развешивая самодельные афиши по всему селу. Училась хорошо и с удовольствием. Но запомнился первый день в московской средней школе. Накануне мама мне купила сандалии, которые были великоваты, погладила школьную форму, заплела косы. Утром 1 сентября мы с Петей отправились на торжественную линейку, я во второй класс, а брат – в шестой. Среди незнакомых детей чувствовала себя некомфортно, казалось, что все разглядывают мои большие сандалии и потёртый портфель. После двух неинтересных уро-

Брат и сестрёнка

ков нас отпустили домой. Вышла во двор школы, а там пацаны играли в футбол с резиновым мячом. Бросила портфель у импровизированных ворот и стала бегать за мячом. Вдруг какой-то «шкет» подошёл ко мне и сказал: «Чего прилипла к нам, морда кулацкая?». Что такое «кулацкая» я не знала, а вот за слово «морда» стало обидно. Ударила его кулаком со всей силы, подбежала к воротам за портфелем и помчалась на уже родную улицу. Дома выстирала испачканный белый фартук, почистила коричневой ваксой поцарапанные сандалии. Пете рассказала про свои приключения. «Хорошо бегаешь, да и кулак у тебя крепкий. Спортом надо заниматься», – сказал брат. На мой вопрос, что значит «кулакская», ответил: «Сказал же тебе, кулак у тебя крепкий, так значит кулакская ты», – схитрил он. Петя, наверное, понимал, что бесполезно мне объяснять истинное значение этого слова, да и зачем было огорчать мою храбрую и доверчивую девчоночью душу. А может быть, и он не знал, что мы «кулацкие дети», мы-то были просто советскими детьми. Школу окончила с одной четвёркой – по русскому языку и литературе. В старших классах организовывала школьные вечера с различной тематикой, играла в КВН, принимала участие в военно-спортивной игре «Зарница», в различных конкурсах художественной самодеятельности. С пятого класса ходила в спортивную секцию гандбола и с командой ездила на соревнования в Кишинёв, Бельцы, на Украину. В 1968 году наша команда завоевала первое место на республиканских соревнованиях и каждой победительнице, вручили „золотую” медаль, и подарили красивый чешский набор ложек, ножей и вилок, которыми пользуюсь до сих пор.

Мы с братом окончили молдавские вузы, причём я училась на историческом факультете Кишинёвского госуниверситета в русской группе, в третьей, замечательной группе. Мне никто не запрещал участвовать в студенческих научных конференциях и в работе Клуба интернациональной дружбы, играть в народном театре Дворца профсоюзов и защищать честь сборной университета по ручному мячу. Прошло почти сорок три года, но я созваниваюсь и встречаюсь с радостью с сокурсниками, мы поддерживаем друг друга.

На нашей улице стоял дом, из которого выслали родителей в 1949 году, но его занял председатель колхоза П.С. Сычёв. Папа всегда останавливался на минуту возле этого дома и, отходя, оглядывался, как будто прощался с ним каждый раз. Это трогало до слёз. Дом возвратили родителям после реабилитации, после нескольких судов в 1998 году. Они его продали и купили Пете квартиру в городе Первомайске, на Украине, где он живёт с семьёй. Это было наследство бабушки Миланьи и дедушки Петра старшему внуку из рода Баховых.

И ещё о моём папе. Более двадцати лет он работал водителем в колхозе имени Ленина села Московей. На одном из отчётных собраний всплыли приписки при планировании. Папа не побоялся высказаться по этому поводу и в заключение сказал: «Сталина не хватает нам, для порядка!»

В Московей часто приезжали погостить родственники из города Актюбинск, из Казахстана, – Градеско, Чевдари. Они тоже были сосланы «навечно» и не захотели возвращаться в родное село. Там они стали врачами, инженерами, учителями, разводили морозоустойчивые сады и были уважаемыми людьми. Любимый всеми родственниками дядя Коля, Николай Петрович Бахов, окончил военное танковое училище и десять лет служил в Германской Демократической Республике. Он возвратился на Родину в звании подполковника и жил до конца жизни в Бельцах.

Ещё один раз меня попрекнули, назвав «кулацкой дочкой». Я тогда была главным хранителем в Республиканском музее дружбы народов в Кишинёве. После каких-то споров по работе бывший директор сказал, что мне, «кулацкой дочке», не место в идеологическом учреждении. Это было в 1985 году, в период гласности и перестройки. Именно в эти годы родителям как репрессированным выделили землю от колхоза, по квоте на каждого. Мама получила денежную компенсацию за сына Ивана, умершего от воспаления лёгких на Алтае в возрасте одного года. Были у них льготы на некоторые коммунальные услуги и небольшая прибавка к пенсии.

В 2011 году мэрия Кишинёва выдала мне удостоверение как «пострадавшей от политических репрессий». Теперь я езжу по любимому городу бесплатно и получаю каждый месяц прибавку к музейной пенсии. Брат Петя, проживая на Украине, не получает ничего и не имеет никаких льгот. Мой муж, Анатолий Константинович Евдокимов, как-то сказал, что в нашей семье я – алтайский стержень. Может, логично, что мы вместе, потому что верю ему, и он мне предан все сорок четыре года, отпущенных Всевышним нашей семье, «ячейке советского общества».

Более четырёх десятилетий я в музее и очень люблю свою работу: повезло мне в жизни с любимым делом. В Национальном музее истории Молдовы отвечаю за фотодокументальный фонд, в котором хранится немало воспоминаний, документов, фотографий людей, пострадавших в период репрессий в 1937–1954 годы. Конечно, это горестный период в нашей истории. И мы должны помнить об этом, чтобы подобное не повторилось. Многие были сосланы, но возвратились в родные края, нашли в себе силы жить, радоваться и ... прощать врагов своих. Мои мудрые родители сумели пережитое в Горно-Алтайском крае превратить своей достойной жизнью в дорогой человеческий опыт, в тёплые воспоминания о добрых и открытых людях, об удивительно красивой природе этого сурового края на земле. И передали это богатство нам, своим детям.

Мой сын записал на видеокамеру разговор с папой, когда он был уже очень болен, в последний его восемьдесят первый день рождения. Денис его расспрашивал о многом и о том, когда же он был счастлив в своей непростой жизни, в которой были и войны, и голод, и депортация, и перестройка. Папа долго думал и сказал: «На Алтае. Там были добрые люди, чистый воздух и мы с бабушкой Олей были молодыми. И страдания, которые нам дал Господь, мы пережили, чтобы ты и твои дети, и твои внуки были лучше нас...»

Мама и папа уже нет в живых, но всю свою жизнь я живу с оглядкой на них, с любовью, благодарностью, огромным уважением и преклонением перед ними. За всё.

Мария ЕВДОКИМОВА (БАХОВА) – сотрудница Национального музея истории Молдовы. Сама говорит о себе так: «Все самые щедрые подарки в моей судьбе я получила от мужчин. Их было четверо. Отец 71 год назад на Алтае подарил мне Жизнь. Муж 48 лет назад в Кишинёве подарил Любовь на все времена. Сын 46 лет назад подарил мне Счастье материнства и помог стать собой. Директор Республиканского музея Дружбы народов 47 лет назад принял в штат научных сотрудников и подарил любимую Работу – хранителя музейных ценностей. Несколько лет назад мне подарили журнал «Русское поле», который я прочитала от корки до корки, до последнего листа. Горжусь тем, что этот журнал издаётся в моей стране и читается на всём постсоветском пространстве».

Индекс подписки: РМ 21555

Стоимость подписки на 3 месяца - 130,95 лея

Для пенсионеров
индекс РМ 21555\22,
на 3 месяца - 119,25 лея)

ПОДПИСКА
на газету
РУССКОЕ СЛОВО
В БЛИЖАЙШЕМ
ОТДЕЛЕНИИ
ПОЧТА
МОЛДОВЫ

Друзья,
подписывайтесь на газету
«Русское слово»!